

Ри. А-1169
-399

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

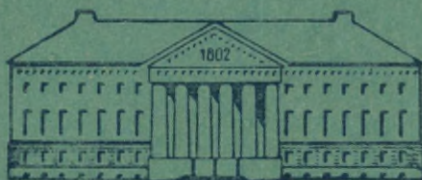
ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 399 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

EESTI NSV AJALOO KÜSIMUSI

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ЭСТОНСКОЙ ССР
IX

ТАРТУ 1977

Per. A-1169

- 399

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 399 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

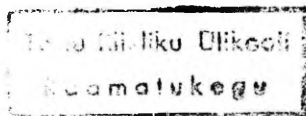

EESTI NSV AJALOO KÜSIMUSI
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ЭСТОНСКОЙ ССР
IX

TARTU 1977

Toimetuskolleegium: A. Luts (vastutav toimetaja), H. Ligi, H. Pii-
rimäe, K. Siilivask, S. Vahtre

Редакционная коллегия: А. Лутс (ответственный редактор),
Х. Лиги, Х. Пийримяэ, К. Сийливаск, С. Вахтре

V eks.

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 399. Вопросы исто-
рии Эстонской ССР IX. На эстонском и русском языках. Резюме на немецком языке.
Тартуский государственный университет, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликоолн, 18.
Vastutav toimetaja A. Luts. Korrektorid G. Neppel, V. Loginova, V. Lang, G. Kondas.
Ladumisele antud 3. XII 1975. Trükkimisele antud 3. XII 1976. Trükipaber 60×90¹⁶. Trü-
kipoognaid 7,0 + kleebis. Arvestuspoognaid 7,62. Trükiarv 500. MB-09181. Tell. nr. 6486.
Hans Heidemann'i nim. Trükikoda, ENSV, Tartu, Ülikooli, 17/19. II.
Hind 1 rbl. 14 kop.

© Tartu Riiklik Ülikool, 1977

EESTI TÖÖRAHVA KOMMUUNI VÕIMU PERIOOD TARTUS

K. Siilivask

NSV Liidu ajaloo kateeder

24. veebruaril 1918. a. lõppes esimene nõukogude võimu periood Tartus, mis oli alanud ajaloolisel päeval — 6. nov. (25. okt.) 1917. aastal, millal Tartus, samaaegselt relvastatud ülestõusu võiduga Petrogradis, oli võim läinud töörahva kätte. Veidi vähem kui nelja kuu jooksul oli Tartu linnas ja maakonnas saavutatud silmapaistvat edu sotsialismi ehitamisel ja nõukogude võimu kindlustamisel.

24. veebruaril Tartusse sissemarssinud Saksa imperialistlikud väed, keda balti-sakslased ja eesti kodanlased hõisates vastu võtsid, likvideerisid nõukogude võimu, taastasid kodanluse eraomandi ja andsid mõisad parunitele tagasi. Sajad linna ja maakonna töörahva pojad paisati vanglatesse ja koonduslaagritesse. Okupantide sissetungimise esimesel päeval lasti Emajõe ääres maha suur grupp sõjavange ja nõukogude aktiviste, enamasti läti 7. Bauska polgu sõdurid, kes olid okupantidele Elva piirkonnas vastupanu osutanud. Pögenema pääses teada olevatel andmetel siiski 2 meest.¹

Eesti rahva rõhuv enamus, välja arvatud kodanluse ringkonnad, võttis okupante vastu varjamatu vaenuga ja osutas nende korraldustele massilist stiihilist vastupanu. Selle teadlikule organiseerimisele asusid eesti bolševikud. Nende tegevus oli aga esialgu tõsiselt raskendatud, sest okupantide ootamatu sissetungi tõttu hävitati partei legaalsed organisatsioonid ja tuli luua illegaalsete organisatsioonide võrk. Aprilliks moodustati need Tallinnas, Narvas ja arvatavasti ka juba Tartus. Nende tegevust suunas Nõukogude Venemaal loodud VK(b)P Eesti Osakondade Keskkomitee. Viimase nimel saatis V. Kingissepp 1918. a. juunis VK(b)P Keskkomitee Büroole kirja, milles rõhutati vajadust asutada Tartus illegaalne trükikoda revolutsioonilise kirjanduse trükkimiseks ja levitamiseks.² Andmed selle loomise kohta aga puuduvad.

¹ «Правда» 2 марта 1918 (mahalastute arv ulatunud 119 meheni); История Латвийской ССР, т. III, Рига, 1958, с. 107; «Правда» 31 мая 1918.

² J. R a i d. Okupatsiooni ikkes. Tln., 1966, lk. 139, 155.

Samuti on need Tartu illegaalse parteiorganisatsiooni tegevuse kohta üldse napid.

19. oktoobril Moskvast toimunud okupeeritud piirkondade kommunistlike organisatsioonide konverentsil esinenud Eestimaa Kommunistliku Partei esindaja Jaan Mäe sõnavõttust selgub, et selleks ajaks oli EKP illegaalsetes organisatsioonides 420 partei liiget, neist umbes 200 Tallinnas, 40 Narvas ja 10 Tartus.³ Pärast konverentsi EKP illegaalsete organisatsioonide tegevus Eestis aktiveerus. Siia saadeti rohkem kogenud organisatoreid ning asuti looma relvastatud salku okupantide minemakihutamiseks.

Pärast 1918. a. novembrirevolutsiooni Saksamaal laienes revolutsiooniline käärimine Saksa vägede hulgas Eestis. Okupatsiooni-võimude jõudude nõrgenemise tõttu lubasid nad 11. novembril alustada Tallinnas tegevust kodanlikul Eesti Ajutisel Valitsusel. Okupantide tiiva all (need lahkusid Tartust lõplikult alles 17. detsembril 1918. a.) võisid kodanlikud võimud asuda korraldama oma kohapealset võimuaparaati.

16. novembril toimus aga Tallinnas ka EKP konverents, mis valis EKP Keskkomitee, eesotsas V. Kingissepaga. Keskkomitee asus organiseerima laialdast võitlust okupantide ja kodanliku valitsuse vastu. 13. novembril tühistas Nõukogude valitsus Bresti rahulepingu ja asus tegema ettevalmistusi okupeeritud alade vabastamiseks. Novembris asuti koondama Punaarmee jõude, eelkõige Nõukogude Venemaale koondatud läti ja eesti kommunistlike kütipolke Narva ja Pihkva piirkonda, et anda siit löök okupantidele ja valgekaartlastele.

29. novembril kuulutati vabastatud Narvas välja iseseisev Eesti nõukogude vabariik Eesti Tööraha Kommuuni nime all. 16. detsembril vabastasid Narvast pealetungivad eesti kütipolgud Rakvere. Pihkvast pealetungivad Punaarmee üksused eesotsas läti kütidega vabastasid 8. detsembril Võru ja 17. detsembril Valga, kus kuulutati välja Läti Nõukogude Sotsialistlik Vabariik. 20. detsembri paiku olid Punaarmee üksused lõunast ja põhjast (Tapa piirkond) juba jõudnud Tartu joonele või sellest möödunud. Siin kujunesid soodsad tingimused nõukogude võimu taastamiseks, mida arvestasid ka Tartu tööliselised kommunistide juhtimisel.

Tartu vabastamiseks moodustati Punaarmee kohaliku väejuhatuse poolt vägrupp 49. kütipolgu osadest (kaks selle polgu roodu tegutsesid Põhja-Eestis nn. Tjurini salgas), kahest eskadronist ratsaväest ja kahest kahurväe patareist, kokku umbes 1500 meest. Grupi ülemaks määrati 6. diviisi II brigaadi ülem Travinski. Pealetung Tartule toimus kolmest suunast: Petserist üle Räpina, Võrust piki Tartu—Võru maanteed ja Valgast. 18. detsembri paiku jõudsid Punaarmee üksused umbes Võnnu—Liiva joonele 25—30 kilomeetri kaugusele Tartust. Liiva küla ja hiljem Tatra kortsu juures toimusid Punaarmee üksustel lahingud Bulak-Balahhovitši

³ J. R a i d. Okupatsiooni ikkes, lk. 155; «Правда» 22 сент. 1918.

ja B. Permõkini vene valgekaartlastega, keda toetasid Eesti nationalistid. Kokku oli neid 800 meest kolme kahuriga. Ent Punaarmee survele pidid nad taganema.⁴

Kodanlikud võimud ja kohalik väejuhatust valmistasid palavikuliselt vastupanuks. Võrreldes läheneva Punaarmee jõududega oli valgekaartlikel vägedel Tartu piirkonnas tugev arvuline ülekaal. Kodanliku sõjaajaloolase kolonel Maide andmetel oli sellal Tartus formeeritava 2. kodanliku eesti polgu koosseisus 2300 meest. Tartusse taganesid veel Võrus formeeritud 3. eesti polgu üksused, mõned kaitseliidu salgad ja Bulak-Balahhovitši vene valgekaartlased. Ka oli Tartus organiseeritud balti-saksa nn. Heimatschutz'i salk. Kokku oli kodanikke jõude umbes 3500 meest, s. o. üle kahe korra rohkem kui pealetungivates Punaarmee üksustes.⁵ Kuid vaatamata sellele tuli kodanlikel võimudel linn käest anda lahinguta.

Seda põhjustasid eelkõige kaks asjaolu. Esiteks rahutused ja vastuhakk Tartus formeeritavas 2. eesti polgus ja teiseks Tartu tööliste relvastatud ülestõus.

Kodanlusevastane revolutsiooniline propaganda, mida teostas illegaalne EKP Tartu organisatsioon, levis mitte ainult linna töörahva kihtides, vaid ka 2. kodanliku polgu sõdurite hulgas. Viimastele anti käsk minna rindele lõuna pool Tartut Punaarmee vastu. Sõdurite enamus keeldus käsku täitmast. Selles avaldus mobiliseeritud linna ja maakonna töörahva rahulolematust kodanlike võimude vastu. Keeldumise ettekäändena nõudsid nad korralikke riideid, jalanõusid ja palka. Kommunistid kasutasid sõdurite rahulolematust ja agiteerisid neid välja astuma kodanlike võimude vastu. 20. detsembril panid sõdurid seisma ladude evakueerimise Tartu raudteejaamas. Mitmel pool tekkis tulevahetus kodanlusele truuks jäänud jõududega. Viimased ei olnud aga võimelised rahu-
tusi maha suruma ja hakkasid 20. detsembri pärastlõunal linnast paaniliselt taganema. 21. detsembri varahommikul kell neli lahkus linnast ka 2. kodanliku polgu staap koos talle truuks jäänud ohvitseride ja sõduritega. Põltsamaale jõudes oli polku järele jäänud ainult 104 ohvitseri ja 608 sõdurit.⁶ Nii toimus Tartus see, mida kartsid paljud kodanlikud võimumehed: kodanlikku armeesse vägivaldselt mobiliseeritud meestest, kes said kätte relvad, keeldus enamus sõdimast Punaarmee vastu.

Kujunenud soodsas olukorras astusid välja Tartu organiseeritud tööliised ja võtsid võimu linnas enda kätte. Uue võimu organiseerijaks sai EKP Tartu organisatsioon, kuhu kuulusid aktiivsemate seltsimeestena Ed. Teiter, Vissak, Ed. Hurt, Hendrikson, Mõttus, P. Mõttus, Kersten, Temmel, Saarepuu, Zirkel, Nigulas jt.⁷

⁴ «Edasi», 1918, 21. det.

⁵ J. Maide, Ulevaade Eesti Vabadussõjast 1918—1920. Tln. 1933, lk. 190.

⁶ Sealsamas, lk. 190; «Edasi», 1918, 21. ja 23. det.

⁷ «Edasi», 1918, 23. det.

EKP organisatsiooni ja Tartu Ametiühingute Keskbüroo poolt moodustati arvatavasti 20. detsembril Tartu Erakorraline (Kaitse-) Komitee,⁸ mille isikulist koosseisu me kahjuks praegu ei tea.

Komitee esimeseks sammuks oli punase kaitseväge ja töölismiilitsa moodustamine, kes asus asutusi üle võtma ja linnas korda looma. Eriti ärev oli olukord raudteejaamas, kus sõdurite ja teatud osa elanikkonna poolt rüüstati kaubaladusid. Tööliste kaitseväge organiseeris ja korrahoidmist linnas teostas esialgu Tartu Ametiühingute Keskbüroo.

Komitee poolt astuti samme revolutsioonilise ajalehe loomiseks, milleks võeti üle «Postimehe» toimetuse ja trüükikoda. Seal koostati ja trükiti ajalehte «Edasi», mis ilmus järjena 1918. a. veebruaris ilmumast lakanud «Edasile». Esimese (järjekorras 33.) numbri väljaandjaks oligi Tartu Erakorraline Kaitsekomitee. Ajaleht ilmus loosungi all «Elagu Eesti tööliste ja maatameeste nõukogude vabariik!» Ajalehes avaldati teadaanne, et «tänaest päevast päele, (s. o. 21. detsembrist — K. S.) on kommunistide (enamlaste) erakond kuni nõukogude valitsuse kujunemiseni linnas võimu oma kätte võtnud». Teadaandes kutsus «Tartu kommunistide erakonna juhatus» kõiki töökodasid ja ametiühinguid saatma oma esindajad sama päeva õhtul kell 8 linnavalitsuse, s. o. raekoja ruumidesse koosolekule.

Juhtkirja kohal avaldatud artiklis kutsuti veelkordselt kõiki parteisid, ametiühinguid ja tööstusettevõtteid saatma oma esindajad — 50 isiku pealt üks esindaja — õhtul Tartu Tööliste Nõukogusse.⁹

Avaldati «Tartu tööliste organisatsioonide» määrus, milles ähvardati rüüstajaid koha peal punase kaitseväge poolt maha lasta, keelati korrariikumised ja kogunemised tänavatel. Seda täiendati Tartu Erakorralise Kaitsekomitee teadaandega, milles keelati loata liiklemine tänavatel kella 9-st õhtul kella 5-ni hommikul ja ähvardati korrariikujaid karmide abinõudega. Kokkutuleva tööliste nõukogu saadikutele lubati ööload anda raekojas. Arstidele ja teistele, kellel öine liikumine vajalik, lubati öölubasid anda Erakorralise Kaitsekomitee poolt raekoja kõrval endise komandantuuri ruumides.¹⁰ Töölisi kutsuti üles omakaitset korraldama, asuma viibimata tööliste miilitsat looma, et võidelda eesti kodanluse ja inglaste vastu, kes «tahavad töörahvale tina tuua».

Seega teostas kõrgemat võimu linnas esialgu Tartu Erakorraline Kaitsekomitee, mille korraldustele vastavalt tegutsesid töölis-

---

⁸ «Edasi», 1918, 21. ja 23. dets. Uue võimu tekkimisest rääkis V. Rättsepp Tartu Tööliste Nõukogu koosolekul 21. dets. õhtul järgmist: «Kui endised võimud lahkusid, ei jäänud koha päale ühtki võimu. Ametiühisuste keskbüroo ja Kommunistline erakond võtsid võimu esialgse korralduse oma päale.» («Edasi», 1918, 23. dets.)

⁹ «Edasi», 1918, 21. dets.

¹⁰ Sealsamas.

organisatsioonid ja punane kaitsevägi. Tema nimel hakkas ilmuma ka ajaleht «Edasi».

Tartu Tööliste Nõukogu saadikute valimistest kohtadel ei ole täpsemaid andmeid. Võib arvata, et need olid juhusliku ilmega ja kiiruga läbi viidud, seda enam et 21. detsember oli laupäev. Nõukogu tuli raekojas kokku samal päeval. Selle avas ametiühingute gelane V. Rättsepp, kes märkis, et erakordsete asjaolude tõttu tuli nõukogu moodustada väga kiiresti ja selle tõttu saab tal olla vaid ajutine iseloom. Kuna kõige pakilisemaks ülesandeks oli korra tagamine linnas (raudteejaamas jätkusid veel korratused), otsustati valida erakorraliste volitustega 12-liikmeline Tartu Revolutsiooniline Komitee koosseisus: Viikmann, Tooming, Ploom, Beljaev, Hurt, Kärsten jt. Samuti valiti 15-liikmeline Tartu Tööliste Nõukogu Täitevkomitee (Freiberg, Keerd, Peets, Hurt, Kull, Teiter, Laabus, Sutt jt.). Kuid Tartu Nõukogu ja tema täidesaatvate organite koosseis oli juhuslik ja poliitiliselt ebaühtlane. Nii taheti esialgu valida täitevkomiteesse ka endise linnavolikogu esimeest Lui Oleskit, kes varem oli aktiivselt Kaitseliitu organiseerinud.¹¹ Kommuniste oli uutes organites suhteliselt vähe.

Nõukogu koosolek lõppes kell 23.15 õhtul. Kohe pärast nõukogu koosolekut toimus Raekoja saalis EKP Tartu organisatsiooni koosolek. See asus seisukohale, et tunnistada tuleb vaid sellist võimu, mis asub kommunistlikul platvormil. Seepärast võeti ka äsja moodustatud nõukogu suhtes seisukoht, et ta on ajutine ega oma seadusandvat võimu. Tema ülesandeks olgu võidelda korraldelduse vastu ning ta tuleb ligemal ajal asendada uuega.¹²

Umbes samal ajal — öösel kell 2 vastu pühapäeva, s. o. 22. detsembrit — jõudsid Punaarmee 49. polgu väeosad linna piiridesse, tulles linna piki Võru maanteed. Ropka linnaosas tapamaja juures olid neile vastu tulnud Tartu punase kaitseväge ja kommunistliku parteiorganisatsiooni esindajad. Toimus südamlükkohtumine, mille järel väeosa «liikus tapamaja teed lauldes linna, kohalikkude seltsimeeste saatel»¹³. Nad paigutati kasarmutesse, kus öökorterid juba valmis oli tehtud.

Kodanlike jõudude kiire lahkumise tõttu sai Punaarmee Tartus ka küllaltki palju sõjasaaki: 80 vagunit, mitu vedurit, mürske, padruneid ja muud sõjavarustust.

22. detsembril kell 2 päeval korraldati Tartu Käsitööliste Seltsi, nn. Bürgermusse saalis ülelinnaline töörahva koosolek, esimene pärast ligi 10-kuulist vaheaega. Siin selgitati poliitilist olukorda ja paljastati kodanluse tegevust.¹⁴

Samal päeval käisid ka «Edasi» toimetuse töötajad Punaarmee 49. polgu esindajate jutul. Selgus, et see polk oli Pihkva vabas-

¹¹ «Edasi», 1918, 23. det.

¹² Sealsamas.

¹³ Sealsamas.

¹⁴ Sealsamas.

tamisest aktiivselt osa võtnud ja saanud selle eest Petrogradi töolistelt punalipu. Nad rääkisid oma sõjateest kuni Tartuni ja rõhutasid, et polk ei kavatse segada Tartu valitsemise siseasjadesse, mis jääb täielikult kohalike võimude hoolde.

Sama päeva, s. o. 22. detsembri õhtul toimus Tartu kommunistide üldkoosolek, millest võttis osa ka 49. polgu komissar P. Smorodin. Siin otsustati võitluseks kontrevolutsiooni vastu kuulutada linnas välja sõjaseisukord, anda ülemvõim 49. polgu poolt määratava komandandi kätte ja luua uus Tartu Kommunistlik Revolutsiooniline Komitee. Selle koosseisu valiti 9 partei liiget (Visak, Hendrikson, Möttus, Hurt, Kersten, Teiter jt.). Samuti otsustati luua 7-liikmeline erakorraline komisjon võitluseks kontrevolutsionääride ja spekulantide vastu. Sellesse valiti 2 esindajat (Zirkel ja Nigulas), kuna 5 kohta pidi siin kuuluma sõjaväelastele.¹⁵

Tartu parteiorganisatsiooni 22. detsembri koosoleku otsuste alusel koondati kogu võim linnas vastloodud võimuorganite kätte. Tartu Ametiühingute Keskbüroo andis alates 22. detsembri õhtust korrapidamise funktsioonid täielikult üle parteiorganisatsiooni esindajatele. Kommunistlik Revolutsiooniline Komitee kohustas oma korraldusega avama esmaspäeval, 23. detsembril kõik kauplused; suletud poed kuulusid natsionaliseerimisele. Kõiki ametnikke kohustati jätkama oma tööülesandeid asutustes.¹⁶ Otsustati ümber registreerida endine punane kaitsevägi, kuna sinna oli sattunud ka ebausaldatavaid inimesi.¹⁷

Järgnevalt kulges uue korra kehtestamine kuni 28. detsembrini Tartu Kommunistliku Revolutsioonilise Komitee juhtimisel. Üsna varsti asuti tööstusettevõtete natsionaliseerimisele. Esimesena võeti üle kirjastusühing «Postimees» koos trükikojaga, mis jätkas tööd «Edasi» ühingu nime all. Selle juhtimine läks 6-liikmelise töölistekomitee kätte.¹⁸

27. detsembril arutas Tartu Ametiühingute Keskbüroo koos Revolutsioonilise Komitee tööstus- ja kaubandusosakonna juhataja Möttusega tööpuuduse küsimust. Otsustati iga ettevõtte juhtimiseks valida 3—7-liikmelised tööliste komiteed, kes pidid võtma arvele toorainete tagavarad ja selgitama ettevõtete tööle rakendamise võimalusi.¹⁹

Kuni 28. detsembrini tegutsesid Tartu revolutsioonilised võimud põhiliselt iseseisvalt, saades mõningat praktilist abi Punaarmee väeosadelt. Narvas tegutseva Eesti Töörahma Kommuuni valitsusega aga veel otsene kontakt puudus. Alles 24. detsembril langes Tapa Punaarmee kätte ja 28. detsembril jõudis Tartusse ETK Nõukogu poolt Tartu maakonna ja linna täitevkomitee

¹⁵ «Edasi», 1918, 23. dets.

¹⁶ Sealsamas.

¹⁷ Sealsamas, 24. dets.

¹⁸ Sealsamas, 23. dets.

¹⁹ Sealsamas, 28. dets.

esimeheks määratud A. Tiimann mõnede kaaslastega (Klaaser, Kull, Ott). Tema ülesandeks oli kohaliku nõukogude valitsemis-aparaadi organiseerimine. Jõudnud Tartusse, oli ta mõnevõrra üllatatud, et siin juba uued võimuorganid tegutsesid. 28. detsembril toimus Tartu Kommunistliku Revolutsioonilise Komitee koosolek, millest võtsid osa ka ETK Nõukogu poolt suunatud seltsimehed. Võeti vastu otsus revolutsiooniline komitee laiali saata ja luua tema asemele kõrgema võimuna ühine Tartu linna ja maakonna täitevkomitee. Selle esimeheks valiti A. Tiimann ja asetäitjaks Ed. Ott. Täitevkomitee töö otsustati korraldada järgmistele allasutustele kaupa: presiidium, rahvamajanduse, tootluse, põllumajanduse, administratiiv-, sotsiaalkindlustuse ja rahvahariduse osakonnad ning sõjakomissariaat. Administratiivosakonnaga pidi koos töötama ka kontrevolutsiooni vastu võitlemise komisjon. Viimase esimeheks sai Al. Kull.²⁰ Siit peale kulges nõukogude võimu ülesehitamine linnas ja maakonnas juba üldistel alustel ETK Nõukogu määruste ja korralduste põhjal.

Suurt tööd tehti tööpuuduse likvideerimisel ja tööstuettevõtete töölerakendamisel. Nende natsionaliseerimine kulges küllaltki kiiresti. 31. detsembril natsionaliseeriti kõik Tartu trükikojad, mis läksid täitevkomitee tööstusosakonna trükikirjanduse toimkonna juhtimise alla.²¹ Järgnes Tartu telefonivabriku, Lellepi ja Faure rauavabrikute, Mohri mööblivabriku, vildi- ja nahavabrikute ja teiste ettevõtete natsionaliseerimine. Ülevõetud ettevõtteid hakati kohe tööle rakendama. Nii hakati telefonivabrikus remontima kirjutusmasinaid ja relvi, Faure masinatehases tegema rattapukse ja remontima laevu, ettevõttes «Lesta» valmistama atru jne.²²

Tartu maakonna valdades toimus nõukogude võimu taaskohandamine 1918. a. detsembris. Edu olenes kohaliku töörahva aktiivsusest, sest linnast neile esialgu mainimisväärselt abi ei jõutud osutada. Küll avaldati 23. detsembri «Edasi» artikkel «Võim töörahva kätte maal!», milles soovitati kõik vallaasutused üle võtta ja endised töörahva nõukogud ametisse panna, kus okupatsioonieelsed tegelased on veel alles, kus mitte, valitagu kohe uued.²³

Paljudes valdades võtsidki töörahva esindajad Punaarmee lähenedes või saabudes ise võimu enda kätte. Nii toimus see Kastre-Võnnu, Kambja, Ropka, Saare ja reas teistes valdades. Selle protsessi kohta oli ka ajaleht «Sotsiaaldemokraat» sunnitud tunnistama: «Mis aga puutub kogu liikumise iseloomusse, siis on see küldes palju vähem sõda, kui sotsiaalne revolutsioon, kus võõras element esialgu hapnema ajava pärimi osa etendab. Harihulikult ärkavad frondi lähedal omad enamlased ja panevad mõnel korral koguni iseseisvalt pöörde toime, näit. Saare vallas.»²⁴

²⁰ «Edasi», 1918, 30. det.

²¹ «Edasi», 1918, 31. det.

²² EKPA, f. 28, nim. 1, s.-ü. 358, l. 3; «Edasi», 1919, 3. jaan.

²³ «Edasi», 1918, 23. det.

²⁴ «Sotsiaaldemokraat», 1918, 24. det.

«Edasi» andmetel võeti Kastre-Võnnus, kust Punaarmee osa läbi läks, võim kohalike maatöölise poolt üle juba reedel, 19. detsembril. Pühapäeval, 22. detsembril valiti siin valla töörahva nõukogu täitevkomitee, mille esimeheks sai kommunist Oskar Rüütli. 27. detsembril peeti kohaliku maatööraha seltsi «Lõökene» ruumides valla tööliste koosolek ja moodustati punane miilits, kuhu kohe astus 20 meest.²⁵

Kambja vallas valisid Suure-Kambja mõisa töölised juba 19. detsembril mõisakomitee eesotsas Joh. Hurdaga (asetäitja Aug. Vares), võtsid üle mõisa ja otsustasid luua kohapeal kommunistliku partei osakonna.²⁶ 31. dets. korraldati Suure-Kambja mõisa härrastemajas töörahva pidulik vanaaasta-õhtu. Saal oli ehitatud punaste lippudega ja meeleolu ülendatud, sest töörahvale oli saabunud tund «lahti saada rõõvikutest ning töörahva vaevaga ehitatud suurepäraseid hooneid oma tarviduseks pidada...

Lõpuks keerutati valtserit...»²⁷

Üle võeti ka Ropka mõis, selle liikumata ja liikuv inventar. Määrati ametisse uus valitseja, kirjutaja ja eestöõtegija. Seoses jõuludega korraldati pidu, kus töölistele tasuta sööke-jooke jagati ja lastele kingitusi tehti.²⁸

«Edasi» andmetel võeti detsembri lõpul üle võim ka Haaslava vallas ja asuti moodustama mõisakomiteesid. 2. jaanuaril 1919. a. valiti Luunjas valla töörahva nõukogu ja moodustati 48-meheline valla punase kaitseväge salk.²⁹

Seega tegutses maakonna töörahvas valla töörahva nõukogude loomisel ja mõisate ülevõtmisel küllaltki aktiivselt. Samal ajal aga tuli teateid, eriti maakonna läänepoolsetest valdadest, kus rinne oli lähedal (Puurmanni mõisas paiknesid valgete väed), et kohalikul töörahval pole vajalikku initsiatiivi uue võimu korraldamisel. Jaanuaris hakkas Tartu Tööraha Täitevkomitee põllumajanduse osakond suunama maale oma organisaatoreid, kes aitasid üle võtta vallavalitsusi ja mõisaid ning nende majandamist korraldada. Nii käis jaanuari algul Meeri ja Luke valdades põllumajanduse osakonna intruktor Unt, kes aitas siin organiseerida valla töörahva nõukogusid ja korraldada nende tööd.³⁰

Samal ajal jätkus Tartu linnas hoogne ja mitmekülgne ülesehitustöö. Kiiresti organiseerus ka Tartu proletaarne noorsugu. Juba enne okupatsiooni oli siin tegutsenud aktiivselt Tartu Sotsiaaldemokraatlik Noorte Ühing (TSDNÜ). 26. detsembril toimus raekoja saalis endise Tartu SDNÜ liikmete ja teiste asjast huvitatud noorte koosolek. Selle avas noor kommunist Karl Johanson, kes märkis, et nüüd, pärast pikemat vaheaega, võib ühing jälle

²⁵ «Edasi», 1918, 28. ja 31. dets.

²⁶ «Edasi», 1918, 28. dets.

²⁷ «Edasi», 1919, 2. jaan.

²⁸ «Edasi», 1919, 6. jaan.

²⁹ «Edasi», 1918, 30. dets. ja 1919, 6. jaan.

³⁰ «Edasi», 1919, 10. jaan.

oma tegevust vabalt jätkata. Koosolekut tervitas Punaarmee 49. polgu komissar P. Smorodin, kes oli olnud Venemaa Kommunistliku Noorsooühingu (VKNU) I kongressi delegaat ja valiti seal VKNU Keskkomitee liikmeks. Ta tervitas koosolijaid VKNU I kongressi nimel, avaldades lootust, et ka Eestis samasugune kommunistlike noorte ühing luuakse. Koosolekul puhkes terav vaidlus sotsiaaldemokraatlikult (A. Johanson jt.) meelestatud noortega ühingu nimetuse ümber. Revolutsiooniliselt meelestatud noored tegid ettepaneku nimetada ühing kommunistlikuks. Võeti aga vastu otsus nimetada teda Tartu Sotsialistlikuks Noorsooühinguks.³¹

Ent ülekaalu said kommunistlikult meelestatud noored. 2. jaanuaril toimus nende juhtimisel ülelinnaline noorte demonstratsioon punaste lippude all ja massiline noorte miiting, kus selgitati kommunistliku noorsooliikumise eesmäärke. Demonstratsioonist osavõtja mälestuste kohaselt «Veripunase lipu taga sammus terve Tartu noorproletaarlaste vägi, täis tulist vaimustust ja usku oma ürituse õigsusesse. Demonstratsiooni juhtis trükitöoline, kommunist Karl Johanson, kes oma väsimatu tööga väga palju noorte kasuks ära tegi.»³²

5. jaanuaril toimunud noorsooühingu koosolekul tekkisid uuesti ägedad vaidlused ühingu sihi ja nime küsimustes. Noorte enamus leidis, et nn. erapooletul, s. o. parteitl pinnal tegutsemine on mõttetu ja tuleb edasi püüda kommunistlikus suunas ning ühingu nimeks võeti Tartu Kommunistlik Noorte Ühendus. See oli esimene Venemaa Kommunistliku Noorsoo Ühingu eeskujul loodud kommunistlik noorte organisatsioon Eestis, mis arendas aktiivset ja sihipärast tegevust, kuigi tema iga osutus väga lühikeseks.

Eesti Tööraha Kommuni võimu poolt tehti tõsist tööd ka kultuuri ja hariduse alal. Detsembri lõpul saabus Narvast Tartusse ETK kultuuri- ja haridusvalitsuse juhataja Artur Vallner koos A. Kutti (ETK posti ja telegraafi asjade juhataja) ja J. Liiviga (raudteede valitsuse juhataja). Vallner lõi tiheda kontakti kohalike progressiivsete eesti kultuuritegelaste ja kunstnikega. Kunstnike ettepanekul moodustati Tartu linna ja maakonna kunsti, kirjanduse ja ajalooliste varade kaitsemiseks ja kogumiseks komisjon, mille juhatajaks A. Vallner määras skulptor Jaan Koorti. Nendest varadest kavatseti luua rahvaraamatukogu, ajalooarhiiv ning kunsti- ja ajaloomuuseum. Vallneri poolt määrati Eesti Rahva Muuseumi direktoriks E. Eisenschmidt ja Tartu ülikooli juhatajaks (rektori funktsioonides) matemaatik J. Sarv.³³

---

³¹ «Edasi», 1918, 31. det.; E. Mattisen, Vana kaardiväe jälgedes. Tln., 1960, lk. 47–48.

³² EKPA, f. 24, nim. 1, s.-ü. 808, l. 16.

³³ «Edasi», 1919, 4. jaan.

Jaanuaris tuli Tartusse ka Petrogradi töölistest koosnev «Proletkulti» näitetrupp ja laulukoor, kes siin andsid kolm etendust. Esiõhtul «Vanemuises» 8. jaanuaril kanti ette Romain Rolland'i revolutsiooniline «Bastille' vallutamine». See «näidend täis vabaduse vaimustust» meeldinud rahvale. Hiilgenumbriks aga kujunenud «Laul Koidulipust», «mille ees avanevad silmad ja vaimustub süda».³⁴ Järgnevatel õhtutel kanti ette P. Bessalko näidend «Müüritöölised», Emil Verhaereni poeem «Mäss» ja ameeriklase W. Withmani poeemid inimlikkuse õigustest ja pühadusest. Kõik etendused olnud tungil täis saalile ja võetud vaatajate poolt vaimustusega vastu.³⁵

Omapäraseks poliitiliseks ürituseks kujunesid rahvamajadeks kuulutatud kirikutes peetud rahvajutlused. Esimene selline toimus Tartus Peetri kirikus vanaaasta-õhtul — 31. detsembril 1918. Üritus äratas erakordset huvi töörahva hulkades. Rahvajutlust pidas A. Vallner.

«Edasi» kirjeldas selle algust järgmiselt:

«Juba kaua ei olnud Peetri kirik nii suurt rahvakogu enesesse mahutanud. See oli töörahvas, kondiliste ja krobeliste kätega, kes oma töörahva õpetajat kuulama läks; kuulama läks seda igavest tõde, mis tema eest seni varjati...

Ikka ja ikka valgus templisse rahvast, kuid ta ei jõudnud kõiki enesesse mahutada, ta oli tungil täis.

Midagi iseäralikku, midagi enneolematut!...

Ta tuleb — esimene töörahva õpetaja, slm. Vallner. Puhkpillide orkester oreli saatel lööb samal silmapilgul «Internatsionaali» akkordid kuuldavale. Oreliil saadab rahvaköster slm. Kirsch...

«Eesti Töörahva Kommuuna Nõukogu tervitab vabat Tartu töörahvast!» algab slm. A. Vallner...

«Ja see on kirjutatud Matteuse 22. päätükis, 21. salmis:

«Andke keisrile, mis keisri kohus ja Jumalale, mis Jumala kohus!»

Eesti Töörahva Kommuuna Nõukogu tunnistab selle õpetuse valeks».³⁶

Edasi märkis Vallner, et sellise õpetuse teostamine on võimalik vaid orjade riigis, kuna vaba töörahva riigis ei tunnistata ei keisrit ega jumalat. Töörahvas loob ise oma riigi, kõlbluse, teaduse ja kirjanduse. Kogu Vallneri kõne võeti vastu tohutu heakskiidu ja vaimustusega.

27. detsembril 1918. a. hakkas Tartus uuesti ilmuma ka V. U. Aleksandrovski (Adams) toimetusel okupatsioonieelne venekeelne ajaleht «Molot», mis seadis oma ülesandeks poliitilise kasvatus töö tegemise vene elanikkonna ja sõjaväe hulgas. Peale poliit-

³⁴ «Edasi», 1919, 6. jaan.

³⁵ «Edasi», 1919, 11. ja 13. jaan.

³⁶ «Edasi», 1919, 2. jaan.

tiliste artiklite, välis- ja sisesündmuste kroonika avaldati siin suhteliselt rohkesti ilukirjanduslikku materjali — luuletusi ja jutustusi, esimesi peamiselt V. Adamsi sulest (näit. läti küttidele pühendatud «Läti kotkastele», «Seltsimeestele», «Tervitusi vabatajatele» jt.), mis kutsusid revolutsiooni jätkama ja ülemaailmses mastaabis lõpule viima.

«Molotis» avaldati ka 28. detsembril rajatud Tartu Nõukogude Ajakirjanike Liidu üleskutse Baltimaade ajakirjanikele luua Venemaa Ajakirjanike Liidu eeskujul nõukogude platvormil asuvate ajakirjanike ühing.³⁷ Kommuuni võimu lühike kestus aga ei võimaldanud seda laialdaselt plaanisetud üritust teostada.

Politiiline ja sõjaline olukord Tartus ja maakonnas oli kogu aeg ärev. Tartu oli praktiliselt peaaegu rindelinn, sest valgete väed paiknesid Puurmannis ja Põltsamaal, võttes sealt ette luureretki Tartu alla. «Edasi» teatas, et 5. jaanuaril areteerisid valged Puurmannis kohaliku aktivisti Joh. Kudina ja poosid ta samal ööl üles.³⁸

Linna kaitse korraldamine aga jättis palju soovida. Jaanuari algul lahkus Tartust lõuna suunas Punaarmee 49. kütipolk ning linna jäi vaid vabatahtlikest koosnev kohalik punane kaitsevägi. Alles 8. jaanuaril saadeti ETK Nõukogu käsul 200 meest A. Jea ja Steini juhtimisel Viljandi kommunistlikust kütipolgust Tartu linna kaitse organiseerimiseks. Viljandlaste abiga organiseeriti mõne päevaga kohalikest töölistest-vabatahtlikest üks rood seltsimeeste Pärna, Janseni ja Kupjase juhtimisel.³⁹ Kohustusliku mobilisatsiooni teostamiseni Tartus ega maakonnas ei jõutudki. Alles 11. jaan. kuulutas täitevkomitee sõjaväeosakonna juhataja J. Aak välja nelja aastakäigu meeste (1894—1898) arvelevõtmise. Mobilisatsiooni teostamist ennetas aga valgete sissetung.

Interventide ja valgete vastupealetungi Tartus ei kardetud. Vastupidi, loodeti, et Tallinngi varsti vabastatakse. Ent seal kontsentreeriti kiiresti interventide (jaanuaris saabus Eestisse umbes 3000 soome valgekaartlast) ja eesti kodanliku armee löögijõudude ning vene valgekaartliku Põhjakorpuse üksusi. Olles arvuliselt ja tehniliselt ülekaalus, läksid need vastupealetungile ja vallutasid 9. jaanuaril 1919. a. Tapa. Nüüd jäi Tapa—Tartu raudtee peaaegu igasuguse kaitseta valgete soomusrongide löögi alla, kes tungisid Paide all tegutsevate Punaarmee üksuste selja taha (nn. Tjurini salk). Nad vallutasid Rakke ning Jõgeva ja jõudsid 13. jaanuari öösel Kaareperesse.

Tartu kaitset tuli asuda korraldama käigu pealt. Vaenlasele saadeti kohe vastu Tartu töölistest moodustatud rood, osa Viljandi polgu meestest ja Võru 5. kütipolgust saabunud 100-meheline

³⁷ «Молот», 1918, 31 дек.

³⁸ «Edasi», 1919, 13. jaan.

³⁹ «Edasi», 1918, 11. ja 13. jaan.; — «Proletaarne Revolutsioon Eestis», 1928, nr. 6, lk. 19—20.

salk Männikoksa ja Kulbachi juhtimisel. Kuid need üksused tegutsesid isoleeritult, ilma kindla üldjuhtimiseta. Valgetel oli sellal siin kaks soomusrongi ja nn. «Kuperjanovi partisanid». Toimus äge lahing Voldi (Tabivere) raudteejaama juures, kust tuli vaenlase ülekaalu tõttu taanduda. Valgetel õnnestus vallutada ka Jänese ja teised raudteesillad. 14. jaanuari hommikul toimusid siin lahingud, ent Punaarmee üksustel tuli taganeda. 14. jaanuari päeval toimusid lahingud Tartu lähistel ja linnas, millest võttis osa ka just Tartusse saabunud läti küttide väeosa. Kuid valgete soomusrongid tungisid siiski raudteejaama ja Punaarmee osad pidid Tartu maha jätma. Linnast taganes Võru suunas ka palju linna ja maakonna nõukogude aktiviste, kes lülitusid seal Võru 5. kommunistliku kütipolgu koosseisu, jätkates võitlust paljudel kodusõja rinnetel.

Tööraha Kommuuni võimu periood Tartus kestis vaid 24 päeva, kuid jättis püsiva, kustumatu jälje linna ja maakonna revolutsioonilise võitluse ajalukku. Lühikese ajaga suudeti töörahva entusiasmi ja vaimustuse baasil läbi viia ulatuslikud sotsialistlikud ümberkorraldused, seada kaugeleulatuvad sihid rahvavõimu korraldamisel. Seda mälestust ei suutnud kustutada ei järgnenud valge terror ega kodanluse võimu kaks aastakümnet. Tööraha võim taastati Tartus uuesti ajaloolise 1940. aasta juuni-juulipäevadel.

ПЕРИОД ВЛАСТИ ЭСТЛЯНДСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ В ТАРТУ

К. Сийливаск

Резюме

29 ноября 1918 г. в освобожденной Нарве была провозглашена самостоятельная Эстонская социалистическая республика под названием Эстляндская Трудовая Коммуна (ЭТК). В Тарту Советская власть была восстановлена местными рабочими 20 декабря 1918 г. за день до входа в город с юга наступающих частей Красной Армии. Власть перешла в руки чрезвычайного комитета, а с 22 декабря — в руки Тартуского Коммунистического Революционного Комитета. Выступлением рабочих руководила городская коммунистическая партийная организация.

28 декабря в Тарту прибыл назначенный правительством — Советом ЭТК — председатель местного исполнительного комитета А. Тийман. Теперь вся власть в городе и в Тартуском уезде перешла в руки Исполнительного Комитета. Пролетарская власть в городе провела национализацию промышленных предприятий и приняла решительные меры по введению в действие предприятий, работа которых остановилась в период немецкой

оккупации. В волостях уезда были созданы советские органы власти и в руки мызных рабочих было взято большинство крупных помещичьих хозяйств. Во многих волостях были созданы отряды милиции.

В городе была создана Тартуская коммунистическая организация молодежи, проводились массовые собрания и митинги трудящихся. Ряд мероприятий был осуществлен в области культуры и просвещения. В конце декабря 1918 г. в Тарту прибыл член Совета ЭТК — заведующий отделом культуры и просвещения А. Вальнер. На основе его распоряжения была создана комиссия по защите достояний культуры и впервые ректором Тартуского университета был назначен эстонец, математик Я. Сарв. Были приняты решительные меры по скорейшему открытию университета на демократических и национальных основах.

Интенсивное социалистическое строительство прекратилось 14 января 1919 г. вторжением в город белых войск. Советская власть в Тарту была восстановлена лишь через 20 с лишним лет, летом 1940 года.

DIE MACHTPERIODE DER ESTLÄNDISCHEN ARBEITSKOMMUNE IN TARTU

K. Siilivask

Zusammenfassung

Am 29. November 1918 wurde unter dem Namen Estländische Arbeitskommune (EAK) in der befreiten Stadt Narwa die selbständige Estnische Sozialistische Republik gegründet. In Tartu wurde die Sowjetmacht von hiesigen Arbeitern am 20. Dezember 1918 errichtet, das heißt einen Tag bevor aus dem Süden Truppenteile der Roten Armee in der Stadt eintrafen. Anfänglich gehörten die Machtbefugnisse in den Zustande bereich des außerordentlichen Komitees, am 22. Dezember aber wurde die Macht vom Tartuer Kommunistischen Revolutionären Komitee übernommen. Die Kundgebungen der Arbeiter wurden von der Tartuer kommunistischen Parteiorganisation geleitet.

Am 28. Dezember traf A. Tiiman als von der Regierung, dem Sowjet des EAK ernannter Vorsitzender des hiesigen Exekutivkomitees in Tartu ein. Nun ging alle Macht sowohl in Tartu als auch im Tartuer Kreis in die Hände des Exekutivkomitees über. Die proletarische Stadtverwaltung führte in Tartu die Nationalisierung von Industriebetrieben durch und setzte sich in entscheidendem Maße für die Wiederaufnahme der Arbeit in zur Zeit der deutschen Okkupation stillgelegten Betrieben ein. In den Gemeinden des Kreises wurden sowjetische Machtorgane errichtet

und der größte Teil der Güter in die Hände der Gutsarbeiter übergeben. Ebenso wurden in vielen Gemeinden Abteilungen der Miliz geschaffen.

In Tartu wurde eine kommunistische Jugendorganisation gegründet, von Seiten der Arbeiter wurden zahlreiche Massenversammlungen und Kundgebungen durchgeführt. Verschiedene Maßnahmen wurden im Bereich der Bildung und Kultur getroffen. Ende Dezember 1918 traf A. Vallner, Mitglied des Sowjets der EAK, Vorsitzender der Abteilung für Kultur und Bildung, in Tartu ein. Auf Grund seiner Verordnung wurde eine Kommission zum Schutz von Kulturwerten gebildet und zum ersten Mal ein Este, der Mathematiker Jaan Sarv zum Rektor der Tartuer Universität ernannt. Entscheidende Schritte wurden unternommen, um die Universität auf demokratischen und nationalen Grundlagen möglichst bald zu eröffnen.

Diese intensive sozialistische Aufbauarbeit wurde am 14. Januar 1919 durch den Eindrang weißgardistischer Truppen in die Stadt unterbrochen. Wiedererrichtet wurde die Sowjetmacht in Tartu erst im Sommer 1940 nach über 20 Jahren.

СОЮЗ КОММУН СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭСТЛЯНДСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Э. Цопп

Персональный пенсионер

В истории Эстляндской Трудовой Коммуны, просуществовавшей на территории Эстонии практически с 29 ноября 1918 по 31 января 1919 г. (власть ее продержалась до конца мая 1919 г. только в отдельных южных волостях Вырумаа и Пярнумаа) и официально ликвидированной 5 июня, является нерешенным вопрос, почему эстонские большевики приняли именно такую государственную форму и ее название, т. е. Эстляндская Трудовая Коммуна (ЭТК).

Октябрьская революция узаконила новую форму государственности — «Российская Советская Социалистическая Республика». Этой форме последовали все народы России. Существует мнение, что Эстляндская Трудовая Коммуна как форма государственности получила свое название в честь Парижской Коммуны. До сих пор это предположение ничем не подкреплено, и не отвергнуто. Нам кажется, что на слово его принимать нельзя. Тем более, что наши южные соседи — латыши — в то же время строили свое социалистическое государство под названием Советской социалистической республики Латвии.

Целью автора данной статьи является изучение и освещение соответствующих исторических фактов, которые могут дать ответ на поставленный вопрос.

После победы Октябрьской революции эстонские большевики шли вначале по линии государственного строительства по общему образцу. Но вскоре, по всей вероятности, под влиянием некоторых левачьих течений в Петрограде они взяли курс на государство — коммуну. В январе 1918 г. эстонские большевики во главе с Яном Анвельтом разработали и опубликовали проект конституции Эстляндской рабочей коммуны как автономной части Российской Советской Республики. Но осуществить этот проект они не смогли, так как вся территория Эстонии вскоре была оккупирована немецкими войсками.

Руководители советских учреждений и большевистских организаций Эстонии вместе с красногвардейскими отрядами отступили в Советскую Россию и многие обосновались в Петрограде.

Это было тревожное время. Правительство РСФСР, образованное во главе с В. И. Лениным на втором съезде Советов, переехало 10 марта 1918 г. из Петрограда в Москву.¹

Вместе с правительством и ЦК РКП (б) переехало в Москву и большинство видных деятелей партии. Петроградское партийное и советское руководство было значительно ослаблено, и здесь на первый план выдвинулся Г. Е. Зиновьев. Последний, как известно, в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания выступил против восстания, так как не верил в окончательную победу социалистической революции в России без участия в ней других политических партий и революций в других странах Запада. После победы Октября Зиновьев стал развивать левацкую линию. В его деятельности появились местничество и областничество, которые проявились буквально на другой день после переезда Советского правительства в Москву.

На пленарном заседании Петроградский Совет 11 марта принял и утвердил внесенное Исполнительным комитетом постановление об организации местной власти в виде Совета Народных Комиссаров «Петроградской Трудовой Коммуны». В постановлении говорилось: «Ввиду отъезда органов центральной власти РСФСР, ЦИК и Совета Народных Комиссаров, Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов установил местный орган власти, который будет управлять Петроградской Трудовой Коммуной под контролем и руководством Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов... Совету Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны приступить к своей работе немедленно после утверждения его личного состава пленарным заседанием Петроградского Совета...»²

Затем Исполнительный Комитет предложил на утверждение совета состав народных комиссаров во главе с Г. Е. Зиновьевым. В числе их были видные большевистские деятели, как А. В. Луначарский, В. Р. Менжинский, М. И. Калинин, М. М. Лашевич, П. И. Стучка, А. А. Иоффе и др. Но многие из названных скоро уехали в Москву и в зиновьевском совете народных комиссаров долго не работали.

Постановление Петроградского Совета об утверждении местного правительства с таким размахом — «Совет Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны» противоречило юридическому положению дел — Петроград оставался пока что

---

¹ «Правда», 1918, 11 марта.

² «Правда», 1918, 12 марта.

столицей РСФСР, где не могло быть другого правительства, кроме правительства РСФСР.

После отъезда правительства РСФСР управление Петроградом могло и должно было вестись Петроградским городским, уездными и районными советами под руководством РКП(б); но такой метод деятельности стеснял Зиновьева в местничестве, в котором был зародыш сепаратизма.

Это доказывается и тем, что Зиновьев с первых дней местничества срочно перевел все партийные организации Петрограда на второстепенные роли, подчинив их советским органам. Это дало ему возможность в Петроградском Совете проводить работу без предварительного согласования и проработки в Петроградском Комитете (ПК РКП(б)).

Петроградский Совет решил провести в районах советские конференции. Узнав об этом, ПК РКП(б) вынесло постановление: до созыва этих конференций вопрос проработать на собраниях организаторов (секретарей партийных коллективов) и выяснить продовольственное положение. Дело дошло до конфликта. Зиновьев заявил, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета не позволит управлять собою «разным там мальчишкам».³

Правительство Петроградской Трудовой Коммуны скоро прекратило свое существование и его место заняло в более широком масштабе правительство Союза Коммун Северной области.

Союз Коммун Северной области был установлен решением 1-го Съезда Советов Северной области, который начал свою работу 26 апреля 1918 г. в Петрограде.

После ряда совещаний на местах было получено согласие от 8 губерний (Архангельской, Псковской, Северо-Двинской, Череповецкой, Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской) войти в Союз Коммуны.

На этом съезде Советов Севера Зиновьев выступил с официальным докладом и дал политическое направление съезду. Он говорил: «... Само собой понятно, что перенесение столицы из Питера в Москву является фактором чрезвычайной важности... этот факт создал национальный кризис, устранить, или уменьшить действие этого кризиса можно только путем образования в Петрограде областного правительства с функциями центральной власти независимого от Московского центра...»⁴

Содержание доклада Зиновьева на этом съезде Советов изобилует фразами, которые демагогически подогревали враждебные чувства одних и дезориентировали других делегатов

---

³ «Красная летопись», 1928, № 2 (26), с. 110.

⁴ «Вестник областного комиссариата внутренних дел СКСО», 1918, № 2, с. 126.

съезда. Например: «...выражаясь грубо, у Питера часто отбирают последний кусок хлеба».⁵

Съезд избрал Центральный исполнительный комитет Союза Коммун Северной области (ЦИК СКСО), куда выбирается и Ян Анвельт.

30-го апреля 1918 г. на совместном заседании Совета Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны и вновь избранного исполнительного комитета СКСО, выбирается президиум ЦИК СКСО в составе Зиновьева, Лашевича, Бакаева, Равича, Пахомова, Оборина и Иващенко. Два последних были эсеры.⁶ Постоянным председателем президиума являлся Г. Е. Зиновьев.

2 мая 1918 г. на заседании президиума ЦИК СКСО рассматривался вопрос об органе правительства севера. Газету северной области решили назвать «Северная Коммуна» с подзаголовком — Известия ЦИК северной области и Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.⁷

Прошедшие полтора месяца с момента выезда из Петрограда правительства РСФСР и начала зиновьевского «областничества» успели уже усилить подозрительность к зиновьевским начинаниям. Эта подозрительность усилилась тем, что его единомышленники Л. Б. Каменев, Г. Л. Сокольников, Д. Б. Рязанов, А. И. Рыков, В. П. Милютин, Ю. Ларин и Б. П. Ногин зиновьевское областничество не осуждали. Все они вкупе по несколько раз успели поставить октябрьские завоевания на грань гибели, особенно в период активации «ВИКШЕЛЯ» в ноябре 1917 г.

Тогда все перечисленные были в заговоре против большинства ЦК РКП(б) и соглашались на реорганизацию правительства, только что утвержденным Вторым съездом Советов. Они даже молчаливо соглашались заменить В. И. Ленина как главу правительства на В. Чернова или Н. Д. Авксентьева.⁸

Очень скоро руководители отдельных губерний СКСО увидели в действиях Зиновьева явные признаки сепаратизма. Разрыв между Петроградом и Москвой, с одной стороны, и между отдельными губерниями в области, с другой стороны, углубились. Зиновьеву пришлось созвать Второй съезд Советов Севера и на нем создать видимость благополучия.

Съезд открылся 1 августа 1918 г. На этом съезде Зиновьев дал политическую оценку отрезку времени от первого съезда. Он говорил: «...несмотря на тяжелые условия, в которых нам приходится работать, все крепче спаиваются между собой отдельные части северной области. Наши отношения с центральной властью были в начале неясные. Центральная советская

⁵ Там же, с. 129.

⁶ Сборник декретов и постановлений Союза Коммун Северной области, Петроград, 1919, с. 21.

⁷ Там же, с. 22.

⁸ В. И. Ленин, ПСС, т. 35, с. 451—452.

власть относилась даже немного враждебно к существованию северной области...»⁹

В этом докладе Зиновьев скрыл свои далеко идущие разногласия с правительством РСФСР и ценою прямого обмана делегатов съезда удержал СКСО от развала.

Повседневно вызывались неприятности между народным комиссаром внутренних дел РСФСР и Зиновьевым из-за нарушения конституции комиссарами СКСО и самим Зиновьевым.

На многие просьбы и требования центральной власти РСФСР Зиновьев становился в оппозицию фальшивыми мотивами, якобы защищая петроградских рабочих.

На Втором съезде Советов Северной области в августе 1918 г. был избран новый состав Центрального Исполнительного Комитета СКСО, куда третьим по предложенному Зиновьевым списку избирается Я. Анвельт (Зиновьев, Луначарский, Анвельт, Мещеряков, Евдокимов, Стасова и др., всего 22 человека).¹⁰

Затем был оглашен состав Комиссаров Союза Коммун Северной области под председательством Г. Е. Зиновьева, куда Я. Анвельт вошел народным комиссаром по национальностям. Кроме того он был утвержден и политическим комиссаром при военном руководстве.¹¹ Таким образом, один из руководителей эстонских большевиков Я. Анвельт стал видным политическим деятелем Северной Коммуны. Негативные стороны в деятельности Г. Е. Зиновьева Я. Анвельт в то время разглядеть не смог.

С момента организации Правительства Петроградской Трудовой Коммуны Зиновьев фактически становился в оппозицию ко многим декретам и постановлениям правительства РСФСР, касающимся Петрограда и Северной области.

Зиновьев поступал согласно своему заявлению на Первом съезде СКСО, что правительство СКСО будет независимо от «Московского центра».

В течение года существования областничества Зиновьев в отношении правительства РСФСР становился все более нетерпимым и задача удержать его в рамках подчинения ложилась целиком на В. И. Ленина.

Зиновьев перевоспитывал руководителей местной власти на свой манер — не прислушиваться к требованиям из Москвы. Правительство СКСО не только проводит работу по области независимо от указаний из Москвы, но сохраняет право в отдельных случаях критиковать требования, поступившие из Москвы.

Так и поступил руководитель Архангельского губисполкома П. Ф. Виноградов, который в телеграмме на имя народного комиссара А. Д. Цюрупы, распоясавшись, и назвал распоряжения

⁹ Протоколы 2-го съезда Советов Севера. «Северная Коммуна», 1918, 6 августа.

¹⁰ «Северная Коммуна», 1918, 6 августа.

¹¹ Там же.

Центральной Советской власти — «нелепыми». В. И. Ленин в воспитательных целях предложил Виноградову отказаться от столь недопустимого выражения, в противном случае против Виноградова будет возбуждено судебное дело.¹²

Работники зиновьевского «областничества» Ларин и Милютин умышленно задерживали эвакуацию колоссальных промышленных ценностей, связанных с разгрузкой Петрограда.

Узнав об этом, В. И. Ленин послал телеграмму Петроградской Трудовой Коммуне: «Совнаркому Петроградской Трудовой Коммуны. Копия Шляпникову, председателю эвакуационной комиссии, и Горбунову, секретарю Совнаркома.

... Горячо протестую против задержки эвакуации промышленности. Ларин и Милютин не вправе изменять решения. Если кто недоволен моим распоряжением, пусть обжалует его в Совнарком или ЦИК, а до отмены моего распоряжения исполнение его обязательно...»¹³

В июле 1918 г. в Омске белочехи и белогвардейцы создали сибирское марионеточное правительство. Зиновьев связался в этом марионеточным правительством с целью закупки у него сибирского хлеба. Узнав об этом, В. И. Ленин посылает телеграмму Зиновьеву:

«Петроград Смольный Зиновьеву.

Не помню, чтобы я давал разрешение сношений с Омском.

Справляюсь у Подбельского. Советую никаких ни прямых, ни косвенных сделок с омскими контрреволюционерами не устраивать. Ленин.»¹⁴

Г. Е. Зиновьев и его окружение не выполняло даже срочных, связанных с военными опасностями, требований и указаний:

«Смольный Зиновьеву. Сейчас получились известия, что Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идет на нас, осуществляя план соединенного натиска чехословаков, англичан и алексеевских казаков. Ввиду этого и ввиду заявления приехавших сюда питерских рабочих... Питер мог бы дать вдесятеро больше, если бы не оппозиция питерской части Цека — ввиду этого я категорически и ультимативно настаиваю на прекращении всякой оппозиции и на высылке из Питера вдесятеро большего числа рабочих. Именно таково требование Цека партии... Ленин.»¹⁵

В то же время Зиновьев был очень чуток в отношении помощи «больному» Романову, родственнику Николая II.

Узнав об этом, В. И. Ленин телеграфировал: 22. X 1918 г. «Петроград Смольный Зиновьеву. Боюсь, что Вы пошли черезчур далеко, разрешив Романову выезд в Финляндию. Не пре-

¹² В. И. Ленин, ПСС, т. 50, с. 62—63.

¹³ В. И. Ленин, ПСС, т. 50, с. 53.

¹⁴ Там же, с. 95—96.

¹⁵ Там же, с. 128—129.

увеличены ли сведения о его болезни? Советую подождать, не выпускать сразу в Финляндию. Ленин.»¹⁶

12 июля 1918 г. В. И. Ленин направляет письмо к Питерским рабочим, в котором пишет: «... Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семью, где должно помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель масс...»

С коммунистическим приветом Ленин».¹⁷

Совет обороны РСФСР решил увеличить производство оружия на Ижевском заводе, для этой цели необходимо было направить на этот завод 5000 рабочих металлистов, главным образом из Петрограда. Это было более чем срочное дело.

Народный комиссар труда Петроградской Трудовой Коммуны Иванов не выполняет комплектование этого числа петроградских металлистов.

В. И. Ленин посылает телеграфный запрос: «Военная необходимость диктует максимальное увеличение производительности Ижевского оружейного завода. Главное препятствие — недостаток рабочих. Совет Обороны еще две недели назад возложил на профессиональный союз металлистов обязательство срочно переселить в Ижевск пока 5000 рабочих, рассчитывая в особенности на петроградских рабочих...»

До настоящего времени никаких сведений о числе петроградских рабочих, переезжающих в Ижевск, не поступило...

Предлагаю срочно телеграфировать...

Предупреждаю, что никакая волокита, никакие отговорки нетерпимы.

Предсовобороны Ленин».¹⁸

Такие трения по совершенно ясным и срочным военным вопросам происходили часто и в этом главным образом виновен Зиновьев и те, кто его вслепую поддерживали.

Накануне Октябрьской революции и после свершения Октября основными лозунгом был — «Вся власть Советам!» Этот лозунг призывал народные массы к активной деятельности в Советах и через Советы.

Стихийно возникали на местах разного рода Советы, которыми необходимо было руководить. Из единого центра это необходимое руководство не могло быть осуществлено из-за отсутствия для этого налаженного аппарата у центрального правительства. Поэтому возникшие губернские, областные центры были оправданы. Но они должны были быть помощниками центрального правительства РСФСР. Одновременно росли по числен-

¹⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. 50, с. 198.

¹⁷ В. И. Ленин, ПСС, т. 36, с. 521—522.

¹⁸ В. И. Ленин, ПСС, т. 50, с. 249—250.

ности и партийные ряды, которые являлись опорой правильной работы на местах, в Советах.

С одной стороны, эти областные центры должны были проводить работу на местах в интересах цельности Советской республики, которая являлась основной гарантией победы народа над угнетателями. Укрепить мощь Республики и создать благополучие народа. Этого не происходило в зиновьевском областничестве.

Зиновьев как председатель Петроградского Совета и глава всех правительств, которые возникали в области, сосредоточил в своих руках всеобъемлющую власть.

В этой бесконтрольной деятельности Зиновьева были принципиальные противоречия, которые до сих пор не полностью раскрыты — с одной стороны, он не верил в победу Октября без участия других политических партий. С другой стороны, он проявил очень несообразно бурную активность «в переходе к коммунизму».

Зиновьев, в виде диктата сверху, намеревался превратить область в Трудовую Коммуну, совершенно не учитывал фактического положения дел в области. В органе Петербургского губернского исполнительного комитета «Коммунар» № 2, от 22 декабря 1918 г. писалось: «...постепенно сельские хозяйства всех видов и форм должны быть с неуклонной планомерностью и коммунистической последовательностью преобразованы в хозяйства — коммуны, ибо в Советской Социалистической Республике «Трудовая Коммуна» должна стать основным и господствующим принципом строительства всех видов и форм сельскохозяйственных организаций, как в области производства, обработки сельско-хозяйственных благ и продуктов и их обмена, так и в области высоко культурного устройства всех форм общественного быта труженников земли и в частности — общежития, в виде образцовых сельских коммун — колоний...»

Эта зиновьевская деятельность, главным образом, имела цель превратить сельское население в «образцовые коммуны». При этом вообще не принималось во внимание, что сельское хозяйство состояло из очень разных форм крестьянских хозяйств. Превратить одним лишь желанием все эти различные хозяйства в сельские коммуны было невозможно.

В результате этой зиновьевской деятельности, которая вызвала недовольство в крестьянских массах, Антанта легко захватила незамерзающий Мурманский порт, а кулацко-белогвардейские восстания охватывали многие уезды севера.¹⁹

В такой обстановке Зиновьев шел к своей цели словно с закрытыми глазами, увлекая за собой людей, ничего не понимающих в специфике сельского хозяйства. Он не прислушивался

---

¹⁹ Центральный Партийный Архив Института Марксизма-Ленинизма, фонд 17, оп. 6, ед. хр. 226.

к ленинским предостерегающим указаниям, что переход к общественно-коллективной обработке земли требует ряда переходных ступеней.²⁰

Проводя свою областническую антипартийную политику, Зиновьев сплошь и рядом нарушал конституцию РСФСР и постановления правительства, что повседневно увеличивало трения между ним и народным комиссаром внутренних дел РСФСР Г. И. Петровским.

Ввиду этих нарушений и потока жалоб в ВЦИК от отдельных губернских Советов, членов СКСО, в которых ссылались на антисоветские действия областного правительства Зиновьева, ВЦИК высылал не одну авторитетную комиссию, которые единогласно выносили решения о преобразовании Совета Комиссаров СКСО в областной Исполнительный комитет.

В противовес этим решениям Зиновьев созывал собрания своих сторонников, именовавшимися собраниями партийного актива Петроградской организации. Под влиянием Зиновьева была необоснованно принята резкая и категорическая резолюция в пользу сохранения правительства СКСО: «Собрание активных работников РКП петроградской организации, обсудив вопрос о дальнейшем существовании Союза коммун Северной области, единогласно находит: дальнейшее существование областной партийной организации на севере безусловно необходимо... Собрание находит, что оставлять областную организацию, как агитационный центр, и в тоже время отнимать у нее областный административный аппарат, значит впадать в явное противоречие... Собрание находит, что пролетарский централизм должен являться незыблемой основой всей нашей работы. Но централизм не следует смешивать с бюрократизмом...»²¹

К требованиям правительства РСФСР и решениям обследовавших комиссий Зиновьев остался глух и продолжал свою линию.

Г. Е. Зиновьев имел в 1918 г. определенное влияние на некоторую часть советских и партийных деятелей Петрограда и СКСО. Его ошибки еще не подвергались основательной критике. Деятельность Зиновьева оказывала отрицательное влияние и на некоторых руководящих эстонских большевиков, в первую очередь, на Я. Анвельта, который работал в руководящих органах СКСО. В то же время надо иметь в виду, что Я. Анвельт был честным большевиком, целью которого было служение трудовому народу, Зиновьев же мыслил себя не иначе, как «вождем» пролетариата. Я. Анвельт в то время не понимал вредность взглядов и действий Г. Е. Зиновьева.

Деятельность Я. Анвельта в СКСО, несомненно, имеет непосредственную связь с его деятельностью как председателя Совета

²⁰ В. И. Ленин, ПСС, т. 37, с. 352—364.

²¹ «Петроградская Правда», 1918, 3 декабря.

Эстляндской Трудовой Коммуны. Возможно, что именно Северная Коммуна была прообразом Эстляндской Трудовой Коммуны.

В ноябре 1918 г. в результате революции в Германии открылись реальные возможности для восстановления Советской власти в Прибалтике, в том числе в Эстонии. Исходя из этого Центральный комитет эстонских секций РКП(б) 15 ноября 1918 г. образовал в Петрограде Временный революционный комитет Эстонии, в который входили все члены ЦК и товарищи М. Тракман, Эд. Тейтер, Х. Пеэгельман и Я. Икмелът.²² 17 ноября революционный комитет переехал из Петрограда в Ямбург.

На заседании Временного революционного комитета Эстонии 19 ноября (присутствовали Каземетс, Пеэгельман, Тракман, Кясперт) были приняты обращения к красноармейцам и приказ революционного комитета № 1 (опубликован 21 ноября 1918 г.), в котором объявлялись недействительными все законы и постановления оккупационных властей и эстонского буржуазного правительства на территории Эстонии. Советская власть и советские законы объявлялись на территории Эстонии восстановленными.²³ В этих документах говорится о восстановлении Советской республики в Эстонии. Название — трудовая коммуна — отсутствует.

29 ноября 1918 г. на совместном заседании бюро Центрального комитета эстонских секций РКП(б) и Временного революционного комитета Эстонии (присутствовали Анвельт, Пеэгельман, Икмелът, Каземетс, Кясперт) решили объявить Эстонию трудовой коммуной, верховным правительством которой является Совет Эстляндской Трудовой Коммуны.²⁴

В тот же день было опубликовано решение революционного комитета об объявлении Эстонии Советской социалистической республикой, с официальным названием Эстляндская Трудовая Коммуна. С этого момента Временный революционный комитет Эстонии прекратил свое существование.²⁵

30 ноября 1918 г. в телеграмме за подписью управляющего делами Совета Коммуны Кясперта председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленин уведомляется об образовании Эстонской Советской Республики и о составе правительства Коммуны во главе с Я. Анвельтом.²⁶

Правительство РСФСР и В. И. Ленин относились с некоторым подозрением к названию Эстонской республики — трудовая коммуна, так как деятельность СКСО имела скорее отрицательные, чем положительные черты. Поэтому признание затянулось. После

---

²² Eesti Töörühva Kommuun. — Dokumentide ja materjalide kogumik. Tln., 1958, lk. 24.

²³ Там же, с. 26—30.

²⁴ Там же, с. 36—37.

²⁵ Там же, с. 38.

²⁶ Там же, с. 46.

телеграфных разъяснений и переговоров было принято соответствующее решение Совета Народных Комиссаров РСФСР о признании правительства Эстонской Советской республики, которое было весьма не в точном изложении опубликовано в газете «Северная Коммуна» от 8 декабря 1918 года. В ней писалось, что после переговоров с В. И. Лениным «Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Высшей властью в Эстляндии признать Съезд Советов Эстляндии.

2. Впредь до этого съезда высшей властью признать Совет Комиссаров Эстляндской Советской республики с его председателем тов. Анвельтом во главе.

3. Разрешить Соверной коммуне выдать займы совету комиссаров Эстляндской Республики 10 миллионов руб.

4. Предписать ВСН хозяйству и наркомпроду войти в соглашение с Советской Эстляндией по вопросу о товарообмене.

6. Поручить русским военным, железнодорожным властям оказать всестороннюю поддержку правительству тов. Анвельта в его борьбе против ига буржуазии.»²⁷

Надо отметить, что в этом весьма произвольном пересказе текста «Декрет о признании независимости Эстляндии» Зиновьевым тоже отсутствует упоминание «Правительства Эстляндской Трудовой Коммуны».

Для Зиновьева в то время уже не имело значения, как называть государственную форму в Эстонии, так как Союз Коммун Севера и правительство СКСО уже трещало по всем швам. Более важно было получить разрешение передать Совету Эстонской Коммуны денежные ресурсы — 10 миллионов рублей. Эта необходимость вытекает из подлинного текста декрета:

«Декрет о признании независимости Эстляндской Советской Республики. В ответ на запрос Эстляндского советского правительства Совет Народный Комиссаров заявляет:

1. Российское советское правительство признает независимость Эстляндской Советской Республики. Высшей властью Эстляндии Российское советское правительство признает власть Советов Эстляндии, до съезда же Советов — власть Совета Народных Комиссаров Эстляндии, возглавляемого его председателем т. Анвельтом.

2. Российское советское правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Эстляндией военным и гражданским властям Российской Советской Республики оказать Эстляндскому Советскому правительству и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Эстляндии от ига буржуазии.

3. Народному комиссару финансов поручается отпустить

---

²⁷ «Северная Коммуна», 1918, 8 декабря.

10 миллионов рублей в заем народному банку Эстляндской Советской Республики.

4. Народному комиссару продовольствия и Высшему совету народного хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Эстляндской Советской Республики на предмет установления товарообмена между обеими республиками.

Председатель Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

В. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета Народных комиссаров

Л. Фотиева»²⁸

Согласно пункта 3 декрета о признании поручается отпустить 10 миллионов рублей в заем народному банку Эстляндской Советской Республике.

Эти деньги не могли быть переданы, так как такого банка в Эстляндии не было.

В Эстляндии был официальный банк «Эстонской Трудовой Коммуны». Зиновьев был вынужден идти на поклон к В. И. Ленину, чтобы получить разрешение передать эти деньги банку Коммуны. Это совпало со временем, когда Зиновьев уже не мог действовать, очертя голову — Северная Коммуна и правительство разваливались. На декабрьской партийной конференции СКСО секретарь Вологодского губернского Комитета партии Ветошкин, выступая от группы делегатов сказал: «...поскольку совет комиссаров СКСО издает постановления, которые противоречат Декретам Центральной власти ... названные три губернии выходят из Союза Коммун Северной Области, ... областнические тенденции скрывают опасный зародыш политического сепаратизма, ... мы знаем только один центр — это Совет Народных Комиссаров и ВЦИК, другого Совета Народных Комиссаров не признаем.»²⁹

Совет Народных Комиссаров и В. И. Ленин не признавали форму трудовой коммуны правильной государственной формой для советской государственности. Поэтому название Эстляндской Трудовой Коммуны в ленинских декретах обходилось. ЦК РКП(б) и правительство РСФСР не могли признать этой формы государственности, ибо уже в конце 1918 г. намеревались покончить с областничеством Зиновьева.

В феврале 1919 г. происходила III партийная конференция Союза Коммун Северной области, которая решила ликвидировать СКСО. 24 февраля 1919 г. по решению III съезда Советов Северной области — Союз Коммун Северной области и возглав-

²⁸ Декреты Советской власти, IV, М., 1958, с. 158.

²⁹ «Известия Вологодского Губисполкома», 1918, 28 декабря.

лявшее его правительство — Совет Народных Комиссаров — были ликвидированы.³⁰

Все это происходило по принципиальному решению ЦК РКП(б):

«Петроградскому Комитету РКП(б).

Центральный Комитет РКП (большевиков) постановил:пустить Северный областной комитет РКП (большевиков), во-первых, ввиду уничтожения Союза Коммун Северной области и, во-вторых, согласно решению Северного областного комитета о продолжении его деятельности до VIII партийного съезда.»³¹

Так кончилось зиновьевское областничество, оказавшее отрицательное влияние на восстановление Советской власти в Эстонии в конце 1918 г. — начале 1919 г.

---

³⁰ Переписка секретариата ЦК РКП(б) с Местными партийными организациями. Январь—март 1919 г., М., 1917, с. 143.

³¹ Там же.

DER BUND DER KOMMUNEN DES NÖRDLICHEN GEBIETS UND DIE ENTSTEHUNG DER ESTLÄNDISCHEN ARBEITSKOMMUNE

E. Zopp

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel wird die Entstehung des Namens der Estländischen Arbeitskommune als sowjet-estnische Reubublik in den Jahren 1918—1919 untersucht. Im Januar 1918 arbeiteten die estnischen Bolschewiken das Projekt einer Verfassung der Estländischen Arbeitskommune als einem autonomen Bestandteil der Russischen Sowjetischen Republik aus. Jedoch konnte dieses Projekt nicht verwirklicht werden, da das ganze Territorium Estlands von deutschen Truppen okkupiert war. Viele der leitenden Partei- und Sowjetfunktionäre mußten nach Petrograd evakuieren. Nach der Übersiedlung der Regierung der RSFSR nach Moskau rückte in Petrograd G. E. Sinowjew in den Vordergrund, der damals gewisse linksgerichtete Ansichten vertrat und diese auch verwirklichte. Aus seiner Initiative wurden am 11. März 1918 die Petrograder Arbeitskommune und im April 1918 der Bund der Kommunen der Nördlichen Gebiet (BKNG) gegründet, zu der acht Gouvernements gehörten: die Gouvernements Petrograd, Archangelsk, Pskow, Wologda, Sewerodwinsk, Tscherepowets, Nowgorod, Olonets. Ins Exekutivkomitee des BKNG wurde gleichfalls der Führer der estnischen Bolschewiken Jaan Anvelt gewählt, der Anfang August 1918 auf dem II. Kongreß des BKNG auch Mitglied des Zentralexekutivkomitees wurde. Außerdem gehörte

J. Anwelt als Kommissar für nationale Angelegenheiten und politischer Kommissar der Militärverwaltung zur Regierung des BKNG — dem Sowjet der Volkskommissare.

Im Artikel wird auf einige Fehler von Sinowjew und dem BKNG hingewiesen, insbesondere im Zusammenhang mit Agrarfragen betreffs Gründung von Arbeitskommunen in der Landwirtschaft. J. Anwelts Wirksamkeit in BKNG ist unmittelbar mit seiner Funktion als Vorsitzender des Sowjets der Estländischen Arbeitskommune verbunden, die am 29. November 1918 in Narwa als selbständige Estnische Sowjetrepublik errichtet wurde. Auf Beschluß des III. Kongresses des BKNG am 24. Februar 1919 wurde der Bund der Kommunen der Nördlichen Gebiete als eine nicht rechtfertigende Staatsform der Sowjetmacht aufgelöst.

ПЛАНЫ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЭСТОНИИ И ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Я. Райд

Кафедра истории СССР

Захватнические планы германского империализма в отношении Восточной Европы, в том числе и Прибалтики, были разработаны еще на рубеже XIX и XX веков. Возглавив вскоре после окончания первой мировой войны немецкий фашизм, Гитлер развил эти планы в ряде высказываний и программных документов нацизма. Вопросам «восточной политики» Германии была посвящена специальная глава гитлеровской книги «Мейн Кампф», в которой недвусмысленно провозглашалось возвращение к политике территориальных захватов на Востоке. Гитлер, в частности, писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой довоенного времени. Мы кладем конец вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем свои взгляды к землям на Востоке... Если мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь думать о России и подвластных ей окраинных государствах».¹

После своего назначения канцлером Гитлер поторопился подтвердить свои аннексионистские планы. Выступая перед высшими офицерами рейхсвера 3 февраля 1933 года, т. е. на четвертый день после прихода к власти, Гитлер объявил внешнеполитической целью Германии «завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостную германизацию».² При этом Гитлер не ограничился общей постановкой вопроса. Беседуя с бывшим президентом сената города Данцига, Германом Раушнинггом, он причислил к государствам, которые в будущем должны войти в качестве вассальной федерации в «Великую Германию», также и буржуазные республики Прибалтики.

¹ A. Hitler. Mein Kampf. München, S. 742.

² Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Vehmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/1941). Berlin, 1970, S. 52.

Гитлер подчеркивал, что у такой федерации не будет собственной экономики, политики и вооруженных сил и, что время малых государств, по его мнению, прошло.³

Аналогичные соображения Гитлер высказывал и в последующие годы. Например, в апреле 1938 года, в разговоре с германским послом в Италии А. фон Маккензеном, Гитлер назвал Прибалтику наравне с Судетской областью целью аннексии,⁴ а 23 мая 1939 года в очередном выступлении перед руководящими военными деятелями вновь подтвердил притязания германского нацизма на Прибалтику. Он говорил: «Не Данциг является объектом, из-за которого ведется разговор. Вопрос стоит для нас в расширении жизненного пространства на Востоке, обеспечении питания, а также в решении проблемы Прибалтики».⁵ Наличие у руководителей фашистской Германии еще до развязывания второй мировой войны захватнических планов в отношении Прибалтики подтверждается и многочисленными материалами Нюрнбергского процесса над немецкими военными преступниками.

Следует отметить, что существование у Германии этих планов не оспаривается ныне и большинством буржуазных историков. Правда, намерения Гитлера некоторые авторы пытаются ограничить только сугубо военными целями и умалчивают о содержащейся в них обширной программе физического уничтожения, или насильственного онемечивания эстонского, латышского и литовского народов. Например, известный западногерманский военный историк Ф. Фабри объясняет причины заинтересованности гитлеровцев в Прибалтике, прежде всего, стратегическими особенностями этого района, а также и тем, что часть населения прибалтийских республик была немецкого происхождения.⁶ «Стратегической версии» аннексионистских устремлений гитлеровцев в Прибалтику придерживается и другой западногерманский историк, В. Брокдорф, утверждая категорически, что «немецкое руководство было заинтересовано в прибалтийских странах исходя только из их военного значения».⁷ Безусловно, Гитлера интересовало и стратегическое положение Прибалтики на границах Советского Союза. Однако ограничивать интересы германского империализма в Прибалтике только чисто военными целями совершенно не правильно. Несостоятельность такой точки зрения опровергается высказываниями Гитлера, из которых некоторые приведены выше и, особенно убе-

³ H. Rauschnig. Gespräche mit Hitler. Neuauflage. Wien, 1973, S. 118.

⁴ G. v. Rauch. Geschichte der baltischen Staaten. Stuttgart—Berlin—Köln—Mainz, 1970, S. 172.

⁵ Fall Barbarossa..., S. 67.

⁶ Ph. W. Fabry. Der Hitler—Stalin Pakt. Darmstadt, 1962, S. 177.

⁷ W. Brockdorff. Kollaboration oder Widerstand. München—Wells, 1968, S. 251.

дительно, всей последующей оккупационной политикой немецко-фашистских захватчиков на территории Эстонии, Латвии и Литвы в годы Великой Отечественной войны.

Наконец, анализируя взгляды буржуазных историков на цели гитлеровской Германии в Прибалтике, нельзя не указать на то, что их подлинная сущность признается в послевоенные годы даже эстонскими буржуазными историками, проживающими в эмиграции. Так, бывший профессор Тартуского университета Э. Блумфельд, бежавший в конце войны в Швецию, приходит к выводу, что Гитлер «в своих внешнеполитических планах учитывал инкорпорацию прибалтийских государств в состав Германии».⁸ Такой же точки зрения придерживается бывший посол буржуазной Эстонии в Финляндии А. Варма, утверждая, к тому же, что захватнические планы гитлеровской Германии в отношении Эстонии не являлись секретом для руководителей Эстонии.⁹

Но, если общие намерения руководителей фашистской Германии в отношении Прибалтики были сформулированы за много лет до начала второй мировой войны, то конкретной и детальной программы деятельности в Эстонии, Латвии и Литве после их намечаемой аннексии у гитлеровцев долгие годы не было. Только после того, как фашистская Германия приняла решение напасть на СССР и Гитлер утвердил 18 декабря 1940 года директиву № 21 (План Барбаросса), в различных ведомствах нацистской Германии стали составляться проекты осуществления оккупационной политики на территории Советского Союза, в том числе и в республиках Советской Прибалтики.

Вопросами административного деления и судеб населения территорий, намеченных гитлеровцами к оккупации, занимались одновременно два ведомства фашистской Германии. Это, во-первых, центральное бюро по подготовке решения вопроса о восточном пространстве, созданное в начале апреля 1941 года, во главе с Альфредом Розенбергом¹⁰ и во-вторых, главным управлением имперской безопасности, во главе с Генрихом Гиммлером. Центральное бюро Розенберга занималось, главным образом, административными вопросами. В нем родился план создания на территории СССР четырех рейхскомиссариатов, из которых «Остланд» должен был включить в себя и Эстонию. Розенбергом же были разработаны конкретные инструкции для чиновников оккупационного аппарата, в которых содержались указания в отношении самых различных аспектов оккупацион-

⁸ E. Blumfeld. Eesti saatuse äärejooni 1939—1940. Raamatus: «Eesti riik ja rahvas 2. maailmasõjas» 2. Stockholm, 1955, lk. 181.

⁹ A. Warma. Välispoliitilisest orientatsioonist Eestis. — «Tulimuld», 1960, nr. 1, lk. 12.

¹⁰ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в трех томах. (далее: Нюрнбергский процесс). Том I. М., 1965, с. 204.

ной политики. В этих инструкциях уделялось много внимания и Прибалтике. Так, в меморандуме от 2 апреля 1941 года, Розенберг писал о судьбах Эстонии, Латвии и Литвы: «В отношении данных областей возникает вопрос, не должна ли перед ними быть поставлена задача превратиться в будущем в территорию немецкого поселения с онемечиванием всех, кто в расовом отношении является наиболее пригодным... Следует позаботиться о том, чтобы обеспечить необходимое переселение значительных слоев интеллигенции, в особенности латвийской, на коренную русскую территорию. Нужно предусмотреть переселение на территорию Эстонии, Латвии и Литвы значительных масс немецкого сельского населения; при возможности можно было бы привлечь на эти территории значительный контингент пригодных для данной цели немецких переселенцев из немцев Поволжья». Розенберг считал также возможным использовать в качестве колонистов на территории Прибалтики датчан, норвежцев, голландцев и даже англичан. Все это надо было сделать для того, «чтобы можно было на протяжении жизни одного или двух поколений присоединить Эстонию, Латвию и Литву в качестве новой онемеченной страны к коренной немецкой территории».¹¹

20 июня 1941 года, т. е. за два дня до нападения гитлеровской Германии на СССР, А. Розенберг выступил с большой речью, в которой вновь остановился на будущем территорий СССР, намеченных гитлеровцами к оккупации. Касаясь в этой связи судьбы Прибалтики, он огласил проект новой восточной границы Эстонии, Латвии и Литвы, которая должна была пройти западнее Ленинграда к озеру Ильмень и оттуда к югу до границ Украины. Таким образом, в состав «Остланда» предполагалось включить большую территорию РСФСР. Поясняя этот проект, Розенберг говорил: «Граница сдвинется далеко на восток, с одной стороны, потому, что в этих областях живут остатки древних народностей эстонцев и латышей, и, с другой стороны, это будет разумно, так как мы планируем в Западной Прибалтике провести серьезную германизацию и освежение крови».¹²

Если центральное бюро и сам Розенберг уделяли накануне войны основное внимание организации административного управления, подбору, расстановке и инструктированию работников для подлежащих к оккупации территорий и только в общих словах упоминали о судьбах населения этих территорий, то главное управление имперской безопасности занималось преимущественно разработкой документов, в которых решались вопросы переселения населения и германизации больших районов Восточной Европы. В стенах этого управления был составлен и пре-

---

¹¹ Нюрнбергский процесс. Том 3. М., 1966, с. 129.

¹² Нюрнбергский процесс. Том 2. М., 1966, с. 165.

словутый генеральный план «Ост», включавший в себя детально разработанную программу порабощения и уничтожения миллионов людей, проживающих на территории СССР, Польши и Чехословакии. Текст генерального плана «Ост» до сих пор не обнаружен. Однако сохранился ряд документов, относящихся к плану, которые позволяют получить весьма полное представление о процессе его рождения и основном содержании.

Вопрос о составлении какого-нибудь сводного документа, содержащего программные положения германского нацизма в отношении будущего славянских и других восточноевропейских народов, после того как они будут оккупированы, встал впервые на повестку дня еще в 1940 году. По поручению Гиммлера был разработан план, касавшийся переселения значительной части польского населения и заселения польских земель немецкими колонистами.¹³ После нападения фашистской Германии на Советский Союз, Гиммлер поручил ответственному сотруднику управления штаба имперского комиссара по вопросам консолидации германского народа — оберфюреру СС Конраду Мейеру-Хетлингу — распространить мероприятия, предусмотренные для Польши, на оккупированные территории СССР. 28 мая 1942 года К. Мейер-Хетлинг представил свои соображения под наименованием «Генеральный план «Ост» — основы правовой, экономической и территориальной структуры Востока».¹⁴ Гиммлер выразил удовлетворение планом, обещал доложить его Гитлеру, после чего последовали указания о дальнейшем дополнении плана. Последние, известные нам, замечания Гиммлера в отношении генерального плана «Ост» относятся к 12 января 1943 года.¹⁵ Крупное поражение гитлеровских войск под Сталинградом, а также военные неудачи в Северной Африке заставили Гитлера в начале февраля 1943 года законсервировать все планы и проекты, касающиеся вопросов послевоенного устройства.¹⁶

Большинство известных ныне материалов о генеральном плане «Ост» издано и прокомментировано в советской исторической литературе.¹⁷ Однако, к сожалению, не все эти материалы переведены на русский язык и некоторые разделы, которые содержат подробности о человеконенавистнических намерениях немецких

---

¹³ Нюрнбергский процесс. Том 3, с. 125—128.

¹⁴ S. Myllyniemi. Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941—1944. In: «Dissertationes Historicae» 2, Helsinki, 1973, S. 159.

¹⁵ Там же, с. 160.

¹⁶ Der Generalplan Ost. In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1958, 3; S. 292.

¹⁷ «Военно-исторический журнал», 1960, 1; «Военно-исторический журнал», 1964, 7; Нюрнбергский процесс. Том 3, М., 1966; В. Д а ш и ч е в. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. 2. М., 1973 и некоторые другие.

фашистов в отношении Прибалтики, до сих пор не опубликованы. Кроме того, за границей издан ряд монографий, сборников документов и мемуаров, дополняющих наши сведения о генеральном плане «Ост», особенно в той части, которая касается судеб эстонского, латышского и литовского народов.¹⁸ Поэтому автор настоящего исследования считает возможным не останавливаться подробно на опубликованных у нас материалах, ограничиться напоминанием некоторых, наиболее важных, положений генерального плана «Ост», с тем, чтобы затем обратить основное внимание на те вопросы плана, которые касаются Прибалтики и, в первую очередь, Эстонии и эстонского народа.

В соответствии с генеральным планом «Ост» и относящимися к нему документами гитлеровцы предусматривали насильственное переселение из западной части СССР, Польши и некоторых районов Чехословакии около 51 миллиона человек, которых следовало расселить в Западной Сибири, на Северном Кавказе и даже в ... Южной Америке! На место переселенных, таким образом, народов Восточной Европы должны были прибыть немецкие колонисты, общей численностью до 10 миллионов человек. Для этих переселенцев гитлеровцы собирались выделить на оккупированной территории земельные участки, в основном, размером от 40 до 100 га. Кроме того намечалось также создание крупных землевладений величиной в 250 и более гектаров. В целях стимулирования колонизации все земельные участки предполагалось на 20 лет освободить от налогов. Расселенные на «восточных землях» колонисты должны были не только экономически освоить для Германии эти территории, но и ускорить процесс онемечения оставшейся части коренного населения. Выполнению последней задачи должно было также содействовать уничтожение местной интеллигенции и низвержение культуры коренного населения до самого низкого уровня. Авторы генерального плана «Ост» считали, что для завершения всех намеченных мероприятий требуется от 25 до 30 лет.¹⁹

Значительное место в генеральном плане «Ост» было уделено вопросам Прибалтики, в том числе судьбам Эстонии и эстонского народа. Согласно первоначальному тексту плана на территории СССР было предусмотрено создание трех главных областей колонизации (Siedlungsmarken). Это: 1. Ингерманландия, т. е. область вокруг Ленинграда; 2. Готенгау, включав-

---

¹⁸ O. Bräutigam. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. Tübingen, 1954; A. Dallin, Deutsche Herrschaft in Russland 1941—1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958; O. Bräutigam. So hat es sich zugetragen... Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg, 1968; Mißtrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Düsseldorf, 1970; S. Myllyniemi, указ. соч.

¹⁹ «Военно-исторический журнал», 1960, 1, с. 91; «Военно-исторический журнал», 1964, 7, с. 120; Нюрнбергский процесс. 1966; Том 3, с. 131—132 (приложение).

шую в себя Крым и Херсонскую область и 3. Мемель-Наревская область, в составе района Белостока и западной Литвы. В отношении последней отмечалось, что она совместно с присоединенными к Германии восточными областями «относится к предполью и является геополитической точкой пересечения двух больших колонизационных направлений. Онемечение западной Литвы уже осуществляется путем возвращения фольксдейче». Далее подчеркивалось большое значение областей колонизации «на переднем крае неметчества» и предлагалось подвести их под действие особого права. Области колонизации должны были быть связанными с Германией через систему опорных пунктов колонизации (Siedlungsstützpunkten). Всего намечалось создать 36 таких опорных пунктов, которые располагались бы на главных железнодорожных и автомагистралях, соединяющих области с рейхом. Площадь каждого опорного пункта определялась примерно в 2000 кв. км, их расстояние друг от друга в 100 км.²⁰

Опорные пункты колонизации между областью Ленинграда и Германией должны были располагаться на линии Ленинград—Вильнюс и, таким образом, они не захватывали Эстонию. Однако в генеральном плане «Ост» отмечалось, что, «учитывая особое значение Прибалтики» для Германии, там создаются дополнительные опорные пункты колонизации, которые должны быть расположены вокруг Таллина, Тарту, Нарвы, Пайде, Раквере и Валга.²¹ Имея ввиду общие размеры площади Эстонии (около 45 тыс. кв. км), мы видим, что под опорные пункты отводилось более одной четверти всей территории республики. В плане была поставлена задача завершить процесс онемечения опорных пунктов за 25—30 лет. Для этого только в Прибалтику было намечено переселить 520 тысяч немцев. Кроме того, гитлеровцы надеялись, что процесс онемечения опорных пунктов будет ускорен и что немецкое население этих пунктов будет систематически пополняться за счет отбора подходящих в расовом отношении представителей местного населения. Так, например, считалось, что более 50 процентов эстонцев и до 50 процентов латышей легко поддадутся онемечению.²²

Вообще авторы генерального плана «Ост» и документов, имеющих отношение к этому плану, уделяли большое внимание вопросам расовой принадлежности эстонского и других народов Советской Прибалтики. Так, ответственный сотрудник «Восточного министерства» гитлеровской Германии Эрхард Ветцель указывал в своих замечаниях к генеральному плану «Ост» от 27 апреля 1942 года на то, что у населения прибрежных районов Прибалтики содержание нордической крови весьма зна-

²⁰ Mißtrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. — Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970, S. 153.

²¹ S. Myllyniemi, указ. соч. с. 164.

²² Mißtrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. S. 153.

чительное и что «не исключается, например, что подробное расовое исследование эстонского населения... покажет, что его подавляющее большинство может рассматриваться как пригодное к онемечению».²³ Еще более сенсационные выводы в вопросе расовой принадлежности эстонцев сделал расово-политический отдел нацистской партии Германии, провозгласив их «чистыми германцами». Вопреки историческим фактам, теоретики расизма выдвинули лжеучение о том, будто далекими предками эстонцев были германцы, которые высадились на побережье нынешней Эстонии, покорили проживавшие там угро-финские племена, смешались с ними и переняли их язык!²⁴ На ненаучность этой версии вынужден указать даже бывший сотрудник «Восточного министерства» Отто Брейтигам в книге «Обзор оккупированных Восточных областей в период второй мировой войны». Он пишет, «что историческая достоверность этой теории никогда не provedьлась».²⁵

Рассуждая о методах онемечения «полноценных в расовом отношении» эстонцев, латышей и литовцев, составители генерального плана «Ост» больше всего беспокоились из-за возможной отрицательной реакции местной интеллигенции на намеченные мероприятия. Упомянутый выше Э. Ветцель, в своих замечаниях к плану, прямо писал: «Интеллигенция Эстонии, Латвии и Литвы является несомненно носителем собственных национальных идей. Она будет естественно упорным противником онемечения, кроме тех случаев, когда сама не изъявит готовность отказаться от собственных национальных идеалов».²⁶ Однако Ветцель все-таки считал возможным онемечить и интеллигенцию прибалтийских республик. Для этого он предложил следующий путь: так как в Германии в связи с потерями на войне и колонизацией Востока возникнет острая нехватка специалистов во всех областях экономики и в органах администрации, то «почему бы не устранить возникшие затруднения таким образом, что, к примеру, эстонского судью с семьей перевести в рейх на такую же должность? Почему мы не могли бы приемлемого в расовом отношении латыша-железнодорожника высшего ранга перевести на должность в Гамбург или Бремен?... Может легко случиться, что такие люди, если они получают в старом рейхе подходящее положение, будут в последствии передовыми борцами за немецкий образ мысли и смогут быть вновь использованы в Прибалтике в качестве немецких пропагандистов». Что же касается

²³ «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte, 1958, 3, S. 302.

²⁴ Выдвигая эту «теорию» расово-политический отдел не был оригинален. Еще в 1925 г. один из идеологов прибалтийских немцев Эстонии А. Шпиндлер писал о нордических пришельцах, «облагородивших» эстов и принявших их язык («Revaler Bote», 1925, 20. VII).

²⁵ O. Bräutigam, Überblick über besetzte Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. Tübingen, 1954, S. 80.

²⁶ «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1958, 3, S. 304.

процесса онемечивания в самой Прибалтике, то, по мнению Ветцеля, оно должно осуществляться через постепенное введение немецкого языка. «Жители этих стран должны быть наконец убеждены в том, — пишет Ветцель, — что только в том случае можно кем-нибудь стать и занять заслуживающее внимание место, если они станут немцами».²⁷

А вот, как гитлеровцы представляли себе изучение немецкого языка «в расовом отношении приемлемой» частью населения Прибалтики, которая должна была остаться на месте, пойти в услужение к немецким колонистам и постепенно онемечиться. По замыслу составителей генерального плана «Ост», на каждом хуторе немецкого поселенца в Прибалтике должны были, к примеру, работать «в качестве батраков один эстонец, один латыш и один литовец. Поскольку они, по-видимому, не понимают друг друга, то будут вынуждены для общения между собой пользоваться немецким языком, так что онемечение их не явится сколько-либо большой проблемой».²⁸ Таким образом, планируя онемечение значительной части народов Советской Прибалтики, гитлеровцы разработали детальную программу, рассчитанную на применение дифференцированных методов в отношении различных классов и прослоек населения. При этом, ни в самом генеральном плане «Ост», ни в других документах, имеющих отношение к этому плану, нигде не ставился вопрос об отношении эстонцев, латышей и литовцев к предусмотренному онемечению, о их желании, или не желании сменить свою национальность и превратиться в немцев. Как и все законы и директивы гитлеровского рейха, генеральный план «Ост» был построен исключительно на принципах насилия в интересах борьбы за мировое господство. Даже «в расовом отношении приемлемых» эстонцев, латышей и литовцев гитлеровцы рассматривали в этой борьбе как мелких пешек и относились к ним крайне враждебно. Об этом наглядно свидетельствует вся оккупационная политика немецко-фашистских захватчиков в Прибалтике. К такому же выводу приходит известный и далеко не прогрессивный американский историк Александр Даллин, указывая, что гитлеровцы видели в народах Прибалтики «все, что угодно, но только не союзников».²⁹

Но, авторы генерального плана «Ост» предлагали онемечить только часть населения Прибалтики. Какими же были их намерения в отношении другой части, определенной гитлеровцами, как в «расовом отношении нежелательной»? Согласно всем сохранившимся материалам, немецко-фашистские оккупанты собирались выселить из Эстонии, Латвии и Литвы всех жителей,

---

²⁷ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1958, 3, S. 304—305.

²⁸ Там же, с. 320.

²⁹ A. Dallin. Deutsche Herrschaft in Russland 1941—1945, S. 195.

которые не отвечали требованиям нордической расы, и на их место поселить немецких колонистов. Правда, вопросы куда выселить «нежелательных» эстонцев, латышей и литовцев, а также, какими методами осуществить это переселение, вызвали среди составителей генерального плана «Ост» и других нацистских чиновников, причастных к этому плану, весьма оживленные дебаты. Выше уже указывалось, что накануне войны А. Розенберг предлагал переселить народы Советской Прибалтики на восток от существующих границ, на ту территорию Российской Федерации, которую гитлеровцы собирались присоединить к рейхскомиссариату «Остланд». Розенберг даже придумал для места нового поселения эстонцев восточнее Чудского озера специальное название «Пейпусланд» («Peipusland»). Однако при составлении генерального плана «Ост» эта территория, уже под названием Ингерманландии, была выделена в качестве одной из трех основных областей немецкой колонизации. Узнав о новом предназначении «Пейпусланда», Розенберг разочарованно писал 20 октября 1941 года своему заместителю по «Восточному министерству» Альфреду Мейеру: «Похоже на то, что Ингерманландию, которую первоначально предназначили для области нового поселения эстонцев, рассматривают теперь как определенно немецкую колонию».³⁰

Естественно, может возникнуть вопрос, как же Розенберг, которому в качестве министра было специально поручено вести оккупированными территориями СССР, узнал с опозданием о новых планах в отношении т. н. Ингерманландии? Здесь не следует забывать, что между Розенбергом и Гиммлером происходило постоянное соперничество по вопросам оккупационной политики. Генеральный план «Ост» составлялся в ведомстве Гиммлера, который часто согласовывал свои намерения с Гитлером относительно оккупационной политики, минуя Розенберга.

В связи с отпадением ингерманландского варианта для переселения «нежелательной» части населения Прибалтики, возникли новые планы расселения эстонцев, латышей и литовцев в Сибири, центральных областях России и некоторых других местах. Однако окончательного решения по этому вопросу так и не было принято. Что же касается методов переселения, то по общему мнению различных экспертов, занимавшихся этим вопросом, его следовало провести «добровольно». К такому выводу пришло, например, специальное совещание, состоявшееся 4 февраля 1942 года у начальника отдела «Восточного министерства», оберштурмбанфюрера СС Бруно Петера Клейста. В работе совещания приняли участие другие ответственные сотрудники министерства, а также представители главного управления имперской безопасности. Все выступившие на совещании

---

³⁰ S. Myllyniemi, указ. соч., с. 89.

высказались за то, чтобы организовать переселение так, чтобы эстонцы, латыши и литовцы сами выразили желание выехать к новому месту жительства. Было высказано соображение, что добиться «добровольности» не так уже и трудно, так как в период царского самодержавия эстонцы и латыши, якобы, охотно переселялись вглубь России, если им там предоставляли хорошую землю. Использование этого опыта в современной обстановке могло дать положительные результаты. Тем не менее, на совещании окончательного решения принято не было, но участники договорились еще раз как следует обсудить все вопросы, связанные с переселением народов Прибалтики и вернуться к ним позднее.³¹

Методам переселения эстонцев, латышей и литовцев было уделено значительное внимание и в замечаниях Э. Ветцеля по генеральному плану «Ост». Подчеркивая, что «расово-полноценными» для Германии являются, в основном, только те местные жители, у которых ярко преобладают признаки нордической расы, Ветцель продолжал: «По моему мнению, можно привлечь на свою сторону подходящих для онемечивания местных жителей прибалтийских стран, если принудительное выселение нежелательного населения будет проводиться под видом более или менее добровольного переселения. Практически это легко можно было бы осуществить. На обширных пространствах Востока, не предусмотренных для колонизации немцами, нам потребуется большое количество людей, которые в какой-то степени воспитывались в европейском духе и усвоили по меньшей мере основные понятия европейской культуры. Такими данными в значительной мере располагают эстонцы, латыши и литовцы».³² Далее Ветцель высказывал мнение, что население Прибалтики не следует переселять в Сибирь, да и вообще с переселением надо быть очень осторожным, чтобы не вызвать чувство солидарности у тех, кто остаются и будут онемечены.³³

В связи с делением народов Прибалтики в расовом отношении на «желательных» и «нежелательных» перед гитлеровцами встал конкретный вопрос, каким образом определить, кто же из эстонцев, латышей и литовцев окажется способным к онемечению. Для решения этого вопроса участники совещания у Б. П. Клейста 4 февраля 1942 года договорились провести в рейхскомиссариате «Остланд» тщательное изучение расовых данных населения. Так как официальное провозглашение такой проверки могло вызвать тревогу среди местного населения, то участники совещания решили провести это мероприятие под видом гигиенического исследования, или какого-либо другого

---

³¹ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1958, 3, S. 295—296.

³² Нюрнбергский процесс. Том 3, с. 137—138.

³³ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1958, 3, S. 302.

предлога. При этом считалось, что только после получения итогов проверки можно будет приступить к переселению.³⁴

Практически изучение расовых данных народов Прибалтики было осуществлено осенью 1942 года. В качестве предлога проверки оккупационные власти использовали необходимость освидетельствования всех лиц, направляемых для трудовой повинности в Германию. Таким образом гитлеровцам удалось собрать данные примерно о двух тысячах человек. Обработка этих материалов подтвердила прежние представления гитлеровцев в отношении «расовой приемлемости» значительной части населения Эстонии и Латвии. В то же время, итоги проверки подтвердили, по мнению расистских экспертов и то, что среди эстонцев и латышей не мало людей оказалось с присутствием элементов восточно-балтийской расы, которые трудно поддавались процессу онемечивания. Что же касается литовцев, сетов в Эстонии и латгальцев в Латвии, то их признали вообще «непригодными к онемечиванию».³⁵

После завершения изучения выборных расовых показателей народов Прибалтики гитлеровцы приступили к дальнейшей подготовке онемечивания эстонцев и латышей. Эта работа не была завершена, но некоторые материалы по этому вопросу, безусловно, заслуживают внимания и пополняют наши представления о том, что и как готовили гитлеровцы для свободолюбивых народов Советской Прибалтики, в рамках генерального плана «Ост». Особый интерес представляют два документа, составленные все тем же Эрхардом Ветцелем. В докладной записке, составленной по просьбе А. Розенберга в ноябре 1942 года и озаглавленной «Мысли о способности народов Остланда к онемечиванию», Ветцель вновь возвращается к методам разделения эстонцев, латышей и литовцев в расовом отношении на «желательных» и «нежелательных» и вносит ряд предложений, как лучше всего безболезненно отделить первых от вторых. По его мнению, следует добиться такого положения, чтобы «пригодные к онемечиванию эстонцы и латыши сами бы исключили из своей национальной общности непригодных в расовом отношении. Далее Ветцель считает, что «мистические «нордические идеи» будут все сильнее внедряться в образ мышления обоих народов, после чего те несчастные, у которых признаки нордической расы не господствуют, не будут больше считаться эстонцами и латышами». Теперь, когда, по мнению Ветцеля, большая часть эстонцев и латышей признают свою принадлежность к нордической расе, должно наступить время «удалить из Эстонии и Латвии в расовом отношении нежелательных». Начинать это мероприятие раньше нельзя считать целесообразным, так как раскрыло бы преждевременно замыслы германских властей и могло бы по-

³⁴ S. Myllyniemi, указ. соч., с. 146—147.

³⁵ Там же, с. 149.

мешать успешному завершению переселения. Обосновывая свои предложения по этому вопросу, Ветцель ссылаясь на опыт гитлеровцев при решении «европейского вопроса» в Германии. Он напомнил, чтобы евреев, прежде всего, изолировали от остальной части населения и обычных норм социальной жизни. В результате, евреев не стали замечать и, поэтому никто, якобы, не реагировал, когда с ними «поступили, как с нежелательными».³⁶ Конечно, Ветцель здесь явно упрощает действия немецких нацистов и не договаривает о подлинной судьбе миллионов евреев, физически уничтоженных в многочисленных лагерях смерти. Но, не значит ли приведенная параллель, что «нежелательных» эстонцев, латышей и литовцев ожидала такая же мучительная смерть? Ведь за годы немецко-фашистской оккупации только в Эстонии было замучено гитлеровцами более 60 тысяч гражданских лиц.³⁷

В излагаемом документе уделяется также много внимания вопросам идеологической обработки той части населения Советской Прибалтики, которая не подлежала переселению и которую составители генерального плана «Ост» намеривались насильственно онемечить. Так, например, рекомендовалось широко пропагандировать расовую общность между немцами, эстонцами и латышами и ставилась задача, добиться на первом этапе у «эстонцев и латышей такой степени родовой сознательности и своеобразия, как она проявляется, к примеру, у саксонцев, баварцев и других».³⁸

Второй документ, названный «Директивы по вопросу пригодности к онемечиванию эстонцев, латышей и литовцев», был завершён в марте 1943 года, т. е. фактически уже после того, как работа над составлением генерального плана «Ост» была законсервирована по указанию Гитлера. В этом документе Ветцель вновь уделяет много места пропагандистской стороне вопроса. Повторяя уже известный нам тезис о принадлежности эстонцев к германской расе, он требует прекратить называть их угро-финнами, урало-алтайцами или монголами. Даже эстонский язык не следовало относить больше к группе угро-финских языков. В целях ускорения процесса онемечения, Ветцель считал необходимым более ускоренными методами внедрять в Прибалтике немецкую культуру, используя для этого печать, радио, литературу, а также кино и театр. В школах рекомендовалось усилить преподавание немецкого языка, постепенно увеличивая его роль в учебном процессе. Так, первоначально немецкий язык должен был занимать место первого иностранного языка в школьных программах, затем следовало создавать двуязычные школы, в которых ряд предметов преподавался уже только на

³⁶ S. Myllyniemi, указ. соч., с. 151.

³⁷ История Эстонской ССР (С древнейших времен до наших дней), 2 изд. с. 1958, с. 621.

³⁸ S. Myllyniemi, указ. соч., с. 152.

немецком языке и т. д. В обеих директивах подчеркивалось, что такие предложения должны были бы исходить, прежде всего, от местных кругов.³⁹

Вскоре после составления этой директивы, подготовка к онемечиванию эстонцев, латышей и литовцев была прекращена. 3 мая 1943 года Ветцель сообщал в письме начальнику I (политического) управления «Восточного министерства» Георгу Лейббрандту, что к мероприятиям по онемечиванию «не следует приступать до тех пор, пока военная обстановка на Востоке не станет яснее».⁴⁰ Как известно, обстановка на полях сражения Великой Отечественной войны прояснилась уже к концу лета 1943 года, но не так, как этого хотелось бы Ветцелю и другим чиновникам гитлеровского государства. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге означал окончательный переход стратегической инициативы к Красной Армии. В этих условиях гитлеровцам стало не до завершения планов послевоенного устройства оккупированных областей и республик СССР. К тому же, все эти области и республики постепенно освобождались от оккупации в результате победоносного наступления Советских войск и в них быстро восстанавливалась нормальная жизнь.

Но, можно ли сделать вывод, о том, что генеральный план «Ост» остался на бумаге и, тем самым, преступные замыслы гитлеровцев против народов СССР никогда не были реализованы? В рамках настоящей статьи не представляется возможным подробно проанализировать оккупационную политику немецко-фашистских захватчиков на территории Советского Союза.⁴¹ Но даже беглое ознакомление с директивами, полученными руководящими инстанциями оккупационной администрации из Берлина, а также с материалами самих оккупационных органов, позволяет сделать вывод, что гитлеровцы, не ожидая окончания войны, уже в ходе ее приступили к осуществлению мероприятий, включенных в генеральный план «Ост». Так, например, в специальной инструкции «Восточного министерства» для рейхскомиссара «Остланд» Гинриха Лозе от 8 мая 1941 года прямо указывалось: «Целью деятельности рейхскомиссара для Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии должно являться стремление к созданию формы германского протектората и затем путем германизации возможных в расовом отношении элементов, консолидации германских народов и выселения нежелательных элементов превратить этот район в часть

---

³⁹ S. Myllyniemi, указ. соч., с. 153.

⁴⁰ Там же, с. 154.

⁴¹ Вопросы оккупационной политики немецко-фашистских захватчиков на территории СССР освещены в таких капитальных работах советских историков, как «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. 10, М., 1973; Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. Изд. 2. М., 1970 и др.

Великогерманской империи. Балтийское море должно стать германским внутренним морем, под великогерманской защитой... Земля, завоеванная 700 лет назад немецкими рыцарями и перестроенная Ганзой, ставшая благодаря постоянному притоку немецкой крови и шведских элементов в преобладающем германизированной землей должна быть перестроена в мощную немецкую пограничную землю». ⁴² А вот что показал на судебном процессе в Риге в январе 1946 г. бывший верховный руководитель СС и полиции «Остланда», обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн: «Гиммлер в одной из бесед сказал, что территория Латвии, Литвы и Эстонии является объектом давних притязаний немцев. Поэтому нам необходимо проводить политику заселения этой территории немцами. Из местного населения ничтожная часть может быть германизирована, а подавляющее большинство вывезено на работу в Германию. Это была политика не только Гиммлера, а также Розенберга и особенно Гитлера». ⁴³

Имея такие указания из «Восточного министерства» Розенберга и главного управления государственной безопасности Гиммлера, руководители «Остланда» приступили к рассылке в генеральные комиссариаты собственных указаний, которые почти дословно пересказывали содержание генерального плана «Ост» и других аналогичных документов. Вот только один пример такого рода творчества, исходившего из политического отдела рейхскомиссариата «Остланд». «Прибалтийское пространство должно стать областью заселенной немцами, а не только немецким жизненным пространством. Если это, несмотря на невыгодное географическое расположение, намечается как политическая цель, то только ради того, чтобы довести до конца историческое деяние немцев... Немецкий народ должен теперь пожинать плоды. Эта территория должна стать землей, колонизованной немцами». ⁴⁴

Некоторые буржуазные авторы, характеризуя политических деятелей оккупационных органов в Прибалтике, обыкновенно выделяют бывшего генерального комиссара Эстонии Карла Лицмана, наделяя его чертами наиболее умного и доброжелательного по отношению к эстонскому народу человека. Нам трудно судить о том, был ли Лицман умнее других руководящих чиновников «Остланда». Что же касается утверждений о его доброжелательности к эстонскому народу, то это убедительно опровергается многочисленными примерами из практической деятельности оккупационных органов в Эстонии, возглавлявшихся Лиц-

---

⁴² Нюрнбергский процесс. Том 1, с. 213.

⁴³ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946, с. 61.

⁴⁴ Мы обвиняем. Документы и материалы о злодеяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в ЛССР. 1941—1944. Рига, 1967, с. 24—25.

маном. Его личное отношение к эстонскому народу проявилось хорошо в рапорте по вопросам организации образования в Эстонии, направленном А. Розенбергу 18 мая 1942 года. В нем Лицман возражает против открытия в Тартуском «ненемецком университете» философского и юридического факультетов⁴⁵ и выступает за значительное сокращение в Эстонии сети средних школ. Он писал: «Для меня ясно, что число гимназий чем раньше, тем лучше надо будет сократить, так как нет повода для сравнительно небольшого эстонского народа ежегодно выпускать 2000 абитуриентов, которые в дальнейшем почти полностью теряются для сельскохозяйственных работ и сразу создают интеллигентный пролетариат. Я намерен еще в этом году сократить число гимназий на $\frac{2}{3}$ ». ⁴⁶ Лицман выступал активно и за осуществление других мероприятий, направленных на постепенное онемечение эстонского населения.⁴⁷

Но все это документы. Каковы же были дела оккупационных властей? Выше уже приводились примеры о физическом уничтожении в Эстонии десятков тысяч гражданских лиц, которые в расовом и политическом отношении оказались для оккупантов, «нежелательными». Одновременно немецко-фашистские захватчики начали непосредственную подготовку и к переселению «нежелательной» части населения Эстонии. Так как первоначально было предусмотрено переселить эстонцев за Чудское озеро в т. н. «Пейпусланд», то и все подготовительные мероприятия на месте были связаны с этой территорией. Так, летом 1942 года ректор Тартуского университета Эдгар Кант пригласил к себе преподавателей кафедр эстонского языка и географии. Предупредив, что совещание носит совершенно секретный характер, он указал на большую карту западных районов Ленинградской области, висевшую в кабинете и заявил: «Мои господа! Посмотрите на эту территорию. После войны в новой Европе будут другие границы. Эти территории будут присоединены к Эстонии, в результате чего образуется Великая Эстония. Сейчас там все города и поселки носят русские наименования. В наше задание входит заменить эти названия на эстонские. Работу следует завершить к концу года». ⁴⁸ Для осуществления этой задачи была создана специальная комиссия, в работе которой активно принял участие и последний премьер-министр буржуазной Эстонии проф. Юри Улуотс.^{48а} На конкретные разговоры о таком переселении ссылался и финский политический деятель П. Хюнинен,

⁴⁵ ЦГИА Латв. ССР, ф. 6190, оп. 1, ед. хр. 1, л. 116.

⁴⁶ Там же, л. 121.

⁴⁷ Там же, л. 122.

⁴⁸ A. Mitt. Ulikoolis veerand sajandit tagasi. — «Tartu Riiklik Ulikool», 1971, 12. märts.

^{48а} Интересно, что в награду за участие в работе по эстонизации географических наименований для «Пейпусланда» Эд. Кант освободил Ю. Улуотса от физической трудовой повинности на 1942 год, обязательной для преподавателей университета. (ЦТИА ЭССР, ф. 2100, оп. 2, ед. хр. 1277, с. 11).

посетивший Эстонию в конце 1941 года.⁴⁹ Военные события помешали гитлеровцам осуществить эти планы. Ожидая большого наступления Советской армии, гитлеровцы приступили осенью 1943 года к эвакуации из фронтового тыла гражданского населения. В рамках этой эвакуации в сентябре 1943 года было начато и переселение эстонцев, проживавших постоянно восточнее Чудского озера, на территорию Эстонии. Как писал один из эстонских буржуазных географов, проживающих в эмиграции, это переселение означало отказ «от планов некоторых немецких ведомств создать «Эстонию-Восток».⁵⁰

Так обстояло дело с подготовкой к переселению «нежелательной» части населения Эстонии. Быстрое развитие событий на фронтах Великой Отечественной войны сорвало планы немецко-фашистских захватчиков и задуманное ими переселение не вышло за пределы планирования и первичной подготовки. Несколько больше гитлеровцы успели в области онемечения в расовом отношении «желательных» элементов. Уже в январе 1942 года Гиммлер издал приказ, на основании которого в Эстонии и Латвии отбирались осиротевшие дети и, если они отвечали требованиям германской расы, направлялись в Германию в специальные детские дома.⁵¹ 13 января 1943 года Гиммлер издал новую директиву, в которой содержались указания для онемечения эстонцев. В ней предлагалось организовать обучение эстонской молодежи немецкому языку и осуществить другие мероприятия для сближения эстонцев с немцами. Гиммлер писал: «Я уверен, что если мы возьмемся за это дело, то полностью привлечем их (т. е. эстонцев, Я. Р.) на свою сторону. Они сами вскоре признают, что их народ, численностью всего в 900 тысяч человек, не может существовать самостоятельно, а должен, как родственник нам, включиться в рейх».⁵²

Большие задачи в деле онемечения и фашизации эстонской молодежи возлагались гитлеровцами на местные молодежные организации, созданные наподобие «гитлерюгенд». Так, в августе 1942 года главный штаб «Эстонской молодежи» направил в Германию в учебную поездку 20 руководителей молодежных организаций, в прошлом офицеров эстонской буржуазной армии. Эта группа посетила Берлин и Брауншвейг, где ознакомилась с работой организаций «гитлерюгенд» и подготовкой руководителей молодежных организаций. Для участников поездки был прочитан ряд докладов и они прошли практику в германских

---

⁴⁹ S. Myllyniemi, указ. соч., с. 89.

⁵⁰ I. Arens. Eine estnische Umsiedlung im Jahre 1943. In: «Baltische Hefte», 1966, Bd. 12, S. 29.

⁵¹ Ч. Аморт. Немецкие планы порабощения и истребления народов СССР. По документам секретного архива Генриха Гиммлера. — «История СССР», 1966, № 2, с. 177.

⁵² Там же.

молодежных организациях.⁵³ По возвращении руководители «Эстонской молодежи» предприняли различные меры для вовлечения юношей и девушек в фашистские молодежные организации, но особых успехов так и не добились. Даже органы полиции и службы безопасности (СД) были вынуждены в своих рапортах признать непопулярность молодежных организаций оккупационного времени.⁵⁴

Задаче постепенного онемечения эстонской молодежи должны были служить также т. н. лагеря допризывной молодежи, создание которых было предложено руководителем имперской молодежи Германии Артуром Аксманом. Эта идея нашла поддержку у рейхскомиссара «Остланда» Гинриха Лозе, который в письме Аксману от 18 апреля 1944 года выразил уверенность, что пребывание в лагерях будет содействовать не только военной подготовке, но и освобождению молодежи «от узости мышления, характерной для малых государств». Одновременно Лозе отметил важное значение лагерей в области «основной немецкой воспитательной работы» и в деле оказания немецкого влияния на молодежь⁵⁵. Как мы видим, даже весной 1944 года, когда Красная Армия уже приступила к освобождению Советской Эстонии от гитлеровских захватчиков, Гиммлер, Аксман и другие руководители нацистской Германии не отказались от намерения воспитать эстонцев и латышей в «немецком духе».

Значительное внимание в деле онемечения молодежи Прибалтики оккупационные власти уделили школе. В марте 1942 года в Германию была направлена группа эстонских педагогов в составе 30 человек. Целью этой командировки было ознакомление с постановкой просвещения в Германии и с «национал-социалистской системой воспитания» молодежи. Во время пребывания в Германии эстонским педагогам был прочитан ряд лекций, в том числе: «Нацистский путь немецкой молодежи», «О принципах национал-социалистского воспитания» и пр. При отъезде руководитель группы эстонских педагогов Э. Яанверк поблагодарил организаторов поездки и заявил, что «мы получили от Германии и от немецких условий воспитания много хороших впечатлений».⁵⁶

Учебные планы в период немецко-фашистской оккупации были построены таким образом, чтобы учащиеся воспитывались исключительно на идеалах национал-социализма. Так, например, в инструкции для преподавания истории было выдвинуто требование рассматривать расу как фактор развития. В педагогическом журнале рекомендовалось воспитывать ненависть к евреям, неграм и другим народам и национальностям, которых

⁵³ Л. Барков. В дебрях абвера. Таллин, 1971, с. 103.

⁵⁴ ЦГИА Латв. ССР, ф. 6190, оп. 1, ед. хр. 1, л. 187—188.

⁵⁵ Нюрнбергский процесс. Том 2, с. 251—252.

⁵⁶ Л. Барков. Указ. соч., с. 101—102.

гитлеровцы считали во всех отношениях «неполноценными».⁵⁷ Кроме того, в программах требовалось искажение важнейших этапов истории эстонского народа, его борьбы за независимость против германских феодалов и империалистов.

К мероприятиям, которые должны были содействовать постепенному онемечению эстонского населения относилось также введение немецкого языка в качестве официального на территории «генерального комиссариата Эстония». В этой связи было выдвинуто требование, чтобы даже все чиновники коммунальных ведомств владели немецким языком⁵⁸. В делопроизводстве было введено использование только немецких наименований административных и географических объектов. Так, Таллин стал в период оккупации Ревалем, Тарту — Дорпатом, река Эмайыги — Эмбахом и т. д. К счастью, немецко-фашистским оккупантам не удалось завершить начатые мероприятия по онемечению населения Эстонии. Однако не может быть сомнения в том, что если немецко-фашистская оккупация продлилась бы дольше, то эстонский народ подвергся бы физическому и национальному и уничтожению.

Подводя итоги настоящего исследования, следует прежде всего отметить, что генеральный план «Ост» и многие другие документы, наглядно свидетельствующие о подлинных замыслах, характере и методах политики гитлеровской Германии в отношении народов Восточной Европы, являясь порождением чело-веконенавистнической фашистской идеологии, сформулированной Гитлером и другими теоретиками нацизма в 20-х и 30-х годах нашего века. Во-вторых, генеральный план «Ост» был направлен не только против славянских народов, но и против народов Советской Прибалтики, относящихся к группам угрофинских и балтийских народов. При этом гитлеровцы стремились выселить значительную часть эстонцев, латышей и литовцев с их родной земли, а остальную часть населения Прибалтики, которая по их мнению отвечала признакам нордической расы, онемечить. Таким образом эстонский народ был в любом случае обречен на национальную гибель. Наконец, в-третьих, следует подчеркнуть, что трудовой народ Эстонии в период немецко-фашистской оккупации не стал безвольно и бездеятельно ожидать, когда гитлеровцы реализуют свои планы. В рядах Советской Армии, в партизанских отрядах и патриотических группах десятки тысяч эстонцев активно сражались с немецко-фашистскими оккупантами, внося свой посильный вклад в освобождение социалистической Родины.

---

⁵⁷ E. Kuusik, Ajaloõpetuse aktuaalseid probleeme. — «Eesti Kool», 1943, nr. 1, lk. 76.

⁵⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 6190, оп. 1, ед. хр. 1, л. 122.

DIE PLÄNE HITLERDEUTSCHLANDS HINSICHTLICH ESTLAND UND DES ESTNISCHEN VOLKES

J. Raid

Zusammenfassung

Im vorliegenden Aufsatz wird ein Überblick über die Vorbereitung der annexionistischen Plänen des deutschen Imperialismus gegen den Baltischen Staaten vor und während des zweiten Weltkrieges gegeben. Nach dem Hitler am 18. Dezember 1941. die Weisung Nr. 21 (Barbarossa) bestätigt hat, wurden diese Pläne in verschiedenen Ämtern des faschistischen Deutschlands konkretisiert. In Jahren 1941—1942 wurde der sogenannte «Generalplan Ost — Rechtliche, wirtschaftliche und räumliche Grundlagen des Ostaufbaus» zusammengestellt der auch Richtlinien für den zukünftigen Schicksal Estlands und des estnischen Volkes enthielt. Der Text des Planes ist am Ende des Krieges verlorengegangen, aber die verschiedenen Dokumente und andere schriftliche Quellen geben uns vom Inhalt dieses Planes einen ganz vollständigen Überblick. Wie es in dem Generalplan «Ost» vorgesehen wurde, sollte das estländische Territorium nach dem Kriege in das Groß-Deutschland angegliedert, das estnische Volk aber teils vernichtet, umgesiedelt oder eingedeutscht werden. Eine große Interesse bieten uns Dokumente, die aus den ehemaligen himmlerischen Reichssicherheitshauptamtes stammen und in denen verschiedene Hinweise und Empfehlungen für Eindeutschung des estnischen Volkes gegeben werden. Nach dem die Estnische SSR im Jahre 1941 von den deutschfaschistischen Truppen okkupiert wurde, hat das s. g. Reichskommissariat Ostland mit der Verwirklichung einigen Aufgaben des Generalplans «Ost» in Estland und den anderen baltischen Staaten begonnen. So z. B. wurde die Umsiedlung eines Teils des estnischen Volkes in die Gebiete östlich des Peipsi-See vorbereitet. Doch die vernichtende Niederlage, die die deutsche Truppen bei Stalingrad erlitten haben, zwang Hitler in Februar 1943 die Verwirklichung des Generalplanes «Ost» bis auf Ende des Krieges einzustellen. Die Befreiung des Sowjetestlands im Jahre 1944 von den sowjetischen Streitkräften hat das estnische Volk von der physischen und nationalen Vernichtung endgültig gerettet.

TEADUSLIK-PEDAGOOGILISE KAADRI ETTEVALMISTAMISEST TARTU RIIKLIKUS ÜLIKOO LIS AASTAIL 1944—1950

M. Reinfelt

NSV Liidu ajaloo kateeder

Nõukogude võimu taaskehtestamisega Eestis 1940. a. algas uus etapp Tartu Ülikooli elus. ENSV Rahvakomissaride Nõukogu poolt 9. oktoobril 1940. a. kinnitatud ülikooli ajutise põhikirja kohaselt oli ülesandeks ette valmistada kaadrit, kes on võimeline omandama teadust ja tehnikat, pühenduma kommunistliku ühiskonna ülesehitamisele, ühendama teooriat ja praktikat ning siduma töökogemusi teadusega.¹

Teaduslik-pedagoogilise kaadri ettevalmistamist Tartu Riiklikus Ülikoolis on seni vähe uuritud, ka puuduvad peaaegu täielikult uurimused ülikooli tegevuse kohta Suure Isamaasõja järgsetel aastatel. Seoses Tartu Riikliku Ülikooli ajaloo koostamisega ning kolmekümne aasta möödumisega ülikooli taasavamisest Suure Isamaasõja järel on antud teema aktuaalne ja väärib ka edaspidi põhjalikumat käsitlemist.

On uuritud kaadri ettevalmistamist meie vabariigi kõrgemates koolides üldse. 1951. a. kaitses Vene NFSV Pedagoogikateaduste Akadeemia juures doktorikraadi endine TRÜ õppeprorektor A. Pint Eesti pedagoogilise hariduse peamistest etappidest XIX sajandil ja XX saj. I poolel, kus on käsitletud ka sõjajärgse Tartu Riikliku Ülikooli kõige üldisemaid probleeme õpetajate ettevalmistamise seisukohalt.²

1953. a. valmis praeguse TRÜ NLKP ajaloo kateedri juhataja J. Kalitsa kandidaadidissertatsioon nõukogude kõrgema kooli ehitusest ENSV-s ja kõrgemate koolide osast nõukogude intelligentsi rahvusliku kaadri ettevalmistamisel. Töös analüüsitakse Eesti kõrgemate koolide põhjalikku ümberkujundamist nõukogude võimu

¹ «Eesti NSV Teataja», 1940, nr. 24, art. 268, lk. 205.

² А. Пинт. Основные этапы истории педагогического образования в Эстонии в XIX и в I половине XX веков. Диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук. Москва — Тарту, 1951.

taaskehtestamise järel ja ENSV kõrgemate koolide saavutusi Kommunistliku Partei juhtimisel.³

Publitseeritud materjalidest tuleb märkida J. Kalitsa artiklit «Mõningaid märkmeid Tartu Riikliku Ülikooli arengust» teoses «Minevik ja tänapäev».⁴ Samalt autorilt on artikkel «TRÜ Toimetiste» 173. vihikus EKP tegevusest Tartu Ülikooli kujundamisel nõukogude kõrgemaks kooliks (1940—41), mis sisaldab küllaltki huvipakkuvaid andmeid ülikooli üleminekust uuele õppekorraldusele.⁵

Kõrgema hariduse arengut Nõukogude Eestis on käsitlenud E. Schmidt oma raamatus, mis põhineb tema kandidaadidissertatsiooni materjalidel. Autor on kasutanud rikkalikku allikmaterjali.⁶

Eesti NSV Teaduste Akadeemia poolt on 1950. a. välja antud koguteos «Nõukogude teaduse arengust Eesti NSV-s 1940—1950». Kuigi kogumikus on mõndagi huvitavat Nõukogude Eesti teaduse arengust, kannab see isikukultuse perioodi pitserit ja selles sisalduvad seisukohad ning hinnangud ei ole tänapäeval vastuvõetavad.⁷

Eesti NSV Ministrite Nõukogu Teaduslike Uurimistööde Koordineerimise Komitee 1965. a. nõupidamise «Teadusliku kaadri ettevalmistamisest Nõukogude Eestis» materjalidest on huvipakkuvad nimetatud komitee peaspetsialisti R. Pullati, TRÜ eksperimentaalfüüsika kateedri juhataja K.-S. Rebase, TRÜ soome-ugri keelte kateedri juhataja P. Ariste ja TRÜ teadusala prorektori J. Tammeoru sõnavõttud, kuna neis on käsitletud TRÜ teadusliku kaadri ettevalmistamist.⁸

Aspirantuuri-, õppe-teadusliku kaadri, teadusliku uurimistöö jt. probleeme on käsitletud ka perioodikas.

Käesolev artikkel tugineb peamiselt Tartu Riikliku Ülikooli arhiivi andmetele. Arhiiviandmete võrdlemine viib järeldusele, et kõige objektiivsemad andmed meid huvitavates küsimustes sisalduvad TRÜ teadusliku töö aastaaruannetes ja Õpetatud Nõukogu

---

³ И. Калитс. Странительство советской высшей школы в Эстонской ССР и роль вузов в подготовке национальных кадров советской интеллигенции. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1953.

⁴ J. Kalits. Mõningaid märkmeid Tartu Riikliku Ülikooli arengust. Raamatus: Minevik ja tänapäev. Tln., 1960.

⁵ J. Kalits. EKP tegevus Tartu Ülikooli kujundamisel nõukogude kõrgemaks kooliks. Raamatus: Tõid NLKP ajaloo alalt III. TRÜ Toimetised, 173. Tartu, 1965.

⁶ E. Schmidt. Kõrgema hariduse areng Nõukogude Eestis. Tln., 1971.

⁷ Nõukogude teaduse arengust Eesti NSV-s (1940—1950). Tln., 1950.

⁸ R. Pullat. Teadusliku kaadri kasv Eesti NSV-s aastail 1940—1965; K. Rebane. Aspirant kateedri kollektiivis; P. Ariste. Mõni sõna aspirantide juhendamise; J. Tammeorg. Tööst doktorikraadi taotlejatega — Eesti NSV Ministrite Nõukogu Teaduslike Uurimistööde Koordineerimise Komitee. Teadusliku kaadri ettevalmistamine Nõukogude Eestis. Sõnavõttude tekste. Tln., 1965.

protokollides, eriti teaduslike kraadide ja kutsete ümberatesteerimisest. Oppeaastat hõlmavad õppetöö aruanded ei ole käsitletaval perioodil sageli täpsed. Samas tuleb aga märkida, et 1947. aasta kohta teadusliku töö aruanne puudub ja 1948—1950 aastate aruanded on pealiskaudsed. Ka puudub arhiivis 1945. a. kohta ajutise TRÜ Opetatud Nõukogu protokollide raamat, on vaid viited nimetatud aasta otsustele. Ülikooli rektoraat on ametialaseks kasutamiseks koondanud andmeid ja analüüsinud teaduslik-pedagoogilise kaadri ettevalmistamise üht või teist olulisemat aspekti, siiski ei ole pikema perioodi kohta süstemaatilist ja igakülget ülevaadet. Palju käesolevas artiklis kasutatud allikmaterjale on uurijate poolt seni hoopiski kasutamata.

Nõukogude kõrgemaks õppeasutuseks kujunemise algus ulatub Tartu Riiklikul Ülikoolil aastasse 1940, mistõttu on vaja heita pilk sellele perioodile. Pärast 1940. a. juunisündmusi algasid ülikoolis tormilised ümberkorraldused. Kõige keerulisemaks osutusid õppetöö uutele nõukogulikele alustele viimine ning õppejõudude kaadri komplekteerimise ja ideoloogilise kasvatus töö küsimused. Esimesed sammud kaadri komplekteerimisel tehti omal jõul, õppetöö ümberkorraldamiseks aga oli vaja kogemusi, mida tuli hankida NSV Liidu teistelt ülikoolidelt.

Akadeemik H. Kruus meenutab «Loomingu» veergudel, et oluliseks ettevalmistavaks sammuks ülikooli organisatsiooni ja õppetöö ümberseadmisel uutele, nõukogulikele alustele oli valitsuse eridelegatsiooni külaskäik Moskvasse, eesmärgiga lähemalt tutvuda nõukogude kõrgema hariduse põhialustega ja kooskõlastada mõningaid küsimusi Üleliidulises Kõrgemate Koolide Komitees. Paar päeva pärast vabariigi nõukogude konstitutsiooni vastuvõtmist ENSV Ülemnõukogus (25. augustil) asus delegatsioon teele: hariduse rahvakomissari asetäitjad J. Semper ja A. Valsiner, Tartu Ülikooli rektor H. Riikoja ja Tallinna Tehnikaülikooli rektor J. Nuut ning delegatsiooni juhina H. Kruus. Teel peatuti Leningradis, kohtuti linna haridusosakonna juhataja, ülikooli rektori ja Herzeni nim. Pedagoogilise Instituudi direktoriga. Saadi ülevaade õppeasutuste üldisest organisatsioonist ja õppetöö korraldamise põhialustest. Moskvas toimusid õppekäigud Moskva Ülikooli, Vene Föderatsiooni Hariduse Rahvakomissariaati ja Üleliidulisse Kõrgemate Koolide Komiteesse.⁹

Moskvas, Üleliidulises Kõrgemate Koolide Komitees toimus kaks nõupidamist, otsiti teed, kuidas kõige otstarbekamalt ümber korraldada ENSV kõrgemate õppeasutuste struktuur ning õppetöö. Tõstatus ka küsimus, kuidas vanemate üliõpilaste stuudiumi üle viia nõukogude kõrgemas koolis kehtivate kursuste süsteemi, kodanlikus ülikoolis oli see suuremale osale teaduskondadest võõras. Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komitee esimees sm. S. Kafta-

---

⁹ H. Kruus. Alma materi uuestisünnipäevilt. Mälestusi Tartu Riiklikust Ülikoolist a. 1940/41 ja 1944. — «Looming», 1968, nr. 1, lk. 113—114.

nov tõstatas küsimuse: kas poleks otstarbekam, et Eestis toimuks kõrgemate õppeasutuste ümberkorraldamine üksnes kohalike või-muorganite otsustega. Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komitee kompetentsi ulatuses anti õigus otsustada vabariigi kõrgemate õppeasutuste küsimusi ENSV Hariduse Rahvakomissariaadile. See oli igati otstarbekas samm, mis lõi eeldused küllaltki keeruliste küsimuste elulähedaseks ja otstarbekaks lahendamiseks.¹⁰

Üleminek NSVL Kõrgema Hariduse Ministeeriumi alluvusse toimus alles 7. juunil 1946 NSVL Ülemnõukogu Presiidiumi 10. aprilli 1946. a. otsuse alusel.¹¹

Tartu Ülikooli rektoriks oli 19. juulil 1940 määratud H. Riik-oja, alates 10. septembrist nimetati rektoriks H. Kruus. Ligi kolm kuud kestnud ettevalmistused võimaldasid 30. septembril 1940 alustada õppetööd uutele, nõukogulikele alustele viidud ülikoolis.¹²

Teadusliku uurimistöö edukamaks teostamiseks asutati Tartu Riikliku Ülikooli juures ENSV Rahvakomissaride Nõukogu määru-sega 6. maist 1941 Teadusliku Uurimise Instituut¹³, mis pidas oma esimese koosoleku 4. juunil 1941.¹⁴ Instituudi koosseisus oli ette nähtud 102 teaduslikku töötajat ja selle seitsme kuu eelarve ületas 700 000 rbl.¹⁵

Ka uue õppe-teadusliku kaadri ettevalmistamisele asuti juba 1941. a. kevadel, mil võeti vastu esimesed 23 aspiranti, neist mark-sismi-leninismi alustes 6, õigusteaduskonnas 2, arstiteaduskonnas 3, ajaloo-keeleteaduskonnas 7, matemaatika-loodusteaduskonnas 1 ja põllumajanduses 4.¹⁶

Ulatuslikud ümberkorraldused katkestas fašistliku Saksamaa kallaletung Nõukogude Liidule ja Nõukogude Eesti okupeerimine. Kohe okupatsiooni algul vallandati suur hulk TRÜ professoreid, õppejõude ning paljud heideti koonduslaagritesse. Ülikooli pea-hoone muudeti fašistide komandantuuriks. Fašistliku okupatsiooni ja sõja kahjustused ülikoolile olid suuremad kui kõik varasemad. Tartu Ülikooli materiaalne kahju ületas 42 miljonit rbl. Täielikult oli hävinud 19 ülikooli hoonet, allesjäänutest oli enamik suuremal või vähemal määral purustatud. Ülikooli inventari ja õppevahen-deid oli hävitatud 30 miljonit rbl. eest. Osa varasid oli veetud Saksamaale, ülejäänud asus mööda Eestit laiali 27 eri punktis.¹⁷

Mitte vähemad ei olnud kaotused Tartu Ülikooli õppejõudude hulgas. Üheksa õppejõudu oli fašistide poolt mõrvatud — profes-sorid Artur-Tõeleid Kliimann, Peeter Ruubel ja Lazar Gulkovitš,

¹⁰ H. Kruus. Op. cit. lk. 114.

¹¹ Tartu Riikliku Ülikooli Arhiiv (Edaspidi TRÜ A), nim. 1, s.-ü. 40, l. 8.

¹² H. Kruus. Op. cit., lk. 114.

¹³ «Eesti NSV Teataja», 1941, nr. 49, art. 744.

¹⁴ J. Kalits. EKP tegevus, lk. 92.

¹⁵ TRÜ rektori professor A. Koorti kõne ülikooli avaaktusel 17. novembril 1944. — «Uus Postimees», 1944, 25. november.

¹⁶ J. Kalits. EKP tegevus, lk. 87.

¹⁷ «Uus Postimees», 1944, 25. november.

dotsent Voldemar Päll, lektor Leopold Silberstein, assistendid August Kajandi, Elmar Kruus, Väino Lang ja õpetaja Aleksander Looring. Neid mälestati ülikooli taasavamise aktusel 17. novembril 1944 leinaseisakuga.¹⁸

Õppe-teadusliku ja abiõppepersonaliga kaotustest Tartu Ülikoolis okupatsiooniaastail annab ülevaate tabel 1.

Tabel 1

Tartu Riikliku Ülikooli õppe-teadusliku ja abiõppepersonaliga kaotused Saksa fašistliku okupatsiooni aastail 1941—1944.¹⁹

	Surnud	Neist fašistide poolt mõrvatud	Maalt lahk.	Teadmata kadunud	Kokku
Professoreid	5	3	8	28	41
Dotsente	3	1	1	14	18
Vanemõpetajaid	1	1	—	10	11
Assistente	5	3	7	67	79
Õpetajaid	1	1	4	7	12
Laborante-prepar.	2	—	1	57	60
Kokku	17	9	21	183	221

Õppejõudude koosseisu komplekteerimine 1944—1946. Uute spetsialistide ettevalmistamise võtmeprobleemiks sõjajärgsetel aastatel oli vana teaduslik-pedagoogilise kaadri kasutamine ja ümberkasvatamine sel eesmärgil. 1940/41. õppeaastal oli juba omandatud selleks mõningaid kogemusi. Nõukogude Liidu tagalasse evakueerunud õppejõududel oli võimalik tegelda edasi õppe- ja uurimistöö, Nõukogude armee teenivad õppejõud ja üliõpilased omandasid kindlad poliitilised veendumused. Need olid positiivsed tegurid, mis aitasid kaasa õppejõudude kaadri paremale komplekteerimisele. Suur osa endistest õppejõududest aga oli elanud okupatsiooni tingimustes ja kolme aasta jooksul hitlerliku propaganda mõjusfääris. Esimestel sõjajärgsetel aastatel oli säilinud ka vaenulikke elemente, kes igati püüdsid levitada kodanlikku ideoloogiat ja lootsid vana korra restaureerimisele.

Eesti NSV intelligentsi I vabariiklikul kongressil 28. jaanuaril 1945 formuleeriti EK(b)P Keskkomitee sekretäri N. Karotamme kõnes põhilised seisukohad suhtumisest vanasse teadlaskaadrisse. Põhiliseks kriteeriumiks, mille järgi nõukogude võim otsustas kodanliku korra ajal üleskasvanud haritlaste üle, oli see, kuidas nad töötasid uue ühiskonna ülesehitamisel. Siiras ja innukas töötahe, püüe anda parim oma rahva ja kodumaa heaks — seda nõudis nõukogude võim igalt kodanikult, sealhulgas ka haritlastelt.

¹⁸ L. Tigane. Tartu Riikliku Ülikooli avaaktus. — «Uus Postimees», 1944, 18. november.

¹⁹ TRU A, nim. 18, s.-ü. 2, 1, 3, 6.

Mida edasi, seda enam kerkis esile suur ja tõsine ülesanne — vanade ja noorte eriteadlaste kaadri viljaka koostöö organiseerimine. Vanal kaadril on palju teadmisi ja töövilumusi, mis noortel puuduvad. Õige koostöö vana ja noore kaadri vahel on üks tähtsamaid ülesandeid.²⁰ Milline oli Tartu Riikliku Ülikooli õppejõudude kaader võrreldes 1941. aastaga, sellest annab ülevaate tabel 2.

Tartu Riikliku Ülikooli koosseisude võrdlus²¹

Tabel 2.

	1941. a. juuni	1944. a. oktoober	november
Professoreid	70	30	38
Dotsente	35	15	37
Vanemõpetajaid	23	8	17
Opetajaid	13	2	3
Assistente	129	38	53
	270	93	148
Vanemlaborante	49	11	11
Laborante	29	9	9
Vanempreparaat.	15	8	13
Preparaatoreid	10	7	7
	103	35	40
	373	128	188

Nagu tabelist nähtub, oli 1944. a. oktoobris, võrreldes 1941. a. juuniga, täidetud vaid kolmandik õppejõudude, samuti abiõppepersonaliga kohtadest. Kuigi TRÜ kaadriosakond aktiivselt selgitas endiste õppejõudude saatust, oli ülikooli taasavamisel 1944. a. novembris õppejõududest pool ja abiõppepersonalist veel enam puudu.

Kõige murettekitavam oli professorite ja dotsentide arvu vähenemine enam kui poole võrra. Kuidas siis kavatseti vakantseid õppejõudude kohti täita? Juba 1940. aastal oli kasutatud uute õppejõududena võimekamaid keskkooliõpetajaid. Nii asusid tööle 1940. aastal ajaloo ja klassikalise filoloogia eriteadlane R. Kleis, ajaloolane J. Konks, keeleteadlane A. Kask jne. Edutati ka nooremaid õppejõude, kes seni olid töötanud abiõppejõududena.²²

Tabel 3 annab ülevaate õppekohtade täitmise plaanidest 1944. a.

Vakantseks jäänud kohtade arv oli küllaltki suur. Teravat kaadripuudust arvestades andis Nõukogude valitsus EK(b)P Keskkomiteele ja Eesti NSV Rahvakomissaride Nõukogule õiguse kut-

²⁰ ENSV intelligentsi osa majanduslikus ja kultuurilises ülesehitustöös. N. Karotamme kõne. — «Rahva Hääl», 1945, 29. jaanuar.

²¹ TRÜ A, nim. 18, s.-ü. 2, l. 2 ja 8. Koosseisude võrdlus 1941. ja 1944. a.

²² H. Kruus. Op. cit., lk. 116.

Tabel 3

Tartu Riikliku Ülikooli õppekohtade täitmise projekt 1944. a. novembris²³

Teaduskond	Endisi õppejõude							Edutada uusi							Jääb vakantseks						
	Kateedri juhataja	Professorid	Dotsendid	Vanemõpetajad	Õpetajad	Assistentid	Laborante prepar.	Kateedri juhataja	Prof.	Dots.	Vanemõpet.	Õpetajad	Assist.	Labor. prep.	Kateedri juhataja	Prof.	Dots.	Vanemõpet.	Õpetajad	Assist.	Labor. prep.
	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7
Oigusteadusk.	2	1	2	—	1	—	1	3	1	2	1	2	—	—	—	1	1	—	—	5	4
Arstiteadusk.	9	9	—	2	—	14	8	13	7	8	4	—	20	—	4	4	—	—	—	27	29
Ajaloo-keelet.	4	5	5	—	—	1	1	9	3	13	11	2	3	2	1	5	1	1	4	2	1
Matemaat.-lood.	5	9	—	1	—	6	16	5	2	5	4	—	16	22	2	6	—	2	—	3	5
Loomaarstid.	6	7	1	—	—	1	3	2	1	3	—	—	8	1	—	1	—	2	—	5	1
Põllumaj.-tead.	—	—	2	—	—	6	1	12	4	11	—	—	15	9	—	—	2	2	—	—	—
	26	31	10	3	1	28	30	44	18	42	20	4	62	34	7	17	4	7	4	42	40
	129							224							121						

²³ TRÜ A, nim. 18, s.-ü. 2, l. 1.

suda teistest liiduvabariikidest isikuid, kes olid varem Eesti NSV-s töötanud või nõustunud siia tööle asuma. Need seltsimehed osutasid suurt abi vana teaduslik-pedagoogilise kaadri kasvatamisel, nõukogulike töömeetodite ja -vormide kasutuselevõtmisel kõrgemates koolides.²⁴

Teistest liiduvabariikidest ja evakuatsioonist 1944. ja 1945. aastal saabunud 59 õppejõu hulgas oli kogemustega pedagooge, nagu J. Feldbach, E. Ertis, H. Haberman, G. Kangro, F. Kudu, A. Marland, H. Moosberg, E. Mõtlik, E. Naarits, A. Pint, A. Päril, L. Roots, K. Taev, A. Uustal, H. Johani.²⁵

Tõhusat abi TRÜ õppejõudude kaadri komplekteerimisel osutasid EK(b)P Keskkomitee ja ENSV valitsus. 9. veebruaril 1945 võeti vastu Eesti NSV Rahvakomissaride Nõukogu ja Eestimaa Kommunistliku (bolševike) Partei Keskkomitee määrus nr. 104 Eesti NSV kõrgemate koolide töö parandamise kohta. Selle määruse II osa «Õppejõudude kaadrid» 2. punkti all on professorite, dotsentide ja õpetajate vakantsete kohtade kiiremaks täitmiseks antud EK(b)P Keskkomitee kaadriosakonnale ülesandeks ühe kuu jooksus kontrollida rahvakomissariaatides ja teistes asutustes töötavate spetsialistide kasutamist, kes varem on töötanud kõrgemates koolides või kellel on eeldusi selleks tööks. Koos Hariduse Rahvakomissariaadiga tuli esitada ENSV Rahvakomissaride Nõukogule ja EK(b)P Keskkomiteele ettepanekud nende rakendamiseks kõrgemates koolides.²⁶

Nende hulgas, kes töötasid mujal ja keda ülikool taotles õppejõududeks, olid alampolkovnik dotsent A. Raud poliitilise ökonoomia kateedrisse, samasse kateedrisse dotsent R. Antons EK(b)P Keskkomitee kooliosakonnast, professor A. Luha geoloogia kateedri juhatajaks, geoloogiamagister E. Möls geoloogia kateedri dotsendiks, professor P. Vihalem töö rahvakomissari ametikohalt õigusteaduskonna dekaaniks ja kateedrijuhatajaks professoriks.²⁷

TRÜ õppeosakonna õppetöö aruandes seisuga 31. detsember 1944 märgitakse, et kõiki kateedreid ei ole veel suudetud täita õppejõududega, tervenisti 12 kateedrit olid veel täiesti komplekteerimata. Nende seas olid poliitilise ökonoomia, orgaanilise keemia ja anorgaanilise keemia, geofüüsika, geograafia, anatoomia, oftalmoloogia, soome-ugri keelte, piimanduse ja mikrobioloogia, rakendusedentomoloogia kateedrid. Puudulikult oli täidetud rida kateedreid, näit. marksismi-leninismi aluste kateeder, kus kaks lektorit lugesid partei ajalugu 29-le rühmale, kusjuures aine käsitle-

---

²⁴ E. Schmidt. Op. cit., lk. 33.

²⁵ TRÜ A, nim. 18, s.-ü. 3, l. 54.

²⁶ Eesti NSV Rahvakomissaride Nõukogu ja Eestimaa Kommunistliku (bolševike) Partei Keskkomitee määrus nr. 104 9. veebruarist 1945. — «Rahva Hääle», 1945, 11. veebruar.

²⁷ TRÜ A, nim. 18, s.-ü. 3, l. 2.

miseks oli ette nähtud ca 5000 tundi koos loengute ja seminaridega. Partei ajaloo kahe lektori nime aruandes küll märgitud pole, kuid isikuliste koosseisude nimekirjade alusel võib nendeks lugeda dots. V. Reimanit ja ajaloolast L. Rootsi.²⁸

TRÜ õppeosakonna poolt on koostatud aruanne ENSV Rahvakomissaride Nõukogu ja EK(b)P Keskkomitee määruse nr. 104 täitmisest Tartu Riiklikus Ülikoolis ja tööst 1944/45. õppeaastal. Õppejõudude kaadri komplekteerimise kohta märgitakse järgmist. Õppeaasta vältel on õppejõudude koosseis kasvanud 85 töötaja võrra, eeskätt abiõppejõudude osas. Professorite arv on langenud 46-lt 45-le, dotsentide arv püsib 59, õpetajate arv on kasvanud 9 võrra (45-le), assistentide arv on kasvanud 15 võrra ja on nüüd 115, laborantide arv kasvas 31 võrra ja on 106, preparaatorite arv tõusis 26-lt 57-le. Kõrgemate Koolide Komitee poolt kinnitatud koosseisude järgi olid vakantsed 38 professori, 7 dotsendi, 3 vanemõpetaja, 22 assistendi ja 34 teenistuja kohad. Suurimad raskused olid professorite kohtade täitmisega, kuhu tuli edutada dotsente, kuna ei olnud ette näha 38 kvalifitseeritud professori leidmist lähema aja vältel.²⁹

7. juunil 1946 Tartu Riikliku Ülikooli NSV Liidu kõrgema hariduse alluvusse üleandmise aktis märgiti, et TRÜ-s töötab 326 töötajat õppepersonali hulgas, neist 9 kohakaasluse alusel. Professoreid oli 46 ja dotsente 90. Seoses üliõpilaste kontingendi suurenemisega ca 50% võrra vajati täiendavalt 17 professorit, 36 dotsenti, 68 õpetajat ja assistenti. Kõrvuti professorite ja teiste õppejõududega töötas ülikoolis administratiivsel ja uurimistööl veel 43 kõrgema haridusega spetsialisti.³⁰

Aastail 1946—1950 jäi õppejõudude koosseis enam-vähem samaks, suurenedes või vähenedes mitte eriti arvukalt. Selle põhjused peituvad mitmetes asjaoludes. Teistest asutustest ületulnud, NSVL tagalast reevakueerunud ja teistest liiduvabariikidest saabunud ning Nõukogude armeest demobiliseerunud endised õppejõud või selleks sobivad töötajad asusid tööle põhiliselt 1944/45. ja 1945/46. õppeaasta jooksul. 1946. a. lahkus osa õppejõude seoses Eesti NSV Teaduste Akadeemia ja tema instituutide loomisega, mis samuti mõjus kvalifitseeritud kaadri komplekteeritusele.

Tabelis 4 on toodud TRÜ õppejõudude koosseisu ülevaade mitmete allikate põhjal. Kuigi 1946. a. septembriks oli kaader komplekteeritud põhiliselt tasemel, milliseks see jäi 1950. aastani, vähenes ometi kvalifitseeritud õppejõudude osa.

Kvalifitseeritud õppejõudude arvu vähenemine sõjajärgsel taastamisperioodil oli tingitud mitmesugustest põhjustest. TRÜ kantselei poolt koostatud kõrgema haridusega spetsialistide liikumise aruannetes on märgitud lahkumiste puhul järgmised põh-

²⁸ TRÜ A, nim. 1, s.-ü. 3, l. 2.

²⁹ Sealsamas, l. 19.

³⁰ Sealsamas, s.-ü. 40, l. 12—13.

Tabel 4.

Tartu Riikliku Ülikooli õppejõudude koosseis aastail 1945—1950³¹

	1945. 31.V	1946. 30.IX	1947. 1.IX	1948. 1.IX	1949. 1.IX	1950. 1.IX
Professoreid	44	46	46	45	42	38
Dotsente	63	101	76	69	62	53
Van.-õpet. Õpetajaid	46	72	136	147	180	194
Assistente	115	135	130	133	103	94
	268	354	388	394	387	379

jused: surnud, tervislikel põhjustel, seoses üleminekuga praktilisele tööle, omal soovil, seoses koosseisude koondamisega jne. 1949. a. lisanduvad eespool nimetatud põhjustele veel õppejõudude atesteerimiskomisjoni otsused, kus on märgitud, et õppejõud ei vasta antud ametikohale. Õppejõudude liikumine oli küllaltki suur, näiteks 1949. a. III kvartali jooksul lahkus 27 ja saabus 20 õppejõudu.³² Teatud osa etendas ka õppejõudude vallandamine isikukultuse perioodil tehtud vigade tõttu, kusjuures TRÜ kantselei andmetes on märgitud vallandamise põhjuseks vastava kirja number ja kuupäev.

Teaduslike kraadide ja teaduslike kutsete ümberatesteerimine. Kõrgema kooli õppe-teadusliku töö tase sõltub õppejõudude kvalifikatsioonist. Pedagoogilise meisterlikkuse aluse määrab teaduslik töö, mida ametlikult fikseeritakse teadusliku kraadi või teadusliku kutsena. Kuna 1940/41. õppeaastal ei olnud Tartu Ülikool veel nende õppeasutuste nimekirjas, kes võisid omistada teaduslikke kraade dissertatsioonide kaitsmise kaudu, siis puudusid ülikoolis nõukogude teaduslike kraadide ja kutsetega õppejõud ka ülikooli taasavamisel 1944. a. sügisel. Küsimus kerkis päevakorda esimese sõjajärgse õppeaasta teisel semestril, seega 1945. a. kevadel. Teaduslike kraadide ümberatesteerimine oli ulatuslik töö, mis ei kajastunud ei teadusliku töö plaanis ega vähendanud mingil määral ei atesteerijate ega ka atesteeritavate põhitöö koormust. Teaduslike kraadide ja kutsete ümberatesteerimise aluseks oli vastav juhend, mis oli rektori käskkirjaga teatavaks tehtud kõikidele dekanaatidele. Et antud küsimus on üldiselt vähem tuntud, siis veidi lähemalt juhendist. Enne nõukogude võimu taaskeskestamist ja okupatsiooniaastail omandatud magistri- ja doktorikraadi ümberatesteerimine viidi läbi komisjonide poolt, mis moodustati vastava teaduskonna dekanadi juures. Doktorikraadi ümberatesteerimisel kuulus komisjoni 3 vastava ala õppejõudu ja õppeprorektor, magistrikraadi puhul 2 vastava ala õppejõudu ja õppeprorektor. Komisjoni liikmed määrati rektori poolt vasta-

³¹ TRÜ A, nim. 18, s.-ü. 33, l. 1; s.-ü. 16, l. 1; s.-ü. 98, l. 7; nim. 1, s.-ü. 72, l. 12.

³² Sealsamas, s.-ü. 22, l. 11—12.

valt dekaanide ettepanekutele. Ümberatesteerimise taotleja esitas doktori- või magistritöö, lühikese elulookirjelduse, teaduslike tööde nimestiku, üksikasjalised andmed kraadi omandamise käigust (tööde esitamise-kaitsmise daatumid, oponendid või retsensendid, kaitsmise puhul toimunud eksamid jms.). Ümberatesteerimise komisjoni liikmetel tuli esitada tööde kohta kirjalik retsensioon ja oma arvamus kraadi tunnistamise kohta. Komisjonide arvamus vormistati esitatud arvamuste põhjal otsusena, arvestades ka vajalike tingimuste täitmist (eksam marksismi-leninismi alustest). Komisjon oli kohustatud töö läbi vaatama ühe kuu jooksul pärast esitamist. Kui ümberatesteerimise nõukogu leidis töö vastavat kandidaadi- või doktorikraadi nõuetele, esitati materjalid kinnitamiseks TRÜ ajutisele, hiljem Õpetatud Nõukogule.³³

Esimesed nimekirjad ümberatesteerimise kohta esitati Üleliidulisele Kõrgemate Koolide Komiteele 23. mail 16 õppejõu ja 6. oktoobril 1945 42 õppejõu kohta. Atesteeriti ümber nii teaduslikud kraadid kui ka kutsed. Materjalid esitati ENSV Hariduse Rahvakomissariaadi kaudu. Teaduslik kutse omistati esitatud materjalide põhjal vaid 24 õppejõule, teaduslik kraad kinnitati ainult 4 doktori ja 4 kandidaadi osas. Seetõttu pöördus TRÜ rektor professor A. Koort 6. märtsil 1946 järelepärimisega Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komitee poole. Samas märgiti, et ülikoolil ei ole võimalik esitada materjale, mis esitatakse kohapealsetele atesteerimiskomisjonidele, kuna sõjatulest on säilinud dissertatsioonide ainsad eksemplarid ja teaduslikud artiklid, mis asuvad TRÜ valduses. Kõikide materjalide tõlkimine nõuaks aga liiga suurt ajakulu, mis häiriks kogu õppe- ja teadusliku töö normaalset kulgu. TRÜ rektori argumenteeritud kirjale järgnes 21. märtsil 1946 Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komitee otsus lugeda TRÜ Õpetatud Nõukogu otsus lõplikuks enne 22. juunit 1940 kaitstud magistrikraadide ümberatesteerimisel.³⁴

TRÜ rektoraadi aruandes ENSV RKN ja EK(b)P KK määruse nr. 104 täitmisest Tartu Riiklikus Ülikoolis 1944/45. õppeaastal märgitakse õppejõudude kaadrit käsitlevas osas teaduslike kraadide ümberatesteerimise kohta, et on teostatud okupatsiooni ajal omandatud teaduslike kraadide läbivaatamine ümberatesteerimise komisjonide kaudu. Oluliseks puuduseks peetakse seda, et küllaldase kiirusega pole suudetud ette valmistada ja esitada materjale õppejõudude teaduslike kraadide ja kutsete ümberatesteerimiseks.³⁵

Õppejõudude teaduslike kraadide ümberatesteerimise kohta on olemas põhiliselt kolmed materjalid. TRÜ Õpetatud Nõukogus kinnitati kõik ümberatesteeritavad kraadid, seega kõige täpsemad andmed pärinevad sealt. TRÜ kantselei kaudu esitati nimekirjad

³³ TRÜ A, nim. 1, s.-ü. 16, l. 3.

³⁴ Sealsamas, s.-ü. 37, l. 5, 6.

³⁵ Sealsamas, s.-ü. 3, l. 22.

diplomite saamiseks Üleliidulisele Kõrgemate Koolide Komiteele (mitmete õppejõudude puhul nõuti teaduslike tööde saatmist ja esitati materjalid teistkordselt. Kolmanda allikana on TRÜ õppe- ja teadusliku töö aruannetes märgitud osalisi andmeid atesteerimiste kohta. Eelöeldut arvestades on autor aluseks võtnud alates 1946. a. TRÜ Õpetatud Nõukogu protokollid (1946—50), 1945. a. kohta aga kantselei kaudu esitatud materjalid. 1945. aastal esitatud ümberatesteerimise materjalide järgi said doktorikraadi 38, kandidaadikraadi 19, professorikutse 39 ja dotsendikutse 18 õppejõudu, kusjuures kahel juhul ENSV Hariduse Rahvakomisariaat vastas eitavalt.³⁶ 1946. aastal kinnitati TRÜ Õpetatud Nõukogus 77 teaduste kandidaadi ja 2 teaduse doktori kraadi ümberatesteerimine. Professorikutse taotleti 9 õppejõule ja dotsendikutse 17 õppejõule.³⁷

1947. aastal atesteeriti ümber 32 kandidaadi- ja 5 doktori- kraadi ning taotleti 45 õppejõule dotsendikutse.³⁸

1948. aastal atesteeriti ümber 2 kandidaadi- ja 2 doktori- kraadi.³⁹

1949. a. atesteeriti ümber 1 teaduste kandidaadikraad ja taotleti 13 dotsendi- ja 2 professorikutset.⁴⁰

1950. aastal teaduslike kraadide ümberatesteerimist enam ei toimunud, arutati vaid professorikutse taotlemist G. Kangrole ja A. Marlandile, seega 2 professorikutset.⁴¹

Kui kokku võtta kogu teaduslike kraadide ja kutsete ümberatesteerimise töö, siis aastatel 1945—1950 kinnitati TRÜ Õpetatud Nõukogus 131 kandidaadi- ja 42 doktorikraadi ümberatesteerimine ning taotleti 93 dotsendi- ja 52 professorikutset. See oli küllaltki suur arv nõukogude kõrgemas koolis kasutatavate teaduslike kraadide ja kutsetega õppejõude. Üksikutel juhtudel ei kinnitatud Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komitee kõrgema atestatsioonikomisjoni poolt koheselt TRÜ Õpetatud Nõukogu poolt kinnitatud kraade, nagu näiteks L. Laasimeri, A. Kase ja P. Rõigase magistrikraadi ümberatesteerimist ning anti luba uuesti kaitsmiseks. Põhjusena oli toodud kaitsmine okupatsiooniperioodil.⁴² Need olid siiski üksikjuhtumid. Enamasti arvestati TRÜ Õpetatud Nõukogule antud lõpliku otsuse tegemise õigust, seda eriti kandidaadikraadide puhul.

Õppejõudude teaduslike kraadide ja kutsete ümberatesteerimist tuleb lugeda suure tähtsusega tööks sõjajärgsetel aastatel Tartu Riikliku Ülikooli teadusliku potentsiaali loomisel. Edaspidi

³⁶ TRÜ A, nim. 18, s.-ü. 3, l. 4 ja s.-ü. 37, l. 15—39.

³⁷ Sealsamas, nim. 1, s.-ü. 31, l. 36—327.

³⁸ Sealsamas, s.-ü. 51, l. 2—440.

³⁹ Sealsamas, s.-ü. 69, l. 2—221.

⁴⁰ Sealsamas, s.-ü. 97, l. 133.

⁴¹ Sealsamas, s.-ü. 125, l. 24—114.

⁴² Sealsamas, s.-ü. 134, l. 8.

anti teaduslike kraadide kaitsmise õigus TRÜ-le, lähtudes olemasolevatest teadusliku kraadiga õppejõududest vastaval erialal. Sama kord kehtis ka aspirantuurikohtade andmisel. Tartu Riikliku Ülikooli tänapäeva teaduslik tase on ilmikas näide sellest, et sõjajärgsetel aastatel rajatud teadusliku töö alused on vilja kandnud.

Uue teadusliku kaadri ettevalmistamine 1946—1950. Teadusliku ja kõrgema kooli pedagoogilise kaadri ettevalmistamise põhi-vormiks NSV Liidus on aspirantuur. Tartu Ülikoolis avati aspi-rantuur juba 1941. a. kevadel (vt. lk. 54). Uuesti tõusis aspi-rantuuri küsimus päevakorda 1944/45. õppeaastal. ENSV RKN ja EK(b)P KK määruses nr. 104 1945. a. 9. veebruarist «Eesti NSV kõrgemate koolide töö parandamise kohta» on õppejõudude kaadri kasvatamisele ja ettevalmistamisele omistatud määrav tähtsus kõr-gemate koolide nõukogulikul ümberkorraldamisel. Määruse II osa «Õppejõudude kaadrid» esimeses punktis kohustatakse osutama erilist tähelepanu teadlaste ideelisele ja poliitilisele kasvatami-sele, nende teadusliku kvalifikatsiooni pidevale tõstmisele, samuti noorte teadlaste kaadri süstemaatilisele ja sihiteadlikule kasva-tamisele kõige andekamate eriteadlaste ja üliõpilaste seast. Sel-leks oli vaja: 1) määrata Kõrgemate Koolide Komitee kaudu igas kõrgemas koolis kindlaks ainete nimestik, milles neile antakse õigus anda doktori ja kandidaadi teaduslikke astmeid; 2) kiiren-dada õppejõudude teaduslike astmete ja kutsete vormistamist mää-ratud korras, kindlaks määrata isikute nimestik, kes peavad kaitsma doktori- ja kandidaadiväitekirju, nende kirjutamise täht-ajad, korraldada väitekirjade ettevalmistamise süsteemi juhtimine ning kontroll; 3) lahendada Kõrgemate Koolide Komitee kaudu aspirantuuri avamine ENSV kõrgemates koolides ja korraldada vastuvõtt aspirantuuri 1945/46. õppeaasta alguseks.⁴³

12. augustist 1945 loodi NSV Liidu Rahvakomissaride Nõukogu määruse nr. 2055 alusel Tartu Riikliku Ülikooli juures taas aspi-rantuur.⁴⁴

2. oktoobril 1945 esitati ENSV Hariduse Rahvakomissariaadi kaudu Üleliidulisele Kõrgemate Koolide Komiteele erialade nime-kiri, milles Tartu Riiklik Ülikool taotles õigust anda doktori- ja kandidaadikraade. Taotluses oli esitatud õigusteaduskonnast 11 doktorikraadi ja 16 kandidaadikraadi eriala; arstiteadus-konnast 22 doktori- ja kandidaadikraadi eriala ja 5 eriala far-maatsiast; ajaloo-keeleteaduskonnast 5 doktori- ja 18 kandidaadi-kraadi eriala; matemaatika-loodusteaduskonnast 12 doktori- ja 19 kandidaadikraadi eriala; loomaarstiteaduskonnast 21 doktori- ja kandidaadikraadi eriala; põllumajandusteaduskonnast 22 doktori- ja kandidaadikraadi eriala. Antud distsipliinide loetelu oli koos-

⁴³ ENSV RKN ja (EK(b)P KK määrus nr. 104 9. veebruarist 1945. — «Rahva Hääli», 1945, 11. veebruar.

⁴⁴ TRÜ A, nim. 1, s.-ü. 3, l. 28.

tatud lähtudes TRÜ-s nõutava teadusliku kraadiga õppejõudude olemasolust.⁴⁵

Tartu Riikliku Ülikooli taotlust esitatud kujul ei rahuldatud ja Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komitee käskkirja nr. 337/18 30. detsembrist 1945 alusel anti õigus omistada esialgu ainult kandidaadikraadi 13 erialal arstiteaduses, 3 erialal farmaatsias, 3 erialal õigusteadustes, ajalooteadustes ainult Eesti ajaloo, füüsika-matemaatikateadustes 5 erialal, bioloogias 2 erialal, geoloogias 1 erialal, veterinaarias 4 erialal ja 2 erialal põllumajandusteadustes.⁴⁶

Tartu Riiklik Ülikool oli Eesti NSV-s ainus kõrgem õppeasutus, mille profiil oli mitmekülgne, kusjuures põhitähelepanu oli pööratud erialadele, mis olid seotud ENSV majanduse ja kultuuri edasiarendamisega. Näiteks põllumajanduse ja veterinaariateaduste edasiarendamine oli tihedas sidemes ENSV-s kõrgeltarenenud loomakasvatuse ja kõrgete saakide kasvatamise aluste loomisega. Humanitaarteaduste valdkonnas aga omas erilise koha eesti rahva, tema keele, soome-ugri keelte, eesti kirjanduse, rahvaluule, arheoloogia, etnograafia uurimine. Kahjuks ei olnud neid momente Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komitee käskkirjas arvestatud. TRÜ rektor professor A. Koort pöördus uue taotlusega Kõrgemate Koolide Komitee poole, näidates ära, et selline olukord viib kvalifitseeritud spetsialistide arvu vähenemisele ENSV arengule oluliselt tähtsatel aladel.⁴⁷ TRÜ käsutuses olid olemas küllaltki korralikud õppebaasid neil erialadel ja ka ENSV Teaduste Akadeemia loomine oli oluliseks eelduseks taotletud erialadel kandidaadi- ja doktorikraadide ettevalmistamisel. Ka ei olnud võimalik näiteks eesti keele ja kirjanduse ning mõnedel muudel erialadel omistada kandidaadi- või doktorikraadi NSV Liidu teistel kõrgematel õppeasutustel vastava ettevalmistusega eriteadlaste puudumise tõttu. TRÜ õppejõudude vähene vene keele oskus takistas dissertatsioonide kaitsmist teiste liiduvabariikide kõrgemate koolide juures.

Aspirantide ettevalmistamine oli samuti seotud erialadega, milles Tartu Riiklikule Ülikoolile anti õigus vastu võtta kandidaadidissertatsioone. 1945. aastal eraldati TRÜ-le 30 aspirandi kohta, millest 1946. aasta 12. aprillil täideti 13, hiljem lisandus neile veel 5, seega täideti ettenähtud kohtadest aspirantuuris 60%. Vastuvõetud aspirantide seas olid sellised tulevased nimekad teadlased nagu P. Bogovski, P. Kard, J. Gabovitš, A. Vinkel, K. Jaama jt. Keskmise aspirandi vanus oli 32 aastat, kuid oli ka mitu 26–28-aastast aspiranti. 1946. aastal vastuvõetud aspirantidest kustutati rektori käskkirjaga nimekirjast ainult üks aspirant (R. Kamenovsky 15. sept. 1948), mitmed kaitsesid kandidaadi-

⁴⁵ TRÜ A, nim. 1, s.-ü. 16, l. 11.

⁴⁶ Sealsamas, s.-ü. 8, l. 28–29.

⁴⁷ Sealsamas, s.-ü. 37, l. 6.

dissertatsiooni ettenähtud ajal (P. Kard, P. Bogovski), aspirant P. Arandi kaitses isegi ettenähtud ajast varem. Enamus aspirantidest kaitses oma dissertatsioonid hiljem. Paljud aspirandid rakendati teisel või kolmandal aspirantuuri aastal tööle vastava kateedri juurde.⁴⁸

1947. aastal kinnitati aspirantuuri A. Uustal ja E. Tallmeister, mõlemad kaitsesid kandidaadidissertatsioonid ettenähtud ajal, neist A. Uustal Moskva Riikliku Ülikooli juures.

1948. aastal võeti vastu 6 aspiranti, neist kaks arvati aspirantuurist juba 1949. aastal välja, ülejäänud neli lõpetasid edukalt aspirantuuri ja kaitsesid kandidaadidissertatsiooni järgneva 2—3 aasta jooksul.

1949. aastal kinnitati aspirantuuri 10 inimest, neist kolm olid kommunistid. Mitteedasijõudmise pärast kustutati aspirantuurist viimasel aastal üks aspirant (L. Taar), kaks viidi üle seoses Eesti Põllumajanduse Akadeemia moodustamisega EPA koosseisu. Üks aspirantidest kustutati nimekirjast veel seoses juhendaja hilise leidmise ja individuaalplaani puudumise tõttu (K. Riikoja).

1950. aastal võeti vastu 9 aspiranti, neist 3 partei ja 2 komso-moli liiget. Kolm aspirantidest langes aspirantuurist välja enne lõpetamist tervislikel põhjustel, seoses sõjaväeteenistusega ja õppeplaani mittetäitmise tõttu, üks viidi üle EPA juurde ja viis aspiranti lõpetasid edukalt dissertatsiooni kaitsmisega. Viimaste hulgas olid E. Vääri, E. Laasik ja R. Auling.⁴⁹

Aspirantide teemad lülitati teadusliku uurimistöö plaani alates 1946. aastast. Sel aastal võtab 18-st aspirandist teaduslikust uurimistööst osa 11, 1947. aastal kõik 20 aspiranti. 1948. a. võttis uurimistööst osa 21, 1949. aastal 12 ja 1950. aastal 9 aspiranti.⁵⁰

Aspirantuuri kohti ei suudetud täita kogu perioodi (1946—50) jooksul ettenähtud ulatuses. 1948. a. koostatud TRÜ õppetöö ülevaates märgiti, et seni on kitsaskohaks aspirantuur, kuna pidevalt on jäänud täitmata Kõrgema Hariduse Ministeeriumi poolt ettenähtud kontingent. Põhjuseks toodi asjaolu, et ministeerium ei arvestanud ülikooli ettepanekuid ja andis ülikoolile aspirantide kohti erialadel, milles ülikoolil polnud lootust leida sobivaid inimesi. Teise põhjuseks toodi okupatsiooniaja pärandina sobivate lõpetajate puudumine, kuna esimene nõukogude perioodi lend lõpetas ülikooli alles 1948. aastal. TRÜ Õpetatud Nõukogus arutati vähemalt kaks korda aastas aspirantide töö küsimusi. 1948. aasta algul teostatud põhjalik kontroll aspirantide töö osas viis Õpetatud Nõukogu küllaltki tõsiste järeldusteni. Teostatud revideerimiste põhjal konstateeriti, et töö aspirantidega on korraldatud nõrgalt. Aspirante ei tõmmata kaasa kateedrite töösse, mille taga-

⁴⁸ TRÜ A, nim. 1, s.-ü. 72, l. 17—18; s.-ü. 40, l. 65.

⁴⁹ TRÜ aspirantuuri osakonna jooksev arhiiv. Aspirantuur-I, 1946—52.

⁵⁰ TRÜ A, nim. 1, s.-ü. 35, l. 3; s.-ü. 53, l. 57; s.-ü. 74, l. 3; s.-ü. 104, l. 5; s.-ü. 129, l. 1.

järjel nad esinevad täienduskursuslaste olukorras. Paljudel professoritel ei jätku aega vajaliku arvu aspirantide väljavalmimiseks lõpetavate üliõpilaste hulgast, vaatamata sellele et nende kateedrites teaduslike kaadrite järelkasv täielikult puudub.⁵¹

Teadusliku kaadri kvalifikatsiooni tõstmine toimus teadusliku uurimistöö kaudu. Juba 1941. aastaks koostati esimene teadusliku uurimistöö plaan. Ka ülikooli taasavamise järel 1944. a. novembris asuti teadusliku uurimistöö plaani koostamisele 1945. aastaks. See lõpetati 1945. a. algul ning kohe asuti ka täitma. Alates 1945. aastast on teadusliku uurimistöö plaane pidevalt viimistletud ja need on muutunud killustatud individuaalsete teemade kogumist komplekssete ja kollektiivsete teemadega läbi-põimitud ulatuslikuks uurimistöö plaaniks. Tähtis koht teadusliku uurimistöö plaanides oli doktori- ja kandidaadidissertatsioonide valmimisel. 1944/45. õppeaastal puudus TRÜ-l õigus omistada teaduslikke kraade, mistõttu dissertatsioonide kaitsmine sai juriidiliselt alata alles pärast 12. augustit 1945, mil ülikoolile vastav õigus anti. Praktiliselt aga osutus see võimalikuks veelgi hiljem, kuna kirjavahetus erialade osas kestis Üleliidulise Kõrgemate Koolide Komiteega veel ka 1946. aastal. Esimene väitekirj sõja-järgsetel aastatel kaitsti TRÜ-s 10. juulil 1946 — A. Punga kandidaadiväitekirj põllumajandusteaduste kandidaadi kraadi saamiseks. Samal aastal kaitsti veel ka kaks doktoridissertatsiooni.⁵²

Esimeste kaitstud dissertatsioonide osas oli põhiline uurimistöö teostatud varasemal perioodil, mistõttu teadusliku töö aruandes 1945. aasta kohta märgiti, et on valminud 10 doktori- ja 21 kandidaadidissertatsiooni, ometi ei kaitsta perioodil 1946—50 kümnetki doktoridissertatsiooni. Dissertatsioonide kaitsmisest annab ülevaate tabel 5.

Tabel 5

Tartu Riikliku Ülikooli õppe-teadusliku kaadri kvalifikatsiooni tõstmine doktori- ja kandidaadidissertatsioonide kaitsmise kaudu aastail 1946—1950⁵³

	1946	1947	1948	1949	1950	Kokku
Doktoridissertats.	2	6	1	—	—	9
Kandidaadidissertats.	1	10	2	10	10	33
	3	16	3	10	10	42

Analüüsides tabelit nr. 5, torkab silma mõningane tagasiminevik doktoridissertatsioonide osas ja üldine kõikumine dissertatsioonide arvu kasvus aastate lõikes. 1947. aasta on olnud kõige

⁵¹ TRÜ A, nim. 1, s.-ü. 72, l. 17; s.-ü. 69, l. 10.

⁵² Sealsamas, nim. 1, s.-ü. 31, l. 226—320.

⁵³ Sealsamas, l. 226—320; s.-ü. 69, l. 89—556, s.-ü. 97, l. 23—477; s.-ü. 125, l. 132—269.

parem, edasi on toimunud langus. Teadusliku töö aruannetes märgitakse takistavate asjaoludena dissertatsioonide valmimisel marksismi-leninismi põhialuste nõrka tundmist, tööde madalat ideelis-poliitilist suunitlust, tööde lõpetatuks lugemist enne kateedris läbiarutamist ja lõplikku vormistamist. Nähtavasti tõi kaitsmisele lubamise osas muudatusi 1948. a. tunduvalt rangema korra sisseviimine ja nõudlikkuse tõstmine dissertatsioonide osas. Plaanipärase teadusliku töö edukat täitmist takistas ka mitteplaani-liste ülesannete täitmine. Näiteks 1948. a. TRÜ teadusliku töö aruandes märgitakse, et õppe-teaduslikul personalil tuli täita 738 tööülesannet väljaspool teadusliku uurimistöö plaani nii ülikooli, ENSV ja NSV Liidu majanduse, kultuuri ühe või teise ülesande lahendamisel kui ka teaduse saavutuste propageerimisel populaar-teaduslike loengute ja artiklite kaudu, mis ei olnud otseselt seotud õppejõudude uurimistööga. Dissertatsioonide kaitsmisele lubamisel kehtis töö materjalide publitseerimise nõue ja 1948. aastast alates nõuti autoreferaadi esitamist. Kuigi kateedrijuhatajad pidid koos töö autoriga personaalselt vastutama töö õigeaegse publitseerimise eest, ei olnud ka seda küsimust lihtne lahendada sõja-järgse taastamisperioodi tingimustes. Teadusliku töö aruande kinnitamisel TRÜ Õpetatud Nõukogus võeti aasta-aastalt vastu järjest rangemaid otsuseid, mis kohustasid kateedrijuhatajaid ja dekaane ning teadusala prorektorit süstemaatiliselt kontrollima teadusliku töö plaani täitmist ja pöörama suurt tähelepanu dissertatsioonide õigeaegsele valmimisele. TRÜ teadusala prorektor K. Taev analüüsis ajalehe «Tartu Riiklik Ülikool» veergudel 1949. aastal kogu eelneva perioodi doktori- ja kandidaadidissertatsioonide kaitsmise alast mahajäämust ja sellest tulenevaid tagajärgi. Teaduslike kraadidega, eriti doktorikraadiga õppejõudude puudumine mitmel tähtsal erialadel kitsendas ka aspirantuuri erialade ringi ja dissertatsioonide kaitsmise õigust TRÜ-s.⁵⁴

Aastad 1944—1950 olid Tartu Riikliku Ülikooli taastamis-perioodiks. Õppe- ja teaduslikku tööd tuli alustada tingimustes, kus ei olnud veel lõppenud Nõukogude rahva Suur Isamaasõda. Partei ja valitsus osutasid suurt abi Tartu Riikliku Ülikooli tööle-rakendamisel, õppe-teadusliku kaadri komplekteerimisel, majan-duslikul taastamisel ja ideoloogilisel suunamisel. Vaatamata sel-lele ei olnud siiski võimalik esimestel õppeaastatel jõuda täiesti normaalsete töö-, olme- ja õppetingimusteni. Raskused õppejõu-dude kaadri komplekteerimisel, üleminekul uutele õppeplani-dele, sõjapurustuste likvideerimine — need kõik olid selle perioodi objektiivsed raskused. Kõige raskem oli siiski inimeste, s. o. õppe-teadusliku personali ideoloogiline kasvatamine ja ümberkasvata-mine ning selle kaudu ka okupatsiooni- ja kodanlikul perioodil õpinguid alustanud üliõpilaste ümberkasvatamine. Õppejõudude

⁵⁴ K. Taev. Rohkem tähelepanu dissertatsioonidele. — «Tartu Riiklik Ülikool», 1949, 24. märts.

kaadri ideelis-poliitiliseks kasvatustööks kasutati mitmesuguseid vorme. Sageli esinesid vabariigi ja linna juhtivad töötajad õppejõudude ja üliõpilaste ees, ka NSVL Kõrgema Hariduse Ministeeriumi töötajad esinesid TRÜ-s. Töötasid arvukad poliitringid, õpiti individuaalplaani alusel marksismi-leninismi aluseid, oldi Marksismi-Leninismi Õhtuülikooli kuulajateks. Õppe-teaduslikku kaadrit kohustati oma senist teaduslikku produktsiooni kriitiliselt läbi töötama ja avalikult enesekriitiliselt analüüsima eriti okupatsiooni-perioodil ilmunut, aga ka varasemaid töid. Kuna see üritus muutus kampaanialikuks ja ka üliõpilased sekkusid nimekate teadlaste kritiseerimisse, siis muutus see aktsioon mõnikord vanade professorite mõnitamiseks ja alandamiseks. Sellest tingituna muutusid paljud teadlased ettevaatlikuks ja viivitasid teaduslike tööde avaldamisega, nähtavasti ka dissertatsioonide osas. Mitmete teadlaste, sealhulgas ka nende, kes aktiivselt nõukogude võimu eest võitlesid ja oma energia nõukogude ülikooli loomisele andsid, hea nime ja teadusliku maine taastamine sai võimalikuks alles isikukultuse perioodil tehtud vigade likvideerimise käigus.

Tuleb märkida, et Tartu Riikliku Ülikooli teadlased tegid taastamisperioodil ära suure töö. Igal aastal tuli õppe- ja teadusliku töö plaaniliste ülesannete kõrval lahendada vabariigi ja Tartu linna, aga ka NSV Liidu ettevõtete ülesandeid. Samas tuleb ka märkida suurt tunnustust, mille osaliseks TRÜ õppejõud said taastamisperioodil. ENSV Ülemnõukogu Presiidiumi seadlusega 19. juulist 1945 omistati silmapaistvate teenete eest teaduse alal Eesti NSV teenelise teadlase aunimetus vabariigi 10 nimeka teadlase hulgas neljale TRÜ õppejõule: dotsent J. V. Veskile, arstiteaduste doktor Albert Valdesele, professor Alma Toomingale ja professor Heinrich Riikojale.⁵⁵

Eesti NSV Teaduste Akadeemia loomisel kinnitati Eesti NSV Teaduste Akadeemia tegevliikmeteks ENSV Ministrite Nõukogu määrusega 5. aprillist 1946 professorid A. Kipper, A. Koort, H. Kruus, F. Laja, A. Luha, A. Toomingas, J. Vaabel, V. Vadi ja J.-V. Veski. Korrespondeerivaiks liikmeiks valiti dotsent H. Haberman, professor K. Orviku ja dotsent A. Vaga.⁵⁶

Tartu Riikliku Ülikooli teaduslik-pedagoogilise kaadri valiku, komplekteerimise ja kasvatamise küsimuste analüüs sõjajärgse taastamisperioodi ulatuses annab ülevaate õppe-teadusliku töö arengu dünaamikast ja võimaldab järeldada, et ilma taastamisperioodil loodud baasita ei oleks Tartu Riiklik Ülikool saanud kujuneda tänase teadusliku potentsiaaliga ja teadusliku mainega keskuseks Eesti NSV-s. Ülikooli nimi ja teadlased on tuntud mitte ainult Nõukogude Liidus, vaid ka väljaspool tema piire. Tartu Riiklik Ülikool sai *alma materiks* ka 1946. aastal loodud

⁵⁵ ENSV Ülemnõukogu Presiidiumi seadlus teadlastele aunimetuse andmise kohta 19. juulist 1945. — «Postimees», 1945, 24. juuli.

⁵⁶ ENSV Ministrite Nõukogu määrus nr 225 5. aprillist 1946. — «Rahva Hääle», 1946, 6. aprill.

Eesti NSV Teaduste Akadeemiale ja paljudele tema uurimisinstituutidele. 1951. aastal TRÜ baasil loodud Eesti Põllumajanduse Akadeemiale andis TRÜ «kaasavaraks» mitte ainult teaduskonnade materiaalse baasi, vaid ka suure hulga nimekaid teadlasi ja lõpetamisel olevate dissertatsioonidega aspirante.

О ПОДГОТОВКЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ТАРТУСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ГОДЫ 1944—1950

М. Рейнфельд

Резюме

Фундамент развития сегодняшнего Тартуского государственного университета был заложен в первые годы Советской власти. 1940/41 учебный год был первым советским годом, ознаменовавшим переход на новую систему учебной, воспитательной и научной работы.

Основательные преобразования были прерваны началом Великой Отечественной войны и оккупацией Советской Эстонии. Материальный ущерб, нанесенный Тартускому университету, превысил 42 миллиона рублей: полностью было уничтожено 19 университетских зданий, остальные — частично разрушены; учебных пособий погибло на 30 миллионов рублей, часть университетского имущества было вывезено в Германию, часть разбросано в 27 местах Эстонии. Из профессорско-преподавательского состава фашисты убили 9 человек, вообще из преподавателей было убито, умерло, покинуло родину и пропало без вести: 41 профессор, 18 доцентов, 11 старших преподавателей, 79 ассистентов, 12 учителей и 60 лаборантов-препараторов.

Ключевым вопросом в подготовке новых специалистов в послевоенные годы было использование и перевоспитание научно-педагогических кадров буржуазного времени. На вакантные должности выдвигались младшие преподаватели, лучшие преподаватели средних школ, приглашались вновь бывшие преподаватели из других учреждений и эвакуировавшиеся в другие республики. В вопросах кадров университета во многом содействовали ЦК КП(б)Э и правительство республики. Численность профессорско-преподавательского состава стабилизировалась к 1946 году и составляло в течение послевоенной пятилетки 350—380 человек, профессоров было 38—46 и доцентов 54—64.

Уровень научно-педагогической работы высшей школы зависит от научной квалификации преподавателей. В 1940/41 учебном году университет не имел права на проведение защиты научных диссертаций. В 1945 г. был поднят вопрос о переаттестации ученых степеней и званий, полученных до 1940 года

и во время немецкой оккупации. Ученый совет ТГУ получил право на окончательное решение в вопросах переаттестации на кандидатские степени. В течение 1945—1950 годов в результате переаттестации ученые степени кандидатов наук получил 131 человек, ученые степени докторов наук — 42. Путем ходатайства 93 человек получили ученое звание доцента и 52 — ученое звание профессора. Позже это стало основой результативной работы и дало университету право принимать на защиту диссертации и готовить аспирантов.

Аспирантуру для подготовки научно-педагогических кадров при университете открыли в 1945 году. В течение послевоенной пятилетки были затруднения с комплектованием аспирантуры, так как специалистов, закончивших университет за время советского периода до 1948 года, не было. Среди первых аспирантов были такие видные ученые настоящего времени, как П. Кард, Е. Габович, К. Яама и др. На Ученом совете университета в течение 1946—1950 годов было защищено 9 докторских и 35 кандидатских диссертаций. 1944—1950 годы являются восстановительным периодом Тартуского государственного университета.

Партия и правительство высоко оценила работу профессорско-преподавательского состава. В 1945 году были присвоены почетные звания заслуженного ученого Эстонской ССР доценту И.-В. Вески, доктору медицинских наук А. Валдесу, профессору А. Тоомингас и профессору Х. Рийкоя. Со времени создания Академии Наук ЭССР академиками Академии Наук ЭССР были избраны 9 профессоров университета и 3 члена-корреспондента.

ÜBER DIE VORBEREITUNG DER WISSENSCHAFTLICH-PÄDAGOGISCHEN KADER AN DER TARTUER STAATLICHEN UNIVERSITÄT VON 1944—1950

M. Reinfelt

Zusammenfassung

Das Fundament für heutige Entwicklung der Tartuer Staatlichen Universität wurde in den ersten Jahren der Sowjetmacht gelegt. Das Studienjahr 1940/41 war das erste sowjetische akademische Jahr, in dem zu einer neuen Lehrgelegung übergegangen wurde. Der Angriff des faschistischen Deutschlands auf die Sowjetunion und die Okkupation Sowjetestlands unterbrachen die stürmischen Umgestaltungen. Materielle Schaden der Tartuer Universität in den Kriegsjahren überstiegen 42 Millionen Rubel, völlig zerstört waren 19 Universitätsgebäude, die übriggebliebenen in höherem oder geringerem Maße zerstört, Lehrmittel für 30 Millionen Rubel vernichtet, ein Teil von ihrem Hab und Gut

war nach Deutschland geschleppt worden, das Übriggebliebene war in Estland in 27 verschiedenen Stätten untergebracht. Von den Lehrkräften waren 9 von Faschisten ermordet worden. In der Kriegsjahren verlor die Universität durch Tod und Ermordungen, durch Emigrieren und dadurch, daß einige verschollen waren, 41 Professoren, 18 Dozenten, 11 Oberlehrer, 79 Assistenten, 12 Lehrer, 60 Präparatoren-Laboranten.

Zum Schlüsselproblem der Vorbereitung der neuen Spezialisten während der Nachkriegsjahre wurden die Einstellung und Umerzierung des wissenschaftlich-pädagogischen Kaders der alten Schule. In den Nachkriegsjahren wurden beim Komplettieren des Lehrkräftenkaders der Tartuer Staatlichen Universität die jüngeren Lehrkräfte gefördert, die besten unter den Lehrern ausgewählt, eine Reihe von Lehrkräften, die evakuiert worden waren, kehrte aus dem Hinterland der Sowjetunion zurück. Das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei Estlands und die Regierung der Republik halfen viel beim Komplettieren der Lehrkräftenkader der TSU mit. Die Anzahl der Lehrkräfte an der TSU wurde 1946 stabil und betrug in den Nachkriegsjahren 350—380, wobei die Zahl der Professoren bis 38—46 und die der Dozenten bis 53—64 reichte.

Das Niveau der lehrwissenschaftlichen Arbeit in den höheren Lehranstalten hängt von der wissenschaftlichen Qualifizierung der Lehrkräfte ab. Im Studienjahr 1940/41 hatte die Tartuer Universität nicht das Recht, akademische Grade und Berufe zu verleihen. Vor allem war es nötig, die vor dem Juni 1940 und im Laufe der Okkupation verteidigten akademischen Grade und Berufe umzuattestieren. In den Jahren 1945—1950 wurden im Gelehrten Kollegium der TSU insgesamt 131 Kandidatengrade der Wissenschaften und 42 Grade der Doktoren der Wissenschaften umattestiert und bestätigt. Es wurde um 93 akademische Berufe der Dozenten und um 52 der Professoren beworben. Die Befugnis zur Verteidigung der akademischen Grade wurde der TSU erteilt, ausgehend von den Lehrkräften mit den akademischen Graden auf dem entsprechenden Gebiet, dasselbe galt auch beim fachlichen Einteilen der Aspiranten. Das heutige wissenschaftliche Niveau der Tartuer Staatlichen Universität ist ein eindruckvolles Beispiel davon, daß die in den Nachkriegsjahren gelegten Grundlagen der Wissenschaftlichen Arbeit erfolgreich gewesen sind.

Im Auftrag der Vorbereitung des neuen wissenschaftlichen Kaders wurde im Jahre 1945 die Aspirantur eröffnet. Unter den im Jahre 1946 aufgenommenen Aspiranten waren solche heute bekannten Namen wie P. Kard, J. Gabovitsch, K. Jaama u. a.

In der Zeitspanne 1946—1950 wurden am Gelehrten Kollegium der TSU 9 doktor- und 35 Kandidatendissertationen verteidigt.

Der Zeitabschnitt von 1944—1950 war eine Wiederherstellungsperiode der TSU. Schwierigkeiten bei der Beseitigung der Kriegsschäden auf dem Gebiet des Komplettierens des Kaders der Lehr-

kräfte beim Übergang zur neuen Lehrveranstaltung — das waren die objektiven Schwierigkeiten dieser Periode. Aber es gab auch Schwierigkeiten der subjektiver Art. Am schwierigsten war jedoch die ideologische Umerziehung der lehrwissenschaftlichen Personal und weiter durch ihn die Umerziehung der Studenten der bürgerlichen Zeit und der Okkupationsperiode.

Man muß hervorheben, daß die Wissenschaftler der TSU einen großen Beitrag in der Wiederherstellungsperiode geleistet haben. Ihre Arbeiten wurden erwähnt im Jahre 1945 mit der Beimessung des Ehrentitels dem Dozenten der TSU J. V. Veski, dem Medizindoktor A. Valdes, den Professoren A. Tooming und H. Riikoja.

Bei der Gründung der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR im Jahre 1946 wurden 9 Professoren und 3 korrespondierende Mitglieder aus der TSU zu den Akademikern der Akademie der Wissenschaften ernannt. Die Tartuer Staatliche Universität wurde auch zur alma mater der 1951 gegründeten Estnischen Landwirtschaftlichen Akademie.

СДВИГ К ПЛОДОСМЕНУ В ПРИБАЛТИЙСКОМ ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

(на примере помещичьего хозяйства на территории Эстонии)

В. Файнштейн

Кафедра политической экономии

«При отсутствии каких-либо топографических и статистических сведений о наших Остзейских провинциях точное сообщение данных об обычных хозяйственных системах почти невозможно, — справедливо указывал в 1840 году один из кандидатов на должность постоянного секретаря Лифляндского общепольного экономического общества, — а между тем именно они раскрывают состояние и дух страны.»¹ Значительные трудности выяснения эволюции системы земледелия прибалтийского помещичьего хозяйства I-ой половины XIX века отмечались также и в советской исторической литературе.²

Эти трудности связаны прежде всего с множественностью объекта исследования, отсутствием систематических сводных данных о системе мызного земледелия и, наконец, неодновременностью и многообразием путей перехода к плодосмену в различных районах и имениях Прибалтики. Все это порождает возможность невольного искажения общей картины эволюции системы земледелия, особенно при абсолютизации отдельных источников и данных по отдельным имениям. Отсюда явная опасность за отдельными примерами не увидеть общей картины, проглядеть основные пути развития системы мызного земледелия.

Максимально оградить себя от ошибок можно лишь посредством использования массовых источников, позволяющих реконструировать процесс в целом. В прошлом мы уже предпринимали подобную попытку, воспользовавшись данными о суще-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 90, л. 76.

² Ю. Кахк, чл.-корр. АН ЭССР. Г. Стродс. Сельское хозяйство Латвии в период перехода от феодализма к капитализму, «Вопросы истории» 1973, № 7, с. 158; J. Kahk, H. Ligti, E. Tarvel. Beiträge zur marxistischen Agrargeschichte Estlands der Feudalzeit, Tln., 1974, S. 20.

ственном изменении структуры мызных посевных площадей в 1820—30 годы на территории северной Эстонии.³

Но в отдельных случаях за сведениями о крутой ломке трехполья в связи с переходом к различным формам плодосмена скрываются и другие процессы. Поэтому более достоверными являются прямые обобщающие сведения современников о сдвиге к плодосмену. В их свете более достоверными и определенными выглядят и данные о резкой ломке структуры посевных площадей.

*   *

*

Ко второй четверти XIX века в прибалтийском помещичьем хозяйстве почти безраздельно господствовала трехпольная система земледелия. «До сих пор в целом, — отмечалось в 1821 году, — правила трехпольного хозяйства признавались отличными и единственно хорошими, и любое отклонение от них считалось экономической ересью...»⁴ Лишь частично оно было деформировано новыми для Прибалтики культурами: картофелем, викой, горохом, клевером, высевавшимися отчасти в паровом, а отчасти в яровом клину. Стремление к извлечению максимальных доходов или возможному их сохранению в условиях наступившего в 1820-х гг. резкого падения цен на водку и зерновые побуждало помещиков максимально расширять поля, занимать пары или сокращать их площадь посредством перехода к четырехполью или другим многопольным системам.⁵

Как показано в обстоятельном исследовании латышского советского историка Г. Строда, еще в начале XIX, в XVIII и даже в XVII вв. в отдельных имениях наблюдалось применение переходных многопольных севооборотов: улучшенного трехполья, четырехполья и полевых пастбищных систем.⁶ Некоторое распространение в имениях в 1810—30-е гг. приобрело также семиполье с двумя полями под паром, двумя — под рожью, двумя — под яровыми и одним полем — под горохом или викой.⁷ Но данные, которыми мы располагаем, показывают, что распространение переходных систем до второй четверти XIX века в целом все же было сравнительно редким и кратковременным. По данным О. Хуна, к 1819/20 гг. опыты ведения хозяйства по четырех- и семипольной системам были поставлены лишь в отдельных эст-

³ В. Файнштейн. Переход от трехполья к плодосмену в эстляндском помещичьем хозяйстве. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 290, Тарту, 1972.

⁴ Neueres ökonomisches Repertorium für Livland (= NÖR), 8. Band, 3. Stück. Dorpat, 1821, S. 248.

⁵ NÖR, 9. Bd. 4. St., Dorpat, 1823, S. 415—418.

⁶ H. Strods. Lauksaimniecība Latvijā, Rīga, 1972, 1. 49—52.

⁷ NÖR, 1. Bd. 2. St Riga, 1813, S. 259—261; O. K. Budberg. Beiträge zur Erweckung und Erweiterung rationeller Landwirtschaft in den drei Ostsee-Provinzen. Riga, 1823, S. 10.

ляндских имениях и «до сих пор они не нашли большого подражания».⁸ По топографическим сведениям 1827 года многопольные севообороты были обнаружены лишь в девяти эстляндских имениях и на нескольких подмызках.⁹ Видимо несколько шире четырехполье было распространено в Лифляндии.¹⁰ По мнению Рейнгольда фон Хельмерсена, опыт четырехполья и здесь нашел слабое распространение.¹¹ По мнению же другого кандидата на должность постоянного секретаря Лифляндского экономического общества, большинство имений и, особенно, крупные собственники земли ввели четырехполье.¹² Тот же автор отмечает, что вплоть до второй четверти XIX века в Прибалтике «главные принципы сельского хозяйства... двигались постоянно между трех- и четырехпольным хозяйством...»¹³. «Семипольное хозяйство, — указывает другой анонимный автор, — нашло подражателей, кое-где было введено также и четырехпольное хозяйство, однако результаты этого и других отклонений от старого способа (ведения хозяйства — В. Ф.) еще не стали общественным достоянием».¹⁴ Еще в 1810-х и в начале 1820-х гг. отношение подавляющего большинства прибалтийских помещиков к несравненно более передовой плодосменной системе земледелия было отрицательным,¹⁵ поскольку плодосмен понимался крайне ортодоксально и помещики еще не осознали многочисленных экономических и агрономических выгод, которые несла новая система земледелия.

В последующем, в течение двух-трех десятилетий, положение кардинальным образом меняется. К середине 1830-х годов «... уже большая часть наших сельских хозяев, убедясь опытом в важном влиянии его (клевера — В. Ф.) на увеличение дохода с полей при севооборотном хозяйстве, ввели у себя это полезное растение по правилам и наставлениям известнейших иностранных писателей... Разность климата и местности требовали, однако, при этом некоторых отступлений и изменений для вернейшего произрастания и обеспечения жатвы...»¹⁶ Как указывалось в одном официальном документе, к 1840—50 гг. «... в Остзейском крае травосеяние вошло в систему севооборотов почти

---

⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 6810, оп. 1, ед. хр. 78, л. 31.

⁹ В. Файнштейн, указ. соч., с. 162.

¹⁰ В сравнении с плодосменом четырехполье имело явные недостатки. И. Г. Коппе об этой системе говорил, что на хорошей земле четырехпольные хозяйства создаются из неповоротливости, а на плохой — из алчности и недомыслия. (ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 90, л. 69).

¹¹ Там же, л. 16.

¹² Там же, л. 69.

¹³ Там же, л. 70.

¹⁴ NÖR, 8. Bd., 3. St. Dorpat, 1821, S. 246.

¹⁵ Там же, S. 247; NÖR, 5. Bd., 2. St., Dorpat, 1817, S. 237.

¹⁶ «Земледельческая газета», 1834, с. 337.

во всех помещичьих имениях».¹⁷ Этот факт подтверждается также и описанием выставки сельскохозяйственных продуктов в 1857 г. в Тарту. В описании отмечается, что красный клевер рассматривался в то время в известной мере в качестве совершенно необходимого составного элемента полевых ротаций прибалтийских имений и повсюду возделывался.¹⁸

В эстонской советской литературе справедливо отмечалось, что периодом перехода к регулярному плодосмену следует считать время, когда клевер вводился в качестве органического составного элемента в обычные полевые севообороты.¹⁹ Как видим, именно таким временем был период между 1825 и 1850 гг. С этим выводом хорошо согласуются данные официальной губернской статистики, собранные посредством анкетного опроса помещиков. Согласно этим данным к 1860 гг. 75% эстляндских, 68,8% лифляндских и свыше 86% курляндских имений перешло на плодосмен.²⁰ В ряде районов Прибалтики сдвиг к плодосмену совершился в более сжатые сроки. За немногие годы, — указывал в 1830 г. К. Г. Майдель, — многое в Прибалтике изменилось. Еще пять лет тому назад мериносовая овца была известна здесь лишь по названию. Теперь же она здесь акклиматизировалась. «Вместе с ней на наши поля пришла и новая система...» Но пока что все находится лишь в начальной стадии, в стадии становления. Имеются «лишь отдельные островки, число которых, впрочем, с каждым годом увеличивается, которые уже преодолели борьбу нового со старым, тогда как большая часть еще сохраняет старое, рутинное.»²¹ Конец 1820—1830 гг. были периодом особенно быстрой перестройки системы земледелия во многих помещичьих хозяйствах. «Вот уже несколько лет, — писал в 1836 г. хорошо знакомый с состоянием сельского хозяйства в Прибалтике и за границей профессор Тартуского университета Фр. Шмальц, — как в наших Остзейских провинциях наблюдается столь усердное стремление к усовершенствованию земледелия и животноводства, что с трудом можно назвать страну или провинцию, где оно осуществлялось бы более высокими темпами. Так, вместо неподходящего более к нашим условиям трехпольного хозяйства пытаются ввести целесообразные полеводческие системы, возделывают пустоши, осушают болота

---

¹⁷ Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение десяти лет с 1844 по 1854 г. СПб, 1855, с. 76.

¹⁸ *Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft, Neue Reihenfolge* (LJL, NR), 13. B., 4. H., Juni 1858. Dorpat, 1858, S. 12.

¹⁹ J. Kahk. Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland. Tln., 1969, S. 45. J. Kahk, H. Ligi, E. Tarvel, ук. соч., с. 20.

²⁰ H. Strods, ук. соч., с. 420; В. Файнштейн, указ. соч., с. 197—198; Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels, zweiter Jahrgang. Riga, 1864, S. 205.

²¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1356, оп. 1, д. 3, с. 77.

и превращают их по своему усмотрению в плодородные поля, луга и пастбища...»²² К середине 40-х годов, по данным А. Хука, трехполье сохранялось лишь в половине прибалтийских имений.²³ По единодушному мнению современников быстрее всего переход к плодосмену в 1830-е гг. происходил в северной Эстонии.²⁴ Как указывалось в отчете о деятельности Эстляндского сельскохозяйственного общества за 1839—45 гг., помещичье хозяйство переживало в это время «самый интересный момент в своей истории» — переход от трехполья к плодосмену.²⁵ В соответствии с анкетным опросом помещиков в 1839 г. в Эстляндской губернии в 180 имениях и пасторатах из 616 применялась многопольная система полеводства с клеверосеянием. К 1845 г. на многопольные севообороты перешли уже 250 эстляндских имений.²⁶ Из отчета эстляндского губернатора за 1845 г. видно, что к этому времени в помещичьих хозяйствах двух с половиной уездов северной Эстонии из четырех, а именно в Вирумаа, Ярвамаа и половине Харьюмаа, плодосменное хозяйство «сделалось почти всеобщим». У помещиков, — отмечал губернатор, — трехполье «принадлежит к изъятию».²⁷ Имеются основания верить этим данным, поскольку позднее, в 1850-е годы ежегодно публиковались отчеты о деятельности Эстляндского сельскохозяйственного общества, где среди прочих сообщались и сведения об изменениях в севооборотах имений. В основном в отчетах говорится не о переходе к плодосмену, а об изменениях в уже практикующихся плодосменных ротациях. Отсюда можно сделать вывод, что переход к плодосмену в эстляндских помещичьих имениях произошел в основном раньше, т. е. во второй четверти XIX века. Существенное исключение составляет лишь западная часть Эстонии (Ляэнемаа), где ввиду обилия лесных лугов и сенокосов трехполье могло сохраняться значительно дольше.²⁸ Еще в 1873 г. ^{2/5} имений Ляэнемаа оставались на трехполье.

На первых порах во второй четверти XIX в. переход к плодосмену в помещичьих хозяйствах Лифляндии осуществлялся медленнее, чем в Эстляндии. К 1840 году большая часть лифляндских имений оставалась еще на трехполье с занятым паром,²⁹ но поскольку районов с обилием богатых лугов в губернии становилось все меньше, старая трехпольная система, по словам Вильгельма фон Гена, уже «более или менее остав-

²² Fr. Schmalz. Auch der Waldbau darf nicht vernachlässigt werden, wenn Ackerbau, Thierzucht und Fabriken gedeihen und auf eine hohe Stufe gebracht werden sollen. Dorpat, 1836, S. 3.

²³ A. Hueck. Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnissen in Ehst-, Liv- und Curland. Leipzig, 1845, S. 144, 147, 148, 230.

²⁴ Там же; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 90, л. 8.

²⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 158, л. 32.

²⁶ А. Hueck, ук. соч., с. 147.

²⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 1, ед. хр. 6523, л. 19.

²⁸ ИМ ЭССР, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 45, л. 84.

²⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 90, л. 5.

лена».³⁰ К середине 40-х годов в Лифляндии на многополье перешло примерно такое же количество имений (около 250), как и в Эстляндии.³¹ Частичное же улучшение помещичьего хозяйства посредством картофелеводства и кормовых трав отмечалось к этому времени уже в 80% эстляндских и 50% лифляндских имений. К этому времени относится заявление президента Лифляндского общепольного экономического общества А. Х. Брююнинга, что мериновое овцеводство и нередко связанный с ним плодосмен уже акклиматизировались в Лифляндии,³² что плодосмен «становится все более всеобщим».³³

Переход к плодосмену в прибалтийском помещичьем хозяйстве осуществлялся в неблагоприятной социальной среде. К тому же рост цен на зерно и неустойчивость цен на шерсть в 1840—1850-х гг. сделали переход к плодосмену менее настоятельным. Поэтому, несмотря на то, что отрицательные стороны трехполья были уже всем хорошо известны, даже в конце 1840-х гг. в некоторых районах Прибалтики, особенно в Ляэнемаа, Сааремаа, Вильяндимаа и Пярнумаа, плодосмен все еще боролся с трехполем за место «в общественном сознании».³⁴

Некоторое отставание в 1830-е гг. лифляндских имений по распространению плодосмена видимо объясняется тем, что, во-первых, обеспеченность пашни луговым сеном здесь, особенно в южной Лифляндии, было несколько выше³⁵, а потому и необходимость перехода к плодосмену ощущалась менее остро и, во-вторых, мериновое овцеводство, с распространением которого прежде всего связывался переход к новой системе, в Лифляндии было развито сравнительно слабее. Так, в 1841 г. в Эстляндии имелось 116 овчарен, тогда как в Лифляндии при несравненно большем числе имений лишь 106.³⁶

* * *

Переходные формы к трехполью или нерегулярное трехполье встречалось в Прибалтике еще с начала XIII в.³⁷ В XVI в. оно уже безраздельно господствовало как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйстве.³⁸ По сравнению с длительным периодом перехода к трехполью и его господства переход к плодосмену в прибалтийском помещичьем хозяйстве составлял, таким образом,

³⁰ Там же, л. 6, 76.

³¹ А. Н у е с к, указ. соч., с. 147.

³² Das Inland, 1845, Nr. 10, Sp. 160.

³³ ЦГИА ЭССР, ф. 2399, оп. 1, ед. хр. 26, л. 2.

³⁴ LjL, N R., 10. B.- 3. H., Dorpat, 1849, S. 292.

³⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 90, л. 39.

³⁶ А. Н у е с к, укз. соч., с. 274—275.

³⁷ Х. Моора, Х. Лиги, Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин, 1969, с. 8.

³⁸ H. Ligi. Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII saj. Tln., 1963, lk. 34—35.

сравнительно непродолжительный отрезок времени, хотя сам переход начался довольно поздно. Чем же это объясняется? Длительность сохранения трехполья объясняется прежде всего господством барщинной системы хозяйства, дополненным возвращающим воздействием чрезвычайно благоприятных в течение продолжительного времени условий сбыта зерновой товарной продукции прибалтийских имений. В последней трети XVIII в. трехполье в Прибалтике обрело «вторую молодость», будучи подкрепленным исключительно выгодным винокурением производством, позволявшим в принципе улучшить кругооборот питательных веществ почвы. (Правда, в действительности улучшения плодородия почвы не произошло, так как были чрезмерно расширены поля). Все это в течение длительного времени тормозило развитие сельскохозяйственного производства помещичьего хозяйства, ориентировало его в основном на экстенсивный путь развития, глушило те ростки нового (например, распространение клевера и картофеля), которые спорадически наблюдались в Прибалтике еще в XVIII веке. Хотя даже в относительно отсталой по сравнению с Западной Европой Германии в последней трети XVIII в. были введены мериновое овцеводство и плодосмен, хотя А. Тээр настоятельно советовал эстляндским и лифляндским помещикам развивать мериновое овцеводство,³⁹ прибалтийские имения до второй четверти XIX в. оставались в основном на старой рутинной системе хозяйства и земледелия.

«Условия сельского хозяйства нашей родины, — писал Брюнинг, — в течение длительного времени были столь благоприятными и благодаря ее счастливому расположению казались столь хорошо обоснованными, что еще совсем недавно мы не могли себе представить то печальное настоящее, которое мы переживаем, и то безнадежное будущее, навстречу которому мы идем.»⁴⁰ Лишь крайне ухудшившаяся в 1818—1830 гг. рыночная конъюнктура (ухудшение сбыта и падение цен на зерно и водку на 52—65%) при высокой задолженности имений и связанная с этим угроза разорения, узость кормовой базы, исчерпание возможностей расширения посевных площадей и восполнения мизных доходов на базе трехполья и винокурения заставили прибалтийских помещиков форсированными темпами осуществлять переход к плодосмену.⁴¹ «... Нужда, — эта могущественная изобретательница искусств, эта искуснейшая учительница людей, — указывал тот же Брюнинг, — настоятельно требует от нас этого, ибо нужда и замешательство в наших сельскохозяйственных делах стали уже настолько большими и готовят нам

³⁹ NÖR. Ergänzungsheft des 9-ten Bandes. Dorpat, 1825, S. 96; Oeconomisch-gemeinnützliche Beilage zum Ostsee-Provinzen-Blatte (=ÖGB) 1825, Nr. 2, den 10. Februar, S. VII.

⁴⁰ ÖGB, 1825, Nr. 3, den 24. Februar, S. IX.

⁴¹ В. Файнштейн, указ. соч., с. 172—182.

еще более печальное будущее, так что нависла угроза над самим нашим существованием и мы наконец должны понять, что при имевшем место до сих пор ходе дел и системе нашего хозяйства мы вообще не сможем более существовать и должны будем прибегнуть к реформам нашего хозяйства, которые в других странах с такими же условиями, как у нас, себя оправдали.»⁴² Особенно большое значение в качестве побудительной причины изменения отраслевой структуры производства и системы земледелия прибалтийских имений имела конкуренция дешевого хлеба и водки внутренних губерний России. В статье «Прусская водка в германском рейхстаге» Ф. Энгельс писал: «Если даже отвлекаться от всего хода мировой истории, от возможности, вероятности или неизбежности новых войн или переворотов, одна уже конкуренция русской водки должна разорить Пруссию, поскольку она уничтожает промышленность, поддерживающую земледелие восточных провинций на нынешней ступени его развития.»⁴³ Прибалтийские имения, тесно связанные с казенным винным рынком России, начали испытывать преобразующее воздействие конкуренции дешевого русского зерна и водки еще в конце 1810-х гг. В 1820—30 гг. цены на водку упали в Риге до 35% от уровня 1801—1805 гг. Такое падение цен больно ударило по ключевой отрасли прибалтийского помещичьего хозяйства. Оно не просто резко уменьшило одну из статей доходов, но грозило подорвать ту отрасль производства, от которого зависели все остальные: мясной откорм скота, базировавшийся в значительной мере на использовании побочных продуктов винокурения, и трехпольное земледелие, зависевшее от животноводства. «Наша полевая система, основанная на винокурении и трехполье, — писал Брююнинг, — не может более существовать, ибо мы не выдержим конкуренции с великой Россией, в чем нас ежедневно все больше и больше убеждает печальный опыт.»⁴⁴ Перспектива полного экономического разорения в случае сохранения на длительное время низких цен заставила помещиков наряду с мерами по увеличению феодальной эксплуатации и удешевлению кредита радикально перестраивать отраслевую структуру производства,⁴⁵ переориентироваться в значительной мере на мериновое овцеводство, заняться льноводством, использовать в качестве сырья для винокурения картофель, наконец, сравнительно быстро переходить к использованию плодосменных севооборотов.

В качестве «сопутствующей причины» сравнительно быстрого распространения в Прибалтике плодосмена во второй четверти XIX в. выступало мериновое овцеводство, обеспечивавшее в

⁴² ÖGB, 1825, Nr. 1, den 20. Januar, S. I.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, с. 54.

⁴⁴ ÖGB, 1825, Nr. 2, den 10. Bebruar, S. VII.

⁴⁵ ÖGB, 1825, Nr. 1, den 20. Januar, S. I; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 90, л. 31—32.

1820—30 гг. наивысшие доходы помещикам. С 1825 по 1841 г. число мериносов в Эстляндской и Лифляндской губерниях с нескольких сотен голов выросло до 184 тысяч.⁴⁶ Одновременно распространялся и плодосмен, поскольку в большинстве районов Прибалтики ввиду узости кормовой базы и истощения почвы мериносовое овцеводство, льноводство и иное земледелие, рассчитанное на продажу, можно было осуществлять лишь при резком расширении кормовой базы и постоянном поддержании плодородия земли с помощью плодосмена! «Без картофелеводства и кормовых трав, без искусственно засеянных пастбищ для овец лишь очень немногие имения этой страны смогут выгодно разводить мериносов, — писал один из лифляндских уездных депутатов дворянства. — Ибо получаемые до сих пор корма должны быть очень сильно увеличены, чтобы отчасти возместить земле то, что сейчас у нее забирает столь сильно увеличившееся льноводство, а, отчасти, чтобы меньшим количеством навоза, который дают овцы по сравнению с крупным рогатым скотом, не ухудшить удобрение полей. Таким образом, без введения плодосменного хозяйства не приходится думать ни о мериносовом овцеводстве, ни о постоянно увеличивающемся льноводстве, если не хотят, чтобы последнее сильно снизило культуру полей.»⁴⁷

*   *
*

На первом этапе сравнительно широкого распространения плодосмена (1820—30 гг.) многие прибалтийские помещики пытались в готовом и неизменном виде перенести на местную почву учение А. Тэера о рациональном хозяйстве. Плодосмен они понимали узко и педантично как такую систему земледелия, при которой из ротации полностью исключаются пар, зерновые в обязательном порядке строго чередуются с незерновыми, причем не допускается хотя бы однократное следование хлебов после хлеба, под зерновые отводится лишь половина пашни,⁴⁸ в состав ротации обязательно вводятся поля гороха и вики, по всей пашне перемещается картофель, клевер в соответствии с «азбукой Коппе» обязательно сеется по ячменю, а последний столь же обязательно следует за картофелем.⁴⁹ В качестве образца подражания нередко служил севооборот А. Тэера, применявшийся в его имении Мёглин в 1808—16 гг.: 1) картофель или другие пропашные, 2) ячмень, 3, 4) клевер, 5) пшеница или рожь, 6) горох, вика, бобы, или виковая мешанка, 7) рожь⁵⁰

⁴⁶ LJJ, NR, 4. Bd., 1. Hf. Dorpat und Moskau, 1841, S. 3—4.

⁴⁷ ÖGB, 1825, Nr. 4, den 17. März, S. XIII.

⁴⁸ NÖR, 5. Bd., 2. St. Dorpat, 1817, S. 237—241.

⁴⁹ LJJ, NR, 10. Bd., 3. H, Dorpat, 1849, S. 285.

⁵⁰ NÖR, 4. Bd, 1. St. Dorpat, 1816, S. 100—112.

или севообороты аналогичного типа с большим или меньшим числом полей.⁵¹

Ярким примером такого буквального следования опыту А. Тэера является восьмипольное плодосменное хозяйство, введенное на подмызке Тээрфельд имения Пылула Виру-Яагупи-ского прихода. Здесь без всяких изменений воспроизводился мёглинский севооборот с добавлением восьмого овсяного поля.⁵² Известны и другие подобные хозяйства.

Важную роль в перестройке системы мызного земледелия сыграли отдельные местные ученики и последователи А. Тэера — Христоф фон Бреверн, фон цур Мюлен, Карл Густав фон Майдель и ряд других, экспериментально разработавшие севообороты, наиболее приспособленные к местным почвенно-климатическим и социально-экономическим условиям. Большую роль в распространении их опыта сыграло Лифляндское общепольное экономическое общество. Использование опыта этих пионеров новой системы помогло прибалтийским помещикам сократить переходный период к плодосмену.

По мнению Брююнинга, ко второй четверти XIX в. «классической почвой» нового сельского хозяйства в Прибалтике были имения Хр. Бреверна — Кохла и Мюлена — Пийрсалу (оба — в северо-западной части Эстонии). Пройдя школу А. Тэера в Мёглине, Бреверн в течение многих лет в своих эстляндских имениях проводил ряд исследований и опытов, не применяя какого-либо раз навсегда установленного твердого севооборота. В конце концов он остановился на 12-польном севообороте) 1) удобренный пар, 2) рожь с клевером, 3, 4) клевер, 5, 7) клеверное пастбище, 8) картофель, лён, бобы, 9) ячмень, 10) удобренный пар, 11) рожь, 12) овес, вика и др. бобовые), который лучше всего подходил к легкой и сырой почве, на которой хорошо произрастает клевер.⁵³ В агрономическом отношении большое практическое значение имел его опыт по севу клевера по ржи и посадке картофеля по клеверному пастбищу.⁵⁴ Значительные успехи принесла также заимствованная им практика гипсования клеверных полей, повысившая урожай клевера в его имениях в два-четыре раза.⁵⁵ Плодосмен Бреверна призван был обеспечить мериносовых овец кормами, а винокурение — картофелем.

⁵¹ NÖR, 5. Bd., 2. St., Dorpat, 1816, S. 241—242.

⁵² ÖGB, 1825, Nr. 10, den 8. September, S. XXXVII—XXXVIII.

⁵³ ÖGB, 1825, Nr. 9, den 4. August, S. XXXIV.

⁵⁴ «Земледельческая газета», 1836, с. 388. Сев клевера по озимой ржи уже в 1830-е годы широко применялся в помещичьих хозяйствах Прибалтики. Преимущества такого метода видели в возможности наиболее раннего посева клевера, когда земля еще была пропитана зимней влагой. Это обеспечивало верный и прибыльный рост клевера. Многие помещики высевали клевер прямо на оставшийся на поле весенний снег, который, тая, увлекал с собой семена в землю. («Земледельческая газета», 1834, с. 337).

⁵⁵ ÖGB, 1825, Nr. 2, den 10. Februar, S. VI—VII.

Лифляндское общепольное общество широко прогандировало опыт Бреверна. Однако первоначально помещиков смущали его предложения, поскольку они считали невозможным уступить часть полей травам и пастбищам без значительных потерь в доходах. Лишь после того, как было доказано, что уменьшающийся в связи с сокращением площади под зерновыми выход водки здесь полностью компенсируется водкой, получаемой за счет переработки картофеля, и что доход помещиков возрастет за счет реализации шерсти и повышения урожая хлебов в связи с ростом плодородия почвы,⁵⁶ севооборот Бреверна и овцеводство нашли довольно широкое распространение, особенно в центральной части Прибалтики.

Вступив во владение именем Пийрсалу Кулламаского прихода Ляэнемаа, Мюлен застал сильно истощенную трехпольем почву, урожай с которой в последние 15 лет составляли в среднем — 3,19. Если вести расчеты по нормам Тэера, то сена здесь была достаточно лишь для $\frac{1}{8}$ площади пашни. Поскольку луга по их естественным свойствам трудно было улучшить, Мюлен основное внимание обратил на полеводство, пытался возделывать кормовые травы и с 1818 г. приступил к полевому возделыванию картофеля, убедившись в благотворном его воздействии на улучшение почвы. Опыты привели Мюлена к убеждению, что картофель заслуживает первого места в любом плодосменном хозяйстве.⁵⁷

Первоначально в имении Пийрсалу практиковался семипольный севооборот: 1) удобр. пар, 2) рожь, 3) горох по навозу, 4) ячмень, 5) пар, 6) рожь, 7) овес, причем картофель и клевер включали в севооборот «в зависимости от обстоятельств». Но в последующем хороший урожай зерновых после картофеля и клевера побудил Мюлена с 1819 г. перейти к следующей девятипольной ротации: 1) картофель и бобовые, 2) ячмень, 3) клевер, 4) овес, 5) удобр. пар, 6) рожь, 7) ячмень, 8) занятый пар (вика на укос), 9) рожь. При этом весьма значительные участки худших земель из этого оборота исключались и отводились под овес, чечевицу, а позднее — под эспарцет. Благодаря новому севообороту и удвоению производства навоза, несмотря на сокращение площади под зерновыми примерно на 25%, их урожай по сравнению со среднегодовым урожаем последних 15 лет господства трехполья увеличился на $\frac{2}{3}$.

Сдвиг к плодосмену, особенно в районах повышенной каменистости и заболоченности, требовал значительных затрат барщинного труда. Так, в имении Пийрсалу при подготовке под картофель лишь одного из десяти полей севооборота весной 1825 г. в течение шести недель непрерывно работало 8 крестьян с упряжками быков. Наиболее крупные камни взрывались или

⁵⁶ ÖGB, 1825, Nr. 4, den 17. März, S. XIII—XIV.

⁵⁷ ÖGB, 1825, Nr. 1, den 20. Januar, S. III.

закапывались в землю. Чтобы дать представление о громадности проделанной работы, можно указать, что только один взорванный здесь камень вывозили 15 возов, запряженных шестью быками. Работу по очистке полей от камней предполагалось продолжать в течение последующих девяти лет.⁵⁸ Кроме того, в течение нескольких лет на поля было вывезено значительное количество навоза и предприняты большие работы по осушению низких земель посредством закрытых канав.

Значительное воздействие на распространение плодосмена оказал также опыт владельца имений Куру и Уденкюла Амблаского прихода Ярвамаа Г. К. Майделя, давшего ценные советы целесообразного перехода от трехполья к плодосмену.

«После того, как поздней осенью 1825 г. я возвратился из поездки за границу, — писал Майдель, — из поездки, которая также и в сельскохозяйственном отношении познакомила меня со всей северной и южной Германией, Швейцарией и частью Франции, я не только сильно расширил свои взгляды на рациональное хозяйство благодаря личному знакомству с ним, но и пришел к убеждению, что в сочетании с тонкорунным овцеводством оно прекрасно могло бы быть использовано и на моей родине и могло бы представлять новый источник надежного сельскохозяйственного заработка. Поэтому я решил мужественно преодолеть все предрассудки, с которыми постоянно вынуждена вести борьбу новая хозяйственная система, выписал для себя из имения Триглофф, принадлежащего барону Таддену, небольшое стадо племенных мериносов, которое в сентябре 1827 г. благополучно прибыло в Курро, и решил следующей весной с помощью ревизора разделить все мои пахотные земли на десятипольное севооборотное хозяйство.»⁵⁹ Сначала он практиковал переходный семипольный севооборот, затем в виде опыта ввел на одном из подмызков девятиполье, и с 1828 г. ввел правильный десятипольный севооборот: 1) пар, 2) рожь, 3—4) клевер, 5) пшеница и картофель, 6) ячмень, 7) пар, 8) рожь, 9) лён, бобовые, ячмень, 10) овес,⁶⁰ также и на основных полях им. Курру. Два года спустя Майдель поделился своим опытом перехода к плодосмену на страницах «Лифляндского ежегодника по сельскому хозяйству.»⁶¹

Майдель решительно выступал против слепого преклонения перед авторитетами, за настойчивое изучение естественных наук, связанных с сельским хозяйством. «Каждая страна, — пишет он, — должна преодолеть собственные климатические трудности в агрокультуре и то, что может сделать британец или нидерлан-

⁵⁸ ÖGB, 1825, Nr. 10, den 8. September, S. XXXIX.

⁵⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 2, с. 3.

⁶⁰ Там же, с. 93.

⁶¹ LjL, 6. Bd., 2. St., Dorpat, 1831.

дец, то климат и локальные условия не позволят осуществить уже жителю северной Германии и, тем более, нам. Поэтому не одни только авторитеты, а лишь оправданная практика и собственное суждение могут решать вопросы.»⁶² Одно лишь богатство специальной литературы и усвоение теории не позволит внедрить в практику опыт Запада. Посредством «сравнительных опытов ... нужно еще самому на собственной земле ... проверить эти теории ..., причем всякий раз при этом неизбежны неудачи и тем большие, чем меньше учитываются климатические и местные условия ... Также и здесь опыт должен явиться лучшим учителем.»⁶³

Тем помещикам, которые от трехполья собирались перейти к плодосмену, Майдель рекомендовал, во-первых, обеспечить себя по меньшей мере на 10% большим объемом барщинной рабочей силой, чем при трехполье, во-вторых, тщательно изучить состав и плодородие пахотных земель, ибо на бедной земле посевы клевера и картофеля себя не оправдают, в-третьих, тщательно подобрать наиболее подходящие к местным условиям севообороты.⁶⁴ Переход к плодосмену он рекомендовал осуществлять по возможности проще, разделить пашню на сравнительно небольшое число полей, самое большее на семь, не вводить поначалу слишком сложных севооборотов, начинать лишь с одного поля под кормовыми культурами. «Вообще по возможности оставаться при уже известном, так как благодаря этому труд будет сэкономлен, переход будет облегчен, потери уменьшены и земледельцы легче привыкнут к новому.»⁶⁵ Поля Майдель советовал разделить точно в соответствии с наличной барщинной рабочей силой. В случае же обнаружения ее излишка, рекомендовал создавать внешние или вспомогательные поля по возделыванию кормов.

Отмечая, что лучше всего в Прибалтике произрастает и окупается рожь, Майдель не советовал сильно сокращать ее посевы. Такое сокращение может позволить себе лишь тот, кого не интересует извлечение чистого дохода в ближайшее время. «Менее же состоятельного сельского хозяина может удовлетворить лишь такая полевая система, при которой возделывание зерновых и кормовых осуществляется параллельно с ростом культуры полей и, хотя и медленно, однако ведет к желаемой цели.»⁶⁶

Для перехода от трехполья к плодосмену Майдель советовал воспользоваться его опытом применения переходного семипольного севооборота: 1) сильно удобренный пар, 2) рожь, 3) $\frac{1}{4}$

⁶² ЦГИА ЭССР, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 3, с. 78.

⁶³ Там же.

⁶⁴ LjL, 6. Bd. 2. St., Dorpat, 1831, S. 204—209.

⁶⁵ Там же, с. 209.

⁶⁶ Там же, с. 211.

поля под клевером, $\frac{1}{4}$ — под викой на укос, $\frac{1}{4}$ — под бобовыми, $\frac{1}{4}$ — под картофелем; 4) ячмень, 5) пар, 6) рожь, 7) овес. Преимущества этой простой переходной системы Майдель видел в том, что при ней крайне незначительно по сравнению с трехпольем сокращается площадь под зерновыми (лишь на 10%), причем это небольшое сокращение сторицей окупается бобовыми, а картофель, клевер и сено из вики позволяют резко улучшить удобрение полей, благодаря чему сокращение удельного веса зерновых с лихвой компенсируется ростом их урожайности. К тому же ячмень приобретает очень выгодное для себя место в севообороте, картофелеводство, требующее больше всего труда, не слишком перенапряжено и зерновые почти всегда следуют за паром или каким-либо листовым растением.⁶⁷ Исходя из тэеровской методики расчета необходимых удобрений, Майдель приходит к выводу, что и с точки зрения обогащения почвы питательными веществами предлагаемый им севооборот доказывает свою выгодность.⁶⁸ Советы К. Г. Майделя использовались в дальнейшем многими помещиками.⁶⁹

*   *
*

Воссоздать более или менее полную картину эволюции и распространения различных форм плодосмена в прибалтийском помещичьем хозяйстве до 1860-х гг. пока что не представляется возможным, так как соответствующие массовые источники отсутствуют. Такие данные могла бы дать оценка имений в связи с предоставлением ипотечного кредита. Однако до 1860-х гг. таксационные оценки систему земледелия не учитывали. Разрозненные же многочисленные данные по отдельным имениям и районам свидетельствуют, что эволюция и распространение различных плодосменных севооборотов определялись прежде всего почвенными, экономическими и, особенно, рыночными условиями, соотношением цен на сельскохозяйственные продукты, а также распространением заболеваний различных растений.

Несоответствие социальных, почвенно-климатических и рыночных условий требованиям педантично понимаемого плодосмена, обнаружившаяся в 1840-е гг. тенденция к падению цен на шерсть и рост цен на зерно, одичание полей в результате слишком строгого применения ортодоксального плодосмена, чрезмерного расширения пашни, ввода в обработку худших земель и применения отсталой агротехники, ненадежность урожаев и относительно незначительное увеличение в связи с этим доходов

---

⁶⁷ Там же, с. 211—214.

⁶⁸ Там же, с. 218—221.

⁶⁹ Bericht des Estländischen landwirtschaftlichen Vereins für das Jahr vom 10. November 1850 auf 1851, S. 5—6.

помещиков потребовало значительной модификации севооборотов, приспособления их к реальным условиям производства и сбыта. Прежде всего была сокращена площадь под викой и горохом, поскольку их невозможно было с выгодой реализовать. В результате к концу 40-х гг. вика почти исчезла из севооборотов. Ввиду недостатка рабочей силы была уменьшена площадь под картофелем. Двухлетний клевер во многих местах был заменен однолетним,⁷⁰ т. к. барщинная производственная основа имений с трудом совмещалась с агротехникой возделывания многолетних трав. И, наконец, практика убеждала, что в местных условиях невозможно обойтись без паров. «Короче говоря, — писал пайстуский приходский судья М. фон Ген, — отощавший кошелек вызвал протест против строгой теории и также и здесь, как всегда, выиграл свой судебный процесс.»⁷¹ В Пярну-маа и Вильяндимаа в 1840-х гг. в помещичьем хозяйстве сложилась система земледения, характеризовавшаяся следующими чертами: а) возделывание картофеля осуществлялось на сравнительно небольших, наиболее пригодных для него площадях, часто он сажался после клевера, причем нередко на одном и том же месте культивировался два года подряд; б) обычно использовался однолетний клевер, который сеялся по ржи; в) зерновые нередко снова следовали друг за другом, г) вика исчезла с полей полностью, горох же играл лишь подчиненную роль.

М. Ген считал такие хозяйства плодосменными «лишь по названию»,⁷² поскольку, по его мнению, эти севообороты отличались от трехполья лишь тем, что в них втискивалось клеверное поле.⁷³ На самом же деле это, конечно, был все-таки плодосмен, т. к. сам принцип чередования разнородных культур (злаковых, клевера, картофеля и гороха) здесь соблюдался. Признаком известной правильности севооборотов был также и регулярный пар. Главный же недостаток этой системы земледелия состоял в том, что плодосмен не подкреплялся соответствующей системой агротехнических мер. А это, в свою очередь, вызывалось устарелостью производственных отношений, в рамки которых вторгался плодосмен. В первую очередь именно поэтому «ход так называемого плодосменного хозяйства, — пользуясь словами того же автора, — до сих пор в большинстве случаев был

⁷⁰ LJL, NR. 10. Bd, 3. H., Dorpat, 1849, S. 286.

⁷¹ Там же.

⁷² По-видимому, не только объективными изменениями в системе земледелия, но и различным содержанием, вкладывавшимся в понятие плодосмена, объясняется разноречивость источников о степени его распространения во второй четверти XIX в. Видимо, отчасти именно этим объясняется неожиданно массовое распространение плодосмена в помещичьем хозяйстве в соответствии со статистикой 1860-х гг., когда на плодосмен стали смотреть со значительно более широких позиций.

⁷³ LJL, NR, 10, Bd, 3. H., Dorpat, 1849, S. 287.

сомнительным, а часто даже ложным».⁷⁴ М. Ген коснулся самой сути проблемы, когда он спрашивал: «Возможно ли вообще осуществлять плодосменное хозяйство с выгодой для владельца и без ущерба для крестьян, предполагая, конечно, соблюдение всех законоположений о барщинных повинностях?»⁷⁵ В действительности плодосмен был несовместим с барщинной производственной основой имений и объективно, по технологическим и экономическим причинам требовал её устранения.⁷⁶

На рубеже 1840—50-х гг. в связи с заболеванием картофеля отмечается его вытеснение из севооборота и замена клевером, тимофеевкой, горохом, овсом с викой, турнепсом, репой, а также расширение чистых паров с тем, чтобы на лучших местах пара выращивать картофель два года подряд.⁷⁷ С переводом крестьян на денежную ренту и всё большим переходом имений на капиталистическую систему ведения хозяйства севообороты значительно интенсифицировались, расширилось возделывание кормовых культур и в больших объемах возделывался горох.⁷⁸

В целом полевые системы прибалтийских имений середины XIX в. определялись винокурением и животноводческим направлением хозяйства, низким качеством естественных лугов и пастбищ. По словам Стебута, они «характеризуются выгонными клинами, травосеянием, которому благоприятствует влажный климат страны, и значительным возделыванием картофеля, который отчасти заменяет зерно при винокурении».⁷⁹ Осознание пользы хороших полевых пастбищ для скота и особенно для меринсов было настолько всеобщим, что почти повсюду в 50-е гг. усиленно расчищались и осушались земли, а затем включались в выгонную полевую систему имений. Иногда для таких земель создавались отдельные запольные севообороты.

По свидетельству И. А. Стебута,⁸⁰ в 1850-х гг. в прибалтийских имениях на основных полях часто встречались следующие севообороты:

I.	1) удобр. пар	II.	1) удобр. пар
	2) рожь с клевером		2) рожь с клевером
3—4)	клевер		3) клевер
	5) яровые		4) картофель
	6) удобр. пар		5) яровые
	7) озимые		6) удобр. пар

⁷⁴ Там же, с. 291.

⁷⁵ Там же, с. 294.

⁷⁶ Подробнее см. В. Файнштейн, указ. соч., с. 196—206.

⁷⁷ Bericht des Estländischen landwirtschaftlichen Vereins für das Jahr vom 10. November 1850 auf 1851, S. 4, 9—10.

⁷⁸ ИМ ЭССР, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 43, л. 81; ед. хр. 54, л. 3.

⁷⁹ И. А. Стебут. Отчет об агрономическом путешествии в Остзейские губернии летом 1856 г. — Журнал Министерства государственных имуществ, 1857—3, ч. 64, Спб., 1857, с. 164.

⁸⁰ Там же, с. 166.

8) яровые

7) рожь

8) яровые

III. 1) удобр. пар

2) рожь

3) ячмень

4) клевер

5) картофель

6) яровая пшеница

7) ячмень

и в запольных севооборотах, на так называемых внешних полях, предназначенных главным образом для обеспечения скота кормами:

IV 1) удобр. пар V

1) пар

2) рожь

2) рожь

3—4) клевер

3) клевер

5—6) пастбище

4—7) пастбище

7) горох

8) овес с горохом

8) ячмень

9) овес

9) удобр. пар

10) рожь

11) яровые

Отчет постоянного секретаря Лифляндского общепольного экономического общества К. Гена о сельскохозяйственных экскурсиях 1861 г. в общем подтверждает эту картину. Но удельный вес клевера и клеверных пастбищ в приводимых им севооборотах был несколько выше.⁸¹ К этому времени различия в севооборотах все в большей мере начали определяться степенью перехода имений на капиталистические основы ведения хозяйства.

Из перешедших к 1860-м гг. на плодосмен 75% эстляндских имений во всех применялось травосеяние, в том числе в 32,7% общего числа имений травосеяние дополнялось полевыми пастбищами.⁸² Приведенные материалы официальной статистики мы перепроверили таксационными делами 36 частовладельческих имений, в которых в 1868—72 гг. была проведена оценка с учетом господствующей системы земледелия.⁸³ При этом выяснилось следующее: в 4-х имениях еще сохранялось трехполье, в 5-и — четырехполье, как правило, с картофелем (т. е. всего на трех- и четырехполье оставалось 25% обследованных имений), из имений, перешедших на плодосмен, в 4-х использовался однолетний, в 17-и — двухлетний клевер, и в 6-и — клевер и клеверные пастбища. Довольно часто в имениях практиковалось в

⁸¹ LfL, NR, 15., Bd. 1. H., Dorpat, 1862, S. 3, 25, 33, 38, 47.

⁸² Die landwirtschaftliche Statistik von Estland im Jahre 1867, nach Kirchspielen zusammengestellt. Reval, 1871, S. 58.

⁸³ ЦГИА ЭССР, ф. 2486, оп. 1, ед. хр. 2879 и последующие.

зависимости от качества земель и преследуемой цели несколько севооборотов, особые севообороты использовались на основных, внешних полях и подмызках, различались т. н. «картофельные» и «пастбищные» участки с различными севооборотами. Нередко в одной ротации использовался клевер, но не было картофеля, а в другой, — напротив, культивировался картофель, но не возделывался клевер.

В северной, эстонской части Лифляндии в 1862 году 12,8% ответивших на анкету имений оставались на трехполье, 3,6% — на четырехполье, 74,4% вели земледелие по многопольной системе и 7,9% имений не ответили на поставленный вопрос.

Севообороты на основных полях помещичьих хозяйств южной Эстонии по данным годовых отчетов за 1862/63 экономический год (численность имений)

Система земледелия	Уезды				Итого по матери- ковой части южной Эстонии		Сааремаа
	Тартумаа	Вильяндимаа	Пярнумаа	Вырумаа	Число имений	% имений	
1	2	3	4	5	6	7	8
Двухполье							1
Трехполье, в т. ч.							
«сложное»	1	2	3	3	9	22	42
Четырехполье	1	3	1	3	8		1
Нерегулярный много- польный севооборот		4			4		23,4
Многополье без клеве- ра		1			1		
Плodosмен:							
с 1 полем							
под клевером	2	5			7	72	
с 1 полем под клеве- ром и 1 под карто- фелем	4	4	3	1	12		1
с 2 полями под клевером	—	4	2	2	8		
с 2 полями под кле- вером и 1 под карто- фелем	12	5	1	4	22		76,6
с 3 и больше полями под клевером и кле- верными пастбищами и 1 полем под карто- фелем	3	10	2	8	23		2
Итого по материковой части южной Эстонии	23	38	12	21	94	100	47

Сохранившийся первичный материал, на базе которого было сделано это обобщение, позволяет воссоздать следующую картину распространения систем земледелия в помещичьих имениях южной Эстонии.

Таким образом, на материковой части южной Эстонии свыше $\frac{3}{4}$ имений к 1860 годам находилась на плодосмене, причем в большей части имений использовался многолетний клевер. На островной же части южной Эстонии еще продолжало господствовать трехполье.

В латышской части Лифляндии соответствующие цифры выглядят следующим образом: 21,3% — на трехполье, 5,4% на четырехполье, 64,8% на многополье и 8,4% ответа на дали.⁸⁴ Кроме указанных, некоторое распространение в прибалтийских имениях имели и другие системы земледелия. Так, Г. Строд зафиксировал использование восьми различных систем земледелия, в т. ч. и двуполья.⁸⁵ Однако, по нашим наблюдениям, их использование было сравнительно ограниченным.

Не вызывающая сомнений массовость распространения плодосмена в эстляндском и лифляндском помещичьем хозяйствах к началу 60-х годов является безусловным свидетельством того, что сдвиг к плодосмену начал осуществляться здесь сравнительно давно. Если же придерживаться мнения, что и в 1840-х годах здесь господствовало трехполье, то придется предположить, что на каком-то этапе еще в условиях господства барщины прибалтийское помещичье хозяйство обрело необъяснимую способность к чрезвычайно быстрым качественным преобразованиям системы земледелия.

До тех пор, пока господствующей оставалось отработочная форма ренты и пашня крестьянских дворов слагалась из «шнуровых участков», крестьяне не могли перейти на использование плодосмена. С переходом же крестьян на денежную ренту и с выделением усадеб в хутора плодосмен распространяется также и в крестьянском хозяйстве. В единичных случаях это отмечается еще в 1830 гг., несколько шире в 1840—50 и особенно широко с 1860 гг.

⁸⁴ Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels, zweiter Jahrgang, Riga, 1864, S. 205.

⁸⁵ H. Strods, указ. соч., с. 60—61.

DER UMSCHWUNG ZUM FRUCHTWECHSEL IN DER GUTSWIRTSCHAFT DER OSTSEEPROVINZEN RUSSLANDS (AN HAND DES BEISPIELS DER GUTSWIRTSCHAFT IN ESTLAND)

V. Fainstein

Zusammenfassung

Der Mangel an systematischen, zusammengesetzten Angaben erschwert die Aufklärung der Evolution des Ackerbausystems der Gutswirtschaften in den Ostseeprovinzen Russlands in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Daher droht eine offenbare Gefahr, daß man bei der Behandlung vereinzelter Beispiele und Archivquellen die Grundlinien der Entwicklung des gutsherrlichen Ackerbausystems ausser Acht zu lassen.

An Hand der direkten verallgemeinerten Angaben der Zeitgenossen werden die Schlussfolgerungen unseres schon früher veröffentlichten Artikels (siehe die VII. Lieferung dieser Reihe) einerseits bestätigt, andererseits konkretisiert, sowie der Übergang zum Fruchtwechsel auch in Livland betrachtet.

Bis zum zweiten Viertel des 19. Jahrhunderts bewegte sich das Ackerbausystem der hiesigen Gutswirtschaften zwischen dem Drei- und Vierfeldersystem. Das Verhalten der meisten Gutsherren zum Fruchtwechsel war in dieser Zeit negativ, da der Fruchtwechsel äusserst orthodox aufgefasst wurde und die Gutsherren noch nicht verstanden, welchen Nutzen das neue Ackerbausystem mit sich bringt.

In der Folge, während zwei — drei Jahrzehnten wurde der Klee in die Fruchtfolge der meisten privaten Güter von Estland und Livland (ausgenommen ihr Westteil) eingegliedert. Das ist ein überzeugendes Zeichen des Übergangs zum regulären Fruchtwechsel. Die Angaben der offiziellen Statistik, sowie Äusserungen der Präsidenten der adligen landwirtschaftlichen Gesellschaften und Zeitgenossen über die Verbreitung des Fruchtwechsels werden sehr gut mit dieser Schlussfolgerung überein.

Eine besonders grosse Rolle im ziemlich raschen Übergange zum Fruchtwechsel spielte in den 20-er und 30-er Jahren des vorigen Jahrhunderts die Konkurrenz des billigen Branntweins und Korns der inneren Gouvernements Russlands, die den Schlüsselzweig der hiesigen Gutswirtschaft, von dem alle anderen Zweige abhängig waren, zu untergraben drohte.

Anfänglich versuchten viele Gutsbesitzer die in Deutschland angewandten Fruchtfolgen in unveränderter Gestalt auf örtlichen Boden zu übertragen. Die Verschiedenheit der Boden- und Klimaverhältnisse forderte aber die experimentelle Ausarbeitung von geeigneten Fruchtfolgen. Im Artikel werden die besonders

gelungenen Beispiele einer solchen Arbeit angeführt (Erfahrung von Christoph von Brevern, von zur Mühlen und K. G. von Maydell).

Im Ganzen wurde die Evolution und Verbreitung verschiedenartiger Fruchtfolgen durch Boden-, Ökonomie- und besonders durch Marktverhältnisse, wie auch durch Verbreitung von Pflanzenkrankheiten bestimmt und modifiziert.

Den Hauptmangel des Fruchtwechselsystems der baltischen Gutswirtschaften im zweiten Viertel des 19. Jahrhunderts sieht der Verfasser darin, dass dieses System in der Regel mit den entsprechenden agrotechnischen Massregeln nicht unterstützt wurde, da die veralteten Feudalverhältnisse beibehalten wurden.

Im Artikel werden ausführliche Angaben über Fruchtfolgen auf Feldern der Hauptgüter Nordlivlands im Jahre 1862 angeführt. Die massenhafte Verbreitung des Fruchtwechsels zu dieser Zeit ist ein deutliches Zeichen dafür, dass der Umschwung zum Fruchtwechsel hier schon längst begonnen hatte.

XVIII SAJANDI EESTIMAA ADRAMAAREVISJONIDE ANDMETE USALDUSVÄÄRSUSEST

H. Ligi

Üldajaloo kateeder

Viimase kahe aastakümne jooksul on suuresti kasvanud feodaalaja uurijate huvi massilisi statistilisi andmeid sisaldavate ajalooallikate vastu. Ajaloolaste seas võtab järjest enam maad veendumus, et põhiliste sotsiaal-majanduslike protsesside uurimiseks on selliste allikate teaduslikku käibesse lülitamine hädavajalik. Hinnatavat tööd meie feodaalaja lõpuperioodi ühe tähtsaima allika — 1782.—1858. a. Eestimaa kubermangu hingeloenduste materjalide allikakriitilisel läbitöötamisel ja nende põhjal talurahva demograafilise arengu jälgimisel kolmveerand sajandi pikuse ajalõigu vältel on teinud S. Vahtre.¹

Ka hingeloenduste-eelse ajajärgu uurijatel ei ole põhjust kurta allikate nappuse üle. Eesti NSV Riiklikus Ajaloo Keskarchiivis, Vanade Aktide Riiklikus Keskarchiivis Moskvas, aga ka teistes archiivides on säilinud väga ulatuslik, mitmesuguseid statistilisi andmeid sisaldav allikmaterjal. Talurahva- ja agraarajaloo uurimise seisukohast tuleb eriti esile tõsta fiskaalsetel eesmärkidel toimunud XVIII saj. adramaarevisjonide käigus kogutud andmeid.

Eestimaal korraldati ajavahemikus 1725—1774 8 adramaarevisjoni: aastail 1725—1726, 1732, 1739, 1744, 1750—1751, 1756—1757, 1765 ja 1774. Neile lisandub andmete laadilt, eriti aga usaldusväärse astmelt tublisti erinev 1712. a. inkvisitsioon. 1756.—1757. a. revisjoni materjalid asuvad Moskvas Vanade Aktide Riiklikus Keskarchiivis, kõik ülejäänud Tartus Eesti NSV Riiklikus Ajaloo Keskarchiivis. Nende kogumaht küünib 35 000 leheni.

Adramaarevisjonide käigus kogutud andmetele hakati tõsisemat tähelepanu pöörama alles 1950-ndatest aastatest alates. Nendest on püütud leida tuge kõigepealt XVIII sajandi Eestimaa põllumajanduse ja talurahva olukorra jälgimisel.² Samuti on neid

¹ S. Vahtre. Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeil (1782—1858). Tln., 1973.

kasutatud Eestimaa kubermangu XVIII sajandi demograafiliste protsesside uurimisel.³

Kuid adramaarevisjonide rikkalikust andmestikust on seni kasutatud siiski vaid väikest osa. Pole kahtlust, et edaspidi pälvivad nad märksa enam XVIII sajandiga tegelevate ajaloolaste tähelepanu.

XVIII saj. adramaarevisjonide ajaloost on ulatusliku ülevaate andnud I. Sildmäe. Et kogutud andmestiku usaldusväärsust ei ole tema ega ka teised autorid selgitada püüdnud,⁴ on põhjust selle juures allpool veidi pikemalt peatuda.

1725.—1726. a. revisjon viidi läbi senati 18. jaan. 1725. a. ukaasi alusel. Üksikasjalikud ettekirjutused sisaldasid Eestimaa kindralkuberneril plakatis 15. sept. 1725. a. Kõiki mõisavaldajaid kohustati esitama määratud formulari järgi koostatud vakuraamat. Hilisemate revisjonide vakuraamatute formularist (vt. lk. 98) erines ta selle poolest, et puudusid lahtrid loomade ja koormiste tarvis. Nagu hiljem näeme, oli kõige olulisem siiski andmete kontrollimise meetodi erinemine.

1732. a. revisjoni aluseks oli kubermanguvalitsuse instruksioon maakondlike inkvisitsioonikomisjonide eesotsas seisvatele maanõunikele 1732. a. juuli algusest. Kuna selle põhjal viidi läbi mitte ainult 1732. a. revisjon, vaid ta mõjutas oluliselt ka järgnevate revisjonide korra kujunemist, refereerime allpool instruksiooni seda osa, millel on tähtsust revisjonimeetodi ja sellega ühtlasi ka meid huvitava andmestiku objektiivsuse hindamisel.

Maakondlikel inkvisitsioonikomisjonidel kästi teatada mõisnikele aeg, millal need oma mõisa kubjaste, kiltrite, hirsnike ja kõigi taluperemeestega pidid ilmuma kindlaksmääratud kohta. Mõisnikke kohustati komisjonile esitama kahes eksemplaris vastava formulari järgi koostatud ning vandega kinnitatud vakuraamat talude seisukorra ja vara ning nende teokoormiste ja andamite kohta. Ettenähtud ajal kohaleilmunud valitsejad, kupjad, kiltrid ja mõned vanad ning usaldusväärsed taluperemehed, kes võivad anda mõisa ja talude seisukorra ja vara kohta kõige pare-

---

² J. Konks. Eestimaa feodaal-pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX saj. I. aastakümnel. — TRÜ Toimetised, vihik 96. Tartu, 1960; I. Sildmäe. Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil. — TRÜ Toimetised, vihik 122. Tartu, 1962; H. Ligi. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tln., 1968; H. Ligi. Veoloomadest Eestis feodalismi perioodil. — Etnograafiamuuseumi aastaraamat, 24. Tln., 1969, lk. 194—222.

³ J. Konks. 1712. aasta revisjonist Eestimaal. — TRÜ Toimetised, vihik 114. Tartu, 1961, lk. 253—263; H. Ligi. Talurahva arvu dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil (adramaarevisjonide andmeil). — In: Studia historica in honorem Hans Kruus. Tln., 1971, lk. 223—256; H. Ligi. Talurahva arv ja paiknemine Eestimaal XVIII sajandil. In: Uurimusi Läänemere- ja Eestimaa ajaloost I. — TRÜ Toimetised, vihik 316. Tartu, 1973, lk. 231—301.

⁴ Erandiks on 1712. a. inkvisitsioon. Lähemalt vt. H. Ligi. Talurahva arvu dünaamikast, lk. 224—225 ja 229—231.

maid andmeid, vannutatakse.⁵ Enne seda manitsetakse neid kõnelema ainult tõtt. Need «vannutatud mehed» peavad andma teateid mõisa ning karjamõisate põldude ja võsapõldude suuruse ja kvaliteedi, põldude väetamise ja harimise, samuti umbkaudse aastase külvi suuruse üle. Seejärel päritakse andmeid veskite, kõrtside, heina- ja karjamaade, järvede, jõgede, kalapüügi, metsade ja teiste tulusid andvate päraldiste kohta. Samuti küsitakse talupoegadelt, kui palju on igas talus parajasti tööjõulisi mehi ja naisi, kui palju vanu ja invaliide (samuti mehed ja naised eraldi), kui palju alla 15 aastasi poisse ja tüdrukuid. Edasi tuleb küsida, kui palju on hobuseid ja kariloomi, kui palju «maid ehk adramaid», kui suur osa maast on viljelusel ning kui suur osa tühi, kui palju on iga talupoeg kohustatud tegu tegema ja andmeid andma ning kui palju ta momendil suudab teha. Teateid nõutakse veel teiste mõisnike pärustalupoegade, samuti mõisa piires elavate vabade kohta. Riigimõisate revideerimise puhul peavad vannutatud talupojad vastama veel mitmetele teistele küsimustele. Lõpuks konsstateeritakse instruksioonis, et kuna kroonu patendis on sõnaselgelt kästud igal mõisnikul ja valitsejal oma talupoegade vara kohta kaasa tuua õiged ja vandega kinnitatud vakuraamatud, pole komisjonil vaja palju aega nende peale kulutada. Nende kohta tuleb vaid nii lühidalt kui võimalik mõisniku, ja kui vaja, ka valitseja eemal olles igalt peremehelt teateid küsida ning kui need erinevad mõisniku poolt esitatutest, tuleb asi järele uurida. Eriti on aga revideerivad komissarid kohustatud hoolitsema selle eest, et ükski mõis ega talu revisjonist välja ei jääks, vaid et kõikide kohta esitataks vakuraamatud ning et vanade ja vigaste hulka ei satuks ükski tegelikult veel tööjõuline inimene või jällegi laste hulka ei satuks keegi, kes on juba 15 aastat vana.

18. juulil 1739. a. avaldati kindralkuberner Douglase allkirjaga plakat uue adramaade revisjoni läbiviimise kohta. Plakatis kohustati kõiki mõisnikke andma «lühikesed, kuid usaldusväärsed andmed» mõisa seisukorra ja tema päraldiste, niisamuti talupoegade ja nende vara, maa ja koormiste kohta. Trükitud plakati järgi otsustades oli esialgu kavas inkvisitsioon toime panna Tallinnas: mõisnike kohustati esitama vakuraamatud kahes eksemplaris kindralkubermangu kammerkontorile septembri keskpaigaks, milal inkvisitsioonikomisjon pidi Tallinnas tööd alustama.⁶ Sellest

⁵ 1732. ja 1739. a. revisjoni puhul kasutatud talupoegade vande tekst oli järgmine: «Minna vannun Jummal ja se ausa Kochto ehs, et minna keistik, mis minnult meie omma valla ja võhra Rahwa pohlest (riigimõisate talupojad lisavad siia: ningk keick moisa asjate perralt) sab kussitut, ningk minna aggast tean, se oige, puchta ja selge Tössitus tahhan tunnistada, ningk welja-rekima, ja üchtikit erra salgama; ni wist kui mind Jummal ja temma puhha Evangelium peab aitma, Ihho, Hinge, ningk keick minno Wilja ja Warra pohlest! (ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 465, l. 358 ja s.-ü. 472, l. 57). 1715.—1716. ja 1726. a. revisjoni puhul kasutatud vandetekstid vt. J. K o n k s. Eestimaa feodaalpäris-orjuslik põllumajandus, lk. 19 ja 24.

⁶ ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 432, l. 246—247.

plaanist on aga peatselt loobunud ja tegelikult viidi see revisjon niisamuti nagu eelmine, 1732. a. omagi läbi maakondlike inkvisitsioonikomisjonide poolt kihelkondades. Uhes publikaadi eksemplaril ongi tehtud vastavad parandused.⁷ 18. juuli plakati juurde kuulus ka revisjoni vakuraamatu formular. Kuna kõigi hilisemate revisjonide vakuraamatute formularid olid täpselt samasugused, esitame selle, lootes, et see aitab luua paremat ettekujutust revisjonide käigus talumajandi kohta kogutud andmestiku laadist.⁸ 1732. a. formular⁹ erines vaid selle poolest, et peremehed tuli kanda ühte ja samasse lahtrisse poegade ja sulastega, perenaised aga sulaste naiste, tütarde ja teenijatega.

Revisjoni korra määras kindlaks 1739. a. 8. septembri instruksioon. Viimasest õnnestus leida vaid üks rohkete parandustega mustandeksemplar.¹⁰ Maakondlike inkvisitsioonikomisjonide protokollid ei jäta aga kahtlust, et komisjonid tegelikus töös sellest juhindusid.¹¹ Kuna 1739. a. 8. sept. instruksioon oli aluseks kõigi hilisemate revisjonide instruksioonidele, esitame järgnevalt selle põhipunktid.

Maakondlikel instruksioonikomisjonidel kästi hoolega jälgida, et komisjonile esitatavad vakuraamatud oleksid alla kirjutatud ja vandega kinnitatud mõisnike eneste, mitte aga valitsejate või muude volinike poolt. Ainult üks vakuraamatu eksemplar pidi olema täidetud, teise tuli mõisnikel kirjutada vaid taluperemeeste nimed, komisjoni sekretäri aga kohustati sinna kandma inkvisitsiooni ajal kindlakstehtud andmed. Enne küsitlemise algust pidi pastor kõiki talupoegi hoiatama vaelevande andmise eest. Seejärel tuli kõik taluperemehed vannutada ja siis iga talupoega teiste juuresolekul küsitleda mõisniku poolt täidetud vakuraamatus leiduvate andmete tõepärasuse üle. Seejuures avaldatakse instruksioonis lootust, et ehkki inkvisitsiooni juures ei viibi ükski vannutatud riigiametnik, toimivad maanõunikud ja ülejäänud komisjoni liikmed siiski antud vande ja südametunnistuse järgi ning teevad kindlaks õiged andmed «vaatamata isikule» (s. t. vaatamata sellele, millise feodaali mõisaga on tegemist). Eriti kohustati komisjoni valvama selle järele, et ükski tööjõuline alla 60 aasta mees ei satuks vanade ja invaliidide lahtrisse ning ükski 15 aasta piiri ületanud nooruk laste hulka.

Seejärel tuli komisjonil lasta enda ette tuua kõik revideeritava mõisa meessoost talupojad ja nad üle vaadata. Et vältida vaelevannete andmist, pidi igas kihelkonnas inkvisitsioonile ilmuma ka kohalik pastor, kel tuli kaasa võtta meetrikaraamat, et vaja-

⁷ ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 472, l. 21.

⁸ Sealsamas, s.-ü. 432, l. 248 jj.

⁹ Sealsamas, s.-ü. 465, l. 356.

¹⁰ Sealsamas, s.-ü. 472, l. 131.

¹¹ Erandiks on Läänemaa inkvisitsioonikomisjon, mis pidas kinni 1732. a. inkvisitsiooni vannutamise ja küsitlemise korrast.

1739. a. revisjoni vakuramatu formular

Asustatud	Adramaid	
Tühjad		
Küla ja talu nimi		
Peremehed	15—60 aas- tased töö- jõulised inimesed	Pere seisukord ja vara
Pojad ja sulased		
Perenaised		
Sulaste naised, tütreid, teenijad		
Mehed	Vanad ja viga- sed	Lapsed, kes veel ei tööta
Naised		
Poisid		
Tüdrukud		
Hobused	Loomad	
Varsad		
Härjad		
Lehmad		
Noorveised	Teopäevi nädalas	Talude tegu ja andamid
Aasta ringi rakendiga		
Abitegu suvel jalgsi		
Raha		
Rukist	Andamid aasta jooksnul	
Otra		
Kaera		
Lambaid		
Kanu		
Mune		
Linast lõnga		
Heina		
Puid		
Kotte		

duse korral talupoja vanust kontrollida. Komisjon pidi protokolli alla kõik erinevused mõisniku poolt esitatud ja inkvisitsiooni käigus kindlakstehtud andmete vahel. Tööjõuliste meeste arvu sihiliku vähendamise korral ähvardas süüdlasest karistus.

Järgmiste revisjonide instruksioonid ei toonud õieti midagi uut revisjonide läbiviimise korda ja suuremalt osalt nendes vaid korrati 1739. a. instruksiooni sätteid.

On leitud, et kõige usaldusväärsemaid andmeid olevat andnud 1725.—1726. aasta revisjon.¹² Seevastu ei võimaldanud «1732. a. revisjoni andmete kogumise meetod sellist tõepärasust, kui see oli olnud eelmise revisjoni puhul...»¹³ Kuna ka järgmiste revisjonide puhul kasutati põhiliselt sama meetodit, siis on kahtluse alla pandud ka hilisemad revisjonid. Seepärast püüame järgnevalt võrrelda 1726. ja 1732. a. revisjoni andmete kogumise meetodeid.

Nii 1726. kui ka 1732. a. (ja ka hilisemate) revisjonide puhul lähtuti mõisnike esitatud vakuraamatutest. Mõlemal korral kontrolliti ja korrigeeriti mõisnike andmeid talupoegade küsitlemise kaudu saadud andmete alusel. Kuid erinevalt hilisematest ei viidud 1726. a. revisjoni läbi kohapeal, kihelkondades, vaid Tallinnas. Samuti ei kuulatud 1726. a. ära kõiki taluperemehi, vaid ainult mõned selleks otstarbeks mõisniku poolt Tallinna saadetud talupojad. Pole vist põhjust kahelda, et hilisemate revisjonide ajal ülekuulatud kõikide talude peremehed võisid anda oma pere suuruse ning meeste vanuse, samuti loomade arvu ja muu kohta palju täpsemaid ja usaldusväärsemaid andmeid kui 1726. a. Tallinna kutsutud üksikud talupojad mõisa kõigi talude kohta. Lisagem, et 1726. a. revisjoni ajal ei kasutatud mõisnike esitatud andmete kontrollimiseks ei kohapealset talupoegade ülevaatust ega ka meetrikaraamatuid. Pole vahest ka ülearune märkida, et mõisnikul (või valitsejal) oli palju kergem vaelevandumisele sundida 1726. a. ülekuulatud, ta enda poolt väljavalitud paari talupoega kui hilisemate revisjonide puhul kõiki taluperemehi.

¹² I. Sildmäe. Feodaal-pärisorjusliku tootmise dünaamikast, lk. 24.

¹³ Sealsamas, lk. 34. — I. Sildmäe järgi tulnud Apraksini 1725. a. 15. sept. plakati kohaselt mõisnikul komisjoni ette kaasa tuua peale mõisavalitseja ja kupja veel kaks või rohkem vana talupoega (I. Sildmäe. Feodaal-pärisorjusliku tootmise dünaamikast, lk. 24). Tegelikult aga nõuab plakat viimaste kaasavõtmist vaid juhul, kui valitsejat ja kubjast kaasa tuua ei ole. Nii öeldakse trükitud saksakeelses plakatis: «... jeder Possessor nebst seinen Amptmann und Kubjas oder in Ermangelung dessen mit zwey oder nach Befinden mehrer alten Bauren...» ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 432, l. 45). Sama leiame venekeelsest originaalist: «... А у кого прикащики и кубиясы неимеются, тем приводить по два человека, или по рассмотрению, и старших крестьянъ» (ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 457, l. 42). Komisjoni protokollidest ilmneb, et mõisnikud on toiminud üsna suvaliselt. Leidub üksikuid, kes on Tallinna saatnud nii valitseja, kupja kui ka mõne (1—6) talupoja. Enamikul on vaid kubjas ja paar talupoega, seda eriti väiksemates mõisates, kus valitsejat polnud. Leidub neidki mõisaid, kust on kohal vaid kubjas (Järvajõe) või ainult üks talupoeg (Orgmetsa, Ageri, Norra).

Nende kaalutluse paikapidavust kinnitab revisjoniprotokollide vaatlus: just 1726. a. revisjoni puhul on komisjoni poolt tehtud paranduste arv silmatorkavalt väike. Kui hiljem kohtame mõisaid, kus komisjon ei ole parandusi teinud, väga harva, siis 1726. a. on see tavaline. Hageri kihelkonna 19 mõisast ei ole komisjon tervelt 10 puhul mingeid parandusi teinud. Ka ülejäänud 9 mõisas on parandused üsna väikesed.

1726. a. revisjoni usaldusvärsuse kahjuks kõneleb eriti selgesti selle käigus kirjutatud talupoegade arvu võrdlemine hilisemate revisjonide vastavate arvudega. Talupoegade arvu keskmine aastane juurdekasv oli ajavahemikus 1726—1732 Harjumaal 2,7, Virumaal 4,2, Järvamaal 3,2, Läänemaal 1,9, Hiiumaal 2,7 protsenti.¹⁴ Ajavahemiku 1732—1739 vastavad arvud olid 2,4, 2,5, 1,6, 2,6 ja 0,1. Hiljem on keskmine aastane juurdekasv kõikjal (peale Hiiumaa) veel tublisti madalam. 1726—1732. a. juurdekasv oleks mõeldav vaid väga suure immigratsiooni korral.

Niisiis viitab kõik sennapoole, et 1732. a. ja eriti hilisemate inkvisitsioonide kord võimaldas saada objektiivsemaid andmeid kui 1726. a. kasutatud meetod. Hilisemate revisjonide andmete ebausaldatavust on oletatud nähtavasti eelkõige sellepärast, et maakondlikud inkvisitsioonikomisjonid koosnesid aadlikest ja pealegi kohalikest. Niisiis tuleb meil järgnevalt püüda vaadelda inkvisitsioonikomisjonide tööd kohapeal. Kõrvalmärkusena olgu tähendatud, et ka 1726. a. inkvisitsioonikomisjoni eesotsas seisnud asekuuberner Löwen oli kohalik aadlik, kameriir Friesell Tallinna sakslane ja kolmandast liikmest ooberst Bielskist sai samuti kohalik mõisnik.

1732. aastast alates viidi revisjonid läbi kubermanguvalitsuse poolt kinnitatud maakondlike inkvisitsioonikomisjonide poolt. Viimased koosnesid neljast (harva kolmest) liikmest (kaks vastavast maakonnast valitud maanõunikku ja kaks sama maakonna aadlikku) ja sekretärist, kelle ülesandeks oli protokolli pidamine ja inkvisitsiooni käigus kindlakstehtud andmete märkimine vakuraamatu tühja eksemplari, nn. komisjoni vakuraamatuusse. Maakondlike komisjonide praktilist tööd valgustavad nende poolt inkvisitsioonile kutsutud mõisnikele saadetud ringkirjad. Nii teatas Järvamaa 1732. a. inkvisitsioonikomisjon oma kirjas 11. sept. 1732. a., et vastavalt kindralkubermangu 3. juuli orderile alustab komisjon 1732. a. 12. sept. Käravete mõisas Ämbla kihelkonna mõisate revideerimist.¹⁵ Käravete ja Raka, Linnapää ja Kukevere mõisate valdajaid kohustati selle päeva varahommikul saatma komisjoni ette valitsejad, kupjad, kiltrid, mõisavallas elavad sakslased «ja teistest rahvustest inimesed», kõik peremehed, vabadikud, kodapoolsed, vanad ja invaliidid, samuti vallas elavad nn. võõrad — teiste mõisate pärisorjad. Samuti kästi kohale tuua vaku-

¹⁴ H. Ligi. Talurahva arvu dünaamikast Eestimaal, lk. 18.

¹⁵ ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 465, l. 326.

raamatud kahes eksemplaris. Nimetatud mõisaid kohustati hoolitsema komisjoni kostitamise eest ning muretseda moona 12 hobusele. Refereeritud kiri tuli pärast teate kättesaamist kinnitava allkirja andmist toimetada ühest nimetatud mõisast teise. Järgmiseks päevaks pidi kiri olema tagasi Käravetel. Samasisuline kiri saadeti järgmisel päeval Räsna, Roosna, Nõmmküla ja Jäneda mõisasse.

1739. a. 17. sept. saatis Järvamaa inkvisitsioonikomisjon kõikidesse kihelkondadesse ringkirjad uue inkvisitsiooni läbiviimise kohta. Neist ilmneb, et komisjonil oli välja töötatud täpne graafik, mille kohaselt töö kaks kuud hiljem pidi toimuma. Mõisnikel kästi komisjoni ette saata «valitseja, kubjas, kilter, kõik peremehed ja kõik meessoost hinged, kes igas vallas leida, samuti need lapsed, kes veidi abiteoks kõlblikud on».¹⁶ Virumaa 1739. a. inkvisitsioonikomisjoni kohustati kohale saatma kõik meeshinged peale sülelaste.¹⁷

Inkvisitsioonikomisjonide istungite protokollid on oma laadilt õige erinevad. Mõni sekretär piirdub paari pealiskaudse lausega istungi aja ja koha kohta, teised aga annavad õige üksikasjalise ülevaate komisjonide tööst.

Ei ole päris selge, kas peale Järvamaa ka teistes maakondades kutsuti kohale mitte ainult peremehed, vaid kõik talupojad juba 1732. a. revisjoni ajal. Igatahes teatavaid erinevusi maakondlike komisjonide töös oli. Läänemaal vannutati ainult valitseja, kubjas ja mõned «vanad ning usaldusväärsed» peremehed. Just nendelt «vannutatud meestelt» saadigi 1732. a. vastused instruksiooni mõisamajapidamise kohta käivatele küsimustele.¹⁸ Mõisnike poolt talude kohta antud teadete paikapidavust kontrolliti Läänemaal 1732. ja 1739. a. selliselt, et üksteise järel kutsuti komisjoni ette taluperemehed ja küsitleti vannutatud talupoegade juuresolekul igaüht tema talu inimeste ja loomade ning vähemalt kohati ka koormiste suhtes. Saadud andmed kantigi vakuraamatu tühja eksemplari. Ka viimaste täitmisel ei ole toimitud ühtviisi. Harjumaal kanti 1732. a. komisjoni vakuraamatusse ainult need inkvisitsiooni käigus kindlakstehtud andmed, mis erinesid mõisnike poolt esitatud andmetest. 1739. a. täideti Harjumaal komisjoni vakuraamatutes ainult talu elanike jaoks reserveeritud lahtrid, loomade arvu ja koormiste suurust üles tähendada «leiti olevat tarbetu sellepärast, et kõik oli kooskõlas vakuraamatuga».¹⁹ Sama kordus 1744. a., millal «neid andmeid küll kõikide talupoegade puhul

¹⁶ ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 472, l. 58.

¹⁷ Sealsamas, l. 113.

¹⁸ 1732. a. revisjoni instruksioonis ettenähtud andmeid eramõisate mõisamajapidamise kohta nõuti tegelikult ainult Lääne- ja Harjumaal. Viimases maakonnas märgiti peale selle veel taliviljakülvi suurus ühele adramaale. 1739. a. peale ei esitatud ka nendes maakondades eramõisate revideerimisel talupoegadele küsimusi mõisamajapidamise kohta.

¹⁹ ENSV RAKA, f. 1, nim. 2, s.-ü. 473, l. 2.

järele küsiti, täitmine aga leiti olevat ülearune sellepärast, et nad on ühesugused ülesantud vakuraamatuga ja nende täitmine nõuaks palju aega».²⁰ Analoogiliselt toimiti ka ülejäänud revisjonide puhul, kuid 1750. a. komisjoni vakuraamatutesse kanti ka loomade arv. Võimalik et põhjuseks oli 1750. a. ränk loomakatke. Läänemaal on komisjoni vakuraamatud täielikult täidetud 1732., 1750. ja 1765. a. Seevastu 1739. a. märgiti üles vaid inimeste arv; loomad ja koormised pandi kirja vaid nendel vähestel juhtudel, kui talupoegadelt kuulnud andmed erinesid mõisnike omadest. 1744. ja 1774. a. komisjonid täitsid ainult inimeste kohta käivad lahtrid. Järvemaal täideti 1732., 1739. ja 1744. a. komisjoni vakuraamatud täielikult, 1750. a. alates aga vaid inimeste kohta käiv osa. Virumaal tehti 1732. a. parandused mõisniku vakuraamatusse, teine eksemplar jäeti hoopis täitmata. 1739., 1744. ja 1750. a. komisjoni vakuraamatutesse kanti andmed nii inimeste kui ka loomade, 1765. ja 1774. a. omadesse ainult inimeste kohta.

Inkvisitsioonikomisjonide protokollidest nähtub, et alates 1739. aastast nõuti vähemalt kõigi töövõimelistena arvesse tulevate meessoost talupoegade komisjoni ette saatmist. Esineb juhtumeid, kus mõne mõisa revideerimine on lükatud edasi sellepärast, et kohale polnud toodud poeglapsi.²¹ Nagu eespool juba nägime, polnud vanusepiir seejuures päris kindel. Purdi mõisa 1744. a. revisjoni protokollist loeme: «Seejärel toimus talupoegade ülekuulamine perehaaval ja kohal olid kõik meesisikud kaheksandast eluaastast peale...»

Samuti selgub protokollidest, et 1739. a. revisjonist alates on kõikjal inkvisitsiooni juures viibinud ka vastava kihelkonna pastor. Kui pastori koht kihelkonnas oli vakantne, pidi kohal olema naaberkihelkonna pastor. Kuid instruksioonide alalist nõuet, et vanuse kontrollimiseks kasutataks meetrikaraamatute abi, ei ole kaugeltki alati saadud täita, sest eriti varasemad kirikuraamatud polnud säilinud.

Kuivõrd usaldusväärseid andmeid võimaldas revisjonide selline korraldus riigivõimudel saada?

XVIII sajandi revisjonimaterjalide renomee polnud varasemate uurijate silmis kuigi kadestamisväärne. Ja see on arusaadav. Autorid, kes püüdsid agraarajaloo küsimuste uurimisel lähtuda adramaast, sattusid sellele toetuda püüdes kiiresti ummikusse. Kuid veel vaevalt tosin aastat tagasi hindas I. Sildmäe, kes on kasutanud 1732. ja mõningal määral ka 1765. a. revisjoni andmeid, nende usaldusväärsust vägagi pessimistlikult. Kõigepealt ei saavat kohalikest aadlikest koosnevatelt revisjonikomisjonidelt midagi objektiivset oodata. Edasi olnud tollal üldtuntud tõsiasi, et «talupojad ka vande all ei julgenud kohalikes inkvisitsioonikomisjoni-

²⁰ ENSV RAKA, f. 1, nim. 2, s.-ü. 479, l. 8.

²¹ Nii oli see näiteks 1744. a. Türi-Alliku, Kirna, Laupa ja Lokuta mõisaga.

des oma mõisniku vastu tunnistada».²² Selle väite aluseks on kubermanguvalitsuse 1750. aasta 1. mai teadaanne järjekordse revisjoni kohta, milles manitsetakse mõisnikke esitama nõutud andmed õigesti, et võtta lihtsameelsetelt talupoegadelt võimalus valet vanduda. Ilmselt on aga siin silmas peetud hoopis seda, et talupojad võisid juhtudel, kus nad õiget vastust ei teadnud (vanus) või kus oli võimalik kaheksugune lahendus (kas tervisehäire või viga on küllaldane vanade ja vigaste lahtrisse kandmiseks või mitte) «oma hingeõndsuse kahjuks» tahtmatult valet vanduda.

Talupoja hirmuga mõisniku ees seletuvat I. Sildmäe järgi ka see, «miks nii sageli esineb komisjoni protokollides šablooniline märkus, et talupojad kinnitasid mõisniku poolt esitatud andmeid». Nimelt olnud «talupojal hirm mõisa vitste ees sageli suurem kui jumala kohtu ees».²³ Asi on aga selles, et tegelikult esineb see «šablooniline märkus» peaaegu et ainuüksi 1726. a. revisjoni protokollides.

Adramaarevisjonide käigus kogutud andmetest huvitas riigivõime eriti (et mitte öelda ainuüksi) 15—60 aastaste tööjõuliste meestatalupoegade arv. Selle põhjal määrati kindlaks mõisa revisjoniadramaade arv; viimasest omakorda aga olenes korraliste (tollivili, ratsateenistumaks) kui ka mitmesuguste erakorraliste maksude suurus. Seepärast oli mõisniku huvides näidata tööjõuliste meestatalupoegade arvu võimalikult madalamana. Seevastu naiste, samuti vanade ja vigaste meeste, alla 15 aasta vanuste poiste ja loomade arvu ning koormiste suurust polnud mõisnikel põhjust tegelikust väiksemana näidata. Vähe sellest: nende kontrollimisel ilmnevad vead võisid kergesti äratada inkvisitsioonikomisjonis kahtlusi ka tööjõuliste meeste kohta esitatud andmete õigsuses. Järelikult võivad siin esineda vaid juhuslikud, hooletusest või asjatundmatusest põhjustatud vead. Nagu hiljem näeme, on sageli töövõimetute meeste ja mõnikord ka poiste arvu näidatud töövõimeliste meeste arvel tegelikust suuremana.

Edasi inkvisitsioonikomisjonid. Viimaste töö objektiivsuses on kaheldud sellepärast, et nad ei koosnenud erapooletutest ja truudest riigiametnikest, vaid nendesamad mõisnike kohaliku päritolu seisusekaaslastest. Kui aga võrrelda mõisnike poolt täidetud vakuraamatuid revisjonikomisjoni omadega, ilmnevad teinekord vägagi suured lahkumineked, seda esijoones tööjõuliste meeste arvus. Peaaegu alati on komisjoni vakuraamatu järgi mehi rohkem kui mõisniku andmeil. Juhtumid, kus komisjon on suurendanud tööjõuliste meeste arvu 10—15 ja enamagi protsendi võrra, pole sugugi haruldased. Nii näiteks oli Liivi mõisas selle omaniku G. J. Zöge andmeil 1739. a. 15—60 aastasi tööjõulisi mehi kokku 56, komisjoni vakuraamatu järgi 76 (parandus 36%), 1744. a.

²² I. Sildmäe. Feodaal-pärisorjusliku tootmise dünaamikast, lk. 46.

²³ Sealsamas, lk. 47.

on komisjon samas mõisas töäjõuliste meeste arvu suurendanud 12, 1750. a. 15%. Vaikna mõisas suurendas komisjon 1732. a. töäjõuliste meeste arvu 37-lt 47-le (27%), 1750. a. 69-lt 82-le (19%), Loodnas 1739. a. 45-lt 54-le (20%), Ohtlas 1739. a. 9-lt 14-ni (55%). Mainitud mõisad asuvad kõik Kullamaa kihelkonnas. Viimane ei olnud aga mingis suhtes erand ja taolisi näiteid võiks kõikjalt tuua hulgaliselt. Mõisnike poolt esitatud ja komisjoni vakuraamatutesse kantud andmed meeste arvu kohta on taluhaaval läbi kontrollitud Märjamaa kihelkonna kõigi mõisate osas (vt. tabel).

Niisiis ei ole komisjonide parandused tehtud sugugi niisama, moe pärast, vaid on sageli üsnagi kaalukad. Võidakse küsida: kuhu jääb siis mõisnike klassisolidaarsus?

Ei ole põhjust arvata, et inkvisitsioonikomisjonid aina moonutasid, petsid ja valetasid selleks, et veidigi vähendada iga üksiku mõisniku kohustusi mõisnikeriigi vastu. Selline arusaamine mõisnikkonna klassisolidaarsusest oleks vulgariseerimine. Klassisolidaarsus määras küll mõisnike hoiaku siis, kui küsimus riivas balti aadli kui terviku (praktiliselt selle seisuse iga liikme) huve, nagu näiteks maksustuse aluste jms. küsimuses. Kuid ei saa öelda, et klassisolidaarsus oleks takistanud inkvisitsioonikomisjonidel talupoegade käest saadud andmete põhjal suurendamast isegi komisjoni liikmetele kuuluvate mõisate töäjõuliste meestalu- poegade arvu ja järelikult ka nende riigimakse.²⁴

Revisjonikomisjonide hoiak saab vahest mõistetavamaks, kui võtta arvesse, et XVIII sajandil üsnagi suured erakorralised riigimaksud määrati tervele kubermangule (või maakonnale) ning jagati mõisate vahel nende revisjonidramaade arvu järgi. See aga tähendas, et revisjonikomisjonide liikmed teistele kuuluvate mõisate revisjonidramaade arvu vähendamisega oleksid suurendanud omaenda riigimakse.

Niisiis: kuigi üksikud sihilikud moonutused pole täiesti välistatud, tuleb siiski mõõnda, et inkvisitsioonikomisjonidel ei olnud mõistlikku põhjust asuda teadliku võltsimise teele ja kõik viitab sinnapoole, et nad sellele ei ole ka läinud.

Jääb veel vaadelda nende allikate usaldusväärsust, kust komisjonid oma andmeid said.

Nagu juba öeldud, on komisjonid mõisnike poolt esitatud andmeid väga paljudel juhtudel korrigeerinud. Enamasti ei ole seejuures märgitud, mille põhjal parandused on tehtud. Mõne komisjoni sekretärid on siiski teinud vastava märkuse kas otseselt komisjoni vakuraamatusse või siis komisjoni istungi protokollis. Nii on võimalik saada täielikku ülevaadet Läänemaa viimaste adramaarevisjonide (1750, 1757, 1765, 1774) käigus komisjoni poolt tehtud paranduste põhjuste kohta. Märjamaa kihelkonna

²⁴ Kui revideeriti mõisat, mis kuulus mõnele komisjoni liikmele, ei võtnud viimane sel ajal komisjoni tööst osa.

Märjamaa kihelkonna talupojad mõisnike ja inkvisitsioonikomisjoni andmeil

Mõisa nimi	Vakuraamatu liik ²⁵	1732. a.			1739. a.			1744. a.			1750. a.			1765. a.			1774. a.		
		Meessoost talupoegi			Mille arvel tööjõuliste arv kasvas			Meessoost talupoegi			Mille arvel tööjõuliste arv kasvas			Meessoost talupoegi			Mille arvel tööjõuliste arv kasvas		
		Tööjõulised (15–60 a.)	Vanad ja vigased	Lapsed (kuni 15 a.)	Vakuraamatusse kandmata	Vanade ja vigaste lahtrist	Laste lahtrist	Tööjõulised (15–60 a.)	Vanad ja vigased	Lapsed (kuni 15 a.)	Vakuraamatusse kandmata	Vanade ja vigaste lahtrist	Laste lahtrist	Tööjõulised (15–60 a.)	Vanad ja vigased	Lapsed (kuni 15 a.)	Vakuraamatusse kandmata	Vanade ja vigaste lahtrist	Laste lahtrist
Sõtküla	I	12	6	16				15	7	18				17	7	23			
	II	14	4	16	2			16	7	18			1	20	5	22			
Paeküla	I	8	5	14				16	5	18				18	6	20			3
	II	10	3	14	2			21	4	19			1	21	4	19			2
Mõraste	I	3	0	6				7	1	10				6	3	10			
	II	3	0	6				8	0	10				8	2	10			
Märjamaa	I	8	7	19				19	7	20				16	5	13			
	II	12	4	18	3	1		23	6	18			1	17	4	13			2
Päädeva	I	4	0	10				10	3	10				12	5	13			
	II	4	1	10				10	3	10				16	5	10			
Haimre	I	40	4	52				56	13	33				48	15	43			
	II	37	7	51				54	13	33				55	12	40			
Vana-Kasti	I	18	8	23				18	5	22				25	9	32			
	II	22	5	21	2	2		20	5	19			2	31	7	29			
Uue-Kasti	I	9	3	9				12	3	9				15	7	22			
	II	9	3	9				15	2	9				19	3	22			
Mõisamaa	I	7	5	12				14	5	13				30	8	25			
	II	7	5	12				15	4	13			1	31	7	24			
Kõrvetaguse	I	10	0	11				8	1	12				9	5	8			
	II	10	0	12				11	1	9				10	4	8			
Vaimõisa	I	13	2	13				15	5	23				20	6	22			
	II	13	4	13	1			16	5	23			1	23	3	21			
Lümandu	I	11	5	10				15	6	17				20	8	23			
	II	12	5	9		1		16	5	17				22	8	21			
Valgu	I	36	7	62				63	12	46				67	9	51			
	II	38	6	61	1	1		69	11	41				73	7	48			
Orgita	I	17	6	19				19	8	21				27	8	24			
	II	17	5	19				23	6	23			2	29	5	27			
Kokku	I	196	58	276	1	10	5	285	81	272				340	104	348			
	II	209	52	271				314	72	260				382	77	339			

²⁵ I — mõisniku esitatud vakuraamat
II — komisjoni vakuraamat

1750. a. revisjoni materjalide läbivaatamisel ilmnes järgmine pilt.

Kogu kihelkonnas kanti mõisnike poolt laste lahtrisse paigutatud poistest revideerimise tulemusena tööjõuliste meeste lahtrisse 12 poissi (3,5 protsenti poeglaste üldarvust).²⁶ Tervelt 10 juhul oli seejuures aluseks meetrikaraamat. Ülejäänud kahest, kelle kohta meetrikaraamatust andmeid ei leitud, oli üks isa tunnistuse järgi juba 18-aastane, teine aga tunnistati vanemaks kui 15 aastat sellepärast, et tema teises talus elav noorem vend oli juba mõisniku esitatud vakuraamatus märgitud tööjõulisena.

Mõisnike poolt vanadeks ja vigasteks loetud meestest on komisjon koguni veerandi (26 meest) tunnistanud tööjõulisteks. Nendest 9 puhul oli aluseks talupoja enda tunnistus, et ta ei ole veel 60-aastane.²⁷ Kaheksa vigasena märgitu suhtes otsustas inkvisitsioonikomisjon kohapeal pärast nende vigastuste järelevaatamist, et mehed on siiski töövõimelised. Kolm vigastena märgitud loeti tööjõulisteks põhjendusega, et nad olid eelmise revisjoni ajal vigastustele vaatamata tööjõuliste lahtris. Sinna kanti ka üks jalust vigane, kes haigestumise tõttu polnud kohale ilmunud.

Nagu näeme, on peaaegu ühesugusel määral kasutamist leidnud kolm tõestusviisi: meetrikaraamat, vannutatud talupoja enda tunnistus, ülevaatus kohapeal. Seejuures on neist igaüht kasutatud erinevat tüüpi kahtlastel puhkudel: kirikuraamatut, kui oli küsimuses alama vanusepiiri (15 aastat) ületamine, talupoja enda tunnistust ülemise vanusepiiri (60 aastat) suhtes, kohapealset ülevaatus aga siis, kui küsimuses oli tervislik seisund.

Vaadelgem kõiki neid tõestusviise veidi lähemalt.

Kui maakonna inkvisitsioonikomisjon alustas kihelkonna mõisate revideerimist, kutsuti kohale ka vastava kihelkonna pastor, kelle ülesandeks oli manitseda eraldi iga mõisa taluperemehi kõnelema «puhast ja võltsimata» tõtt, «rangelt hoiatada» neid valedandumise eest ja nad vannutada. Inkvisitsioonikomisjoni istun-

²⁶ Nende hulgas oli üks, kelle kohta kogu Kõrvetaguse vald tõendas, et ta juba lapsest saadik haige; komisjon aga leidis, et tal pole muud silmaga nähtavat viga, kui et on kasvult väga väike. Teine oli meetrikaraamatu järgi juba 17-aastane, ehkki kasvu põhjal võis teda pidada 11-aastaseks.

²⁷ Kirjaoskamate ja poolkirjaoskamate talupoegade puhul oli hiljemgi tavaline, et nad ei olnud võimelised andma vastust küsimusele enda täpse vanuse kohta. Sageli oli taolistel puhkudel võimalik vanust välja arvutada sel teel, et küsiti talupojalt, kas ta mäletab seda või teist erakorralist sündmust ja kui vana ta sellal oli. XVIII sajandil on selliseks pidepunktiks ikka olnud 1695.—1697. aasta suur nälg või 1710. a. katk. Esitamata üksikjuhtumeid (neid on protokollides rohkesti), viidakem näiteks 1744. a. Järvamaa inkvisitsioonikomisjoni poolt keisrinnale saadetud memoriaalile, milles põhjendatakse arvukaid lahkuminekuid mõisnike ja komisjoni vakuraamatute vahel tööjõuliste arvus muuhulgas sellega, et komisjon leidnud paljud mõisnike poolt vanadena märgitud mehed tegelikult olevat vaid 58—59 aastased. Vahe võiks komisjoni arvates olla tekkinud sellest, et mõisnikud võtnud vanuse arvestamisel aluseks esimese nälja-aasta (1695), komisjon aga viimase, s. o. 1697. a., milal suurem oli eriti suur (ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 478, l. 12).

gile ilmudes tuli pastoril kaasa tuua meetrikaraamatud, mis pidid olema aluseks talupoegade vanuse kindlakstegemisel. Praktikas oli aga vaid harva võimalik elatanud talupoegade vanuse määramisel meetrikaraamatule tugineda. Nimelt oli vanemaid, XVIII sajandi algusse ja veelgi kaugemale ulatuvaid meetrikaraamatuid säilinud vaid vähestes kihelkondades. Pealegi ei õnnestunud isegi neil juhtudel, kui taoline meetrikaraamat siiski olemas oli, kaugeltki mitte iga talupoja kohta vajalikke andmeid leida. Küll aga olid meetrikaraamatud enamasti põhiallikaks laste vanuse selgitamisel.²⁸

Vannutatud talupoegade tunnistuste usaldusväärsuse küsimuse selgitamine on eriti oluline. Meetrikaraamatud pakkusid komisjonile tuge ainult meeste vanuse selgitamisel ja sedagi kaugeltki mitte alati; kohapealse ülevaatusena aga võidi saada mingisugune ettekujutus talupoja tervislikust seisukorrast. Kuid naiste, laste ja loomade arvu ning koormiste suuruse kontrollimisel tugineti ainuüksi vannutatud talupoegade tunnistusele. Meetrikaraamatute ja kohapealse ülevaatusena vähemalt võrdne tähtsus oli talupoegade tunnistustel, nagu nägime, ka töövõimelisuse küsimuse otsustamisel.

Peaaegu alati võib leida talupoegadelt saadud andmete põhjal tehtud parandusi. Eriti sagedased on sedalaadi parandused tööjõuliste meeste osas. Et talupojad komisjoni ees vitsahirmu sunnil ei vaikinud, näitab seegi, et kaebused riigimõisate valitsejate peale ülemäära suurte koormiste ja üldse omavoli pärast on üsna tavalised.²⁹

Huvitavaid andmeid inkvisitsioonikomisjonide töö, eriti aga talupoegade tunnistuste usaldusväärsuse ja kohapealse «meditsii-

---

²⁸ Kui ka uemat meetrikaraamatut polnud või kui küsimuses oleva poisi kohta sealt andmeid ei leitud, praktiseerisid komisjonid küsitlemist või ülevaatamist kohapeal. Seejuures poisid, kelle suhtes mingil moel (enamasti isa tunnistuse põhjal) õnnestus 15-aastaseks saamise fakt kindlaks teha, kanti alati tööjõuliste hulka, sõltumata nende füüsilise arengu tasemest. Kui aga vanust kindlaks teha ei õnnestunud, otsustati küsimus kas lihtsalt väljanägemise järgi (Kaalepi mõisas tunnistati 1744. a. üks poiss töövõimeliseks, kuna ta oli «pikk ja laiaõlgne»), eriti aga oli kriteeriumiks see, kas nooruk on juba hakanud kündma või mitte. Töövõime kohta päriti teinekord andmeid ka vanemate meeste puhul. Nii oli 1744. a. Seidla talupoeg Annuse Adam mõisniku poolt kantud vanade ja vigaste lahtrisse. Inkvisitsiooni ajal Adamat ennast kohal ei olnud, kuna aga naise tunnistuse järgi ta on «veel tubli ja teeb head tööd», leidis komisjon olevat ta töövõimelise (ENSV RAKA, f. 3, nim. 1, s.-ü. 482, l. 251).

²⁹ I. Sildmäe kirjutab 1750. a. revisjoni kohta: «Nii era- kui ka riigimõisate talupoegadele esitatakse rida täiendavaid küsimusi, mille vastustest, otsustades protokollil järgi, jääb mulje, et talupoegadel ei ole tavaliselt erilisi kaebusi mõisniku peale koormiste suurendamise jt. küsimustes» (I. Sildmäe. Feodaal-pärisorjusliku tootmise dünaamikast, lk. 47). Tegelikult on asjatu vaev otsida nii 1750. kui ka teiste revisjonide protokollidest eramõisate talupoegade kaebusi mõisniku peale ja seda sel lihtsal põhjusel, et kaebuste vastuvõtmist eramõisate talupoegadelt revisjonide instruksioonid ette ei näinud.

nilise» läbivaatuse laadi kohta sisaldavad 1774. a. Läänemaa inkvisitsioonikomisjoni protokollid. Selle komisjoni sekretär B. J. Meyer paistab silma erilise püüdlikkuse ja kohusetruudusega, ta on kõikidest maakondlike inkvisitsioonikomisjonide sekretäri ülesandeid täitnutest ainus, kes on protokollinud viimase kui ühe komisjonis küsimuse all olnud talupoja asja arutamise käigu. See tõttu saame enamiku mõisnike poolt vanade ja vigaste lahtrisse kantud talupoegade kohta teada, miks nad sellesse lahtrisse on kantud. Kõikidel juhtudel saame teada komisjoni otsuse talupoja töövõime suhtes ja, mis meile eriti oluline, sageli saame teada sedagi, mis oli komisjoni otsuse aluseks. Töötanud läbi Märjamaa kihelkonna inkvisitsiooniprotokolli, avanes järgmine pilt.

Märjamaa kihelkonna 13 revideeritud mõisas oli mõisnike poolt esitatud vakuraamatute andmeil 1774. a. kokku 466 15—60 aastast töövõimelist, 140 vana või vigast ja 420 alla 15 aasta vanust meessoost pärustalupoega. Revisjonikomisjon korrigeeris neid arve oluliselt. Tema andmeil oli töövõimelisi 518 (tõus 11%), vanu ja vigaseid 97 (langus 31%), poeglapsi 415 (langus veidi üle 1%).³⁰ 97-st komisjoni poolt vanade ja vigaste lahtrisse kantust olid 3 mõisnike poolt jäetud vakuraamatusse märkimata. Ülejäänud 94-st tunnistati vanemaks kui 60 aastat 35 talupoega, mitmesuguste vigastuste või haiguste tõttu töövõimetuteks 59 meest. 43 esialgu vanade ja vigaste lahtris märgitud talupoega leiti olevat aga töövõimelised. Neist 8 puhul jääb ebaselgeks, millistel motiividel nad esialgu vanade ja vigaste lahtris seisid — protokollis on lakooniliselt märgitud, et nad on töövõimelised, 3 kohta leitakse, et nad on «veel töövõimelised» — ilmselt on küsimuses olnud nende vanus. 22 talupoega leitakse olevat alla 60 aasta vanad; viiel ei leidnud komisjon olevat songa; kahel, kes pidasid endid tööbisteks, ei leitud mingit silmaga nähtavat viga; ülejäänud kolme viga leiti olevat kas möödunud (skorbuut), paranenud või liiga väike selleks, et neid vigasteks lugeda.

Kui püüda neid arve sisuliselt analüüsida, torkab kõigepealt silma, et komisjon on suure hulga mõisnike poolt vanadeks ja vigasteks märgitud meestest (tervelt kolmandiku) tunnistanud töövõimelisteks. Komisjoni andmeil oli Märjamaa kihelkonna 1030 meessoost talupojast üle 60 aasta vanuseid 35, mis teeb 3,2 protsenti meeste üldarvust. Seda protsenti ei saa nimetada ülemäära kõrgeks.³¹ Elatanud talupoja vanus saadi üldreeglina teada temalt eneselt.³² Teiste talupoegade käest arusaadavatel

³⁰ Äratab tähelepanu poeglaste arvu püsivus. Kontrollides olukorda taluhaaval, ilmnes, et komisjon leidis ainult 6 laste lahtris märgitud poissi olevat vanemad kui 15 aastat. Võimalik, et mõisnikud ei riskinud valeandmeid poiste kohta esitada sellepärast, et komisjoni käsutuses olid selle küsimuse selgitamisel heas korras olevad meetrikaraamatud.

³¹ Vrdl. S. V a h t r e. Eestimaa talurahvas, lk. 152—157.

³² Märjamaa 1774. a. revisjoniprotokollis on enamasti lakooniliselt märgitud, et talupoeg leiti olevat vana või alla 60 aasta. Ainult neljal juhul on

põhjused selle kohta andmeid ei küsitud.³³ Kui aga talupoeg ka ise oma vanust ei teadnud, otsustati küsimus tema «väljanägemise järgi»³⁴ või püüti leida mingeid pidepunkte meetrikaraamatust (laste sünd, abiellumine jne.).

Ülaltoodust nähtub, et maksustamise seisukohalt nii olulises küsimuses nagu kriitilise vanusepiiri ületamine tunnistasid talupojad komisjonis tõtt, mis tihti oli mõisnikule ebasoodne. Talupoja tunnistus leidis fikseerimist ka komisjoni vakuraamatus. XVIII sajandi adramaarevisjonide andmestiku usaldusväärsuse selgitamiseks on see fakt väga oluline.

Kahtlusi revisjoniandmete objektiivsuse suhtes kutsub esile vigaste ja pödurate suhteliselt kõrge protsent. Nii tuleb Märjamaal 1774. a. 518 15—60 aastase töövõimelise meessoost talupoja kohta 59 samas vanuses vigast. Seega pidi iga kümnes talupoeg olema terviselikel põhjustel töövõimetu. Invaliidide lahtrisse kandis komisjon 13 talupoega, kellel tehti kindlaks song, 4 langetõbist, 2 pimedat, 1 tumm, 1 küürakas, 20 talupoega, kes olid jalust vigased,³⁵ ning 5, kellel oli käsi vigane; 2 loeti töövõimetuks kõhuhaiguste tõttu, 5 muidu «viletsat ja jõuetut» ja 6 lähemalt iseloomustamata vigadega.

Nagu näeme, on üsna rohkesti selliseid vigastusi, mis ei kahjusta oluliselt talupoja töövõimet: tumm või lombakas võib töötada mitte halvemini päris tervest, täielikku invaliidsust ei too endaga kaasa ka langetõbi või song. Sedalaadi kehaliste vigadega talupoegade kvalifitseerimisel olid komisjonil võrdlemisi vabad käed. Olenes täiesti tema rangusest, aga võib-olla ka komisjoni liikmete suhtumisest mõisnikku, millisesse lahtrisse niisugune talupoeg paigutada.³⁶ Võimalus selleks peitub «tööjõulise mehe» mõistes endas — ei ole see ju mingi kindlapiiriline kategooria. Lisagem, et ka 60 aasta piiri ületamine ei muutnud talupoega

---

otseselt märgitud, et talupoja enda tunnistuse järgi (või talupoja enda rehken-duse järgi) ei ole ta veel 60-aastane. Ilmselt on aga ka vormeli «leiti olevat» taga varjul talupoja enda tunnistus. 1750. a. revisjoniprotokollis väljendatakse selles küsimuses selgemini. Seal on talupoja enda kinnitus, et ta on vähem kui 60 aastat vana, olnud aluseks 8 juhu vanade ja vigaste lahtrist töövõimeliste lahtrisse kandmisel. Taoliste ülekandmiste üldarvust moodustas see tervelt veerandi.

³³ Nii ei saadud tõestada mõlder Hermi vanust, kuna ta ise oli kõrge palavikuga kodus (loeti siiski töövõimeliseks). Wirrita Matzi vend ei saanud «vanuse tõttu» komisjoni ette ilmuda; komisjon tunnistas ta töövõimetuks mitte vanuse tõttu, vaid sellepärast, et «kogu valla» tunnistuse järgi on tal song.

³⁴ Vabadiku Seppa Tõnnise vanust ei õnnestunud kindlaks teha; kuna ta aga oli «väljanägemise järgi» veel töövõimeline, kanti ta ka vastavasse lahtrisse.

³⁵ Nendest oli ühel «ära kuivanud» reis, teisel puus, kaks olid jalasooned vikatiga läbi lõiganud, üks jalalabad ära põletanud, ühel teine jalg lühem, ühel jalg lõmastatud, ühel jalg kange, ühel jalalaba kõndistunud, üks puusast vigane. Ülejäänud 10 olid lombakad või halvatud (*lahm*).

³⁶ 1744. a. on komisjon Võhmuta mõisniku poolt vigaste lahtris märgitud tumma noormehe kandnud töövõimeliste hulka; Haimre mõisas on tumm poiss aga jäetud vigaste lahtrisse.

tööks kõlbmatuks: senikaua kui tervis vähegi lubas (ja ta lubas enamasti surivoodini välja), talupoeg töötas. Seetõttu adramaarevisjonide «tööjõuline mees» ning tegelikult talus tööd tegev mees ei ole kattuvad mõisted.

Antud seoses on meil oluline konstateerida, et ka oma tervisliku seisukorra kohta ei ole talupojad komisjoni ees pärushärra huvides valeandmeid andnud: ettetoodud vead ja tervisehäired olid talupoegadel tõesti olemas³⁷ ning polnud talupoja asi otsustada, millisesse vakuraamatu lahtrisse tuleb ta selle tõttu (või sellest hoolimata) paigutada.

Jääb veel küsimus üksikute talupoegade või isegi tervete talude väljajäämisest või -jätmisest. Tervete talude sihilikku väljajätmist mõisnike poolt ei ole revisjonikomisjonid kusagil avastanud. Küll aga on seda ette tulnud üksikute talupoegade, sagedamini raukade ja lastega. Kui terve Märjamaa kihelkonna peale tegi revisjonikomisjon 1774. a. kindlaks vaid ühe töövõimelise talupoja väljajätmise, siis väljajäänud vanu, vigaseid ja lapsi avastati tervelt kuus.³⁸

Seni püüdsime XVIII sajandi adramaarevisjonide käigus kogutud andmete usaldusväärsuse küsimusse selgust tuua revisjonimaterjalide eneste põhjal. Ent revisjoniandmete usaldusväärsuse selgitamisel ei ole vähem oluline nende kõrvutamine samaaegsete, adramaarevisjonidest sõltumatute allikatega.

Koormiste puhul on selline kõrvutamine üsna lihtne, sest ENSV RAKA-s on sellest ajast säilinud paljude Eestimaa mõisate vakuraamatud. Nende koormismäärad ühtivad revisjonide andmetega peaaegu alati.³⁹ Seevastu talupoegade ja loomade arvu taoline otsene võrdlemine on võimalik vaid üksikutel juhtudel. Kaudselt saab revisjonimaterjalide andmeid talupoegade arvu kohta kontrollida meetrikaraamatute varal.⁴⁰ Seejuures ilmneb, et viimaste järgi suurenes Järvamaa elanike arv ajavahemikus 1765—1774 3100 inimese võrra; adramaarevisjonide andmeil oli 1774. a. 2800 talupoega rohkem kui 1765. a. Ajavahemikus 1774—1782 oli iive meetrikaraamatute järgi 3000, revisjoniandmeil aga 2800.⁴¹ Meetrikaraamatute järgi peabki loomulik iive olema umbes

³⁷ Sellega ei taha sobida tõsiasi, et 18-st Märjamaa talupojast, kellel pidi olema song, ei leidnud komisjon seda viiel. Kuid haiguse algstaadiumis ei saagi songa niisama lihtsalt, palja vaatlemise teel kindlaks teha. Samuti ei saa võhik leida nn. sisemist songa, mis esineb küll suhteliselt harva.

³⁸ Valgu mõisas oli märkimata jäänud Kangur Kerstini 3 väikest tütar; Uue-Kasti mõisas Alt-Jurry raugast isa, Oppi-Maddisel poiss, Nieliski Jürryl väike poeg.

³⁹ Feodaalrendi uurimist nende põhjal takistab kõigepealt abiteo kohta käivate andmete puudumine või nappus. Arvestada tuleb ka seda, et revisjoni vakuraamatuis fikseeritud andamite, eriti viljahinnuse määrad pärinevad sageli XVII saj. vakuraamatutest ja tegelikult ei nõutud vilja enam selles ulatuses.

⁴⁰ Vt. H. Ligi. Talurahva arv ja paiknemine, lk. 295—299.

⁴¹ 1774. a. adramaarevisjoni ja 1782. a. hingeloenduse andmete võrreldavaks muutmiseks on 1782. a. talupoegade arvust maha arvatud mõisateenijad.

10 protsenti suurem adramaarevisjonide vastavast näitajast, sest erinevalt esimesest ei kajastu viimases mõisateenijate, vabade inimeste ja mõisnike arvu muutumine.⁴² Seega võime nentida, et antud juhul langevad kahe teineteisest sõltumatu allikaliigi andmed kokku lausa hämmastava täpsusega. Uhtlasi selgub siit, et viimase Eestimaa adramaarevisjoni ja esimese (ülevenemaaliselt neljanda) hingeloenduse andmed haakuvad teineteisega väga hästi. See aga lubab eriliste raskusteta «ehitada silda» kahe andmete põhilaadilt võrdlemisi lähedase, massilisi statistilisi andmeid sisaldava allikaliigi vahele. Feodaalaja Eestimaa külas toimunud demograafilise arengu, aga ka rea teiste põhiliste sotsiaal-majanduslike protsesside n.ö. läbivaks jälgimiseks on sel-
lel väga suur tähtsus.

Kokku võttes tuleb nentida, et Eestimaa adramaarevisjonide materjalid kujutavad endast allika iseärasusi arvestava kasutamise korral väga väärtuslikku ja usaldusväärset ajalooallikat.

---

⁴² Viimasena mainitud kategooria kohta pole adramaarevisjonides üldse andmeid, kahe esimese kohta on need väga puudulikud.

О ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ ЭСТЛЯНДСКИХ ГАКОВЫХ РЕВИЗИЙ XVIII ВЕКА

Х. Лиги

Резюме

В ЦГИА Эст. ССР, в ЦГАДА и в других архивах хранятся обширные и разнообразные материалы о сельском хозяйстве Эстонии XVIII века. Наиболее богатыми из них являются данные так называемых гаковых или земельных ревизий в Эстляндии. Ревизии проводились с целью государственного обложения имений через каждые 5—14 лет: в 1712, 1726, 1732, 1739, 1744, 1750, 1757, 1765 и 1774 гг. В последнее время эстонские историки стали обращать все больше внимания данным этих ревизий. Но некоторые исследователи относятся к вопросу о достоверности ревизионных материалов весьма пессимистически. В статье этот богатый статистическими данными источник впервые подвергается подробному источниковедческому анализу.

За исключением первых двух ревизий все остальные были проведены 4 утвержденными губернским правлением уездными инквизиционными комиссиями на местах. Вакенбухи и спецификации, в которых были записаны данные о количестве людей, лошадей и крупного рогатого скота, а также о крестьянских повинностях всех крестьянских дворов были представлены уездным комиссиям помещиками. Для проверки данных вакенбухов и спецификаций комиссиями были использованы три спо-

соба: церковные метрические книги, показания самих крестьян и осмотр на месте. Сопоставление данных ревизий с другими независимыми от них источниками (ревизскими сказками IV ревизии душ и т. д.) показывает, что подобная организация ревизий позволяла получать весьма достоверные данные о количестве трудоспособных мужчин, а также о численности всего крестьянского населения. Материалами гаковых ревизий можно с успехом пользоваться для изучения многих проблем аграрной истории, исторической демографии и т. д.

ÜBER DIE ZUVERLÄSSIGKEIT DER ANGABEN DER ESTLÄNDISCHEN HAKENREVISIONEN.

Zusammenfassung

H. Ligi

Im vorliegenden Artikel wird der Versuch unternommen, das umfangreichste Quellenmaterial der sog. Hakenrevisionen vom Standpunkt der Quellenkunde aus kritisch einzuschätzen. Im 18. Jahrhundert wurden zu staatlichen Besteuerungszwecken in Estländischen Gouvernement Hakenrevisionen durchgeführt (in Jahren 1712, 1726, 1732, 1739, 1744, 1751, 1757, 1765 und 1774). Bei der Durchführung der Hakenrevisionen entstand eine sehr umfangreiche Dokumentation, welche im Zentralarchiv für die Geschichte der Estnischen SSR in Tartu aufbewahrt wird.

Die sog. Spezifikationen und Wakenbücher wurden nach den Gütern zusammengestellt, wobei die Gutsherren für sie verantwortlich waren. In diesen Dokumenten wurden die Angaben über die Bewohner, das Vermögen und die Feudallasten der Bauernhöfe fixiert. Die Richtigkeit der Angaben wurde durch das Verhör der Bauern und durch das Vergleichen der Angaben der Spezifikationen mit Kirchenbüchern geprüft. Wie die kritische Analyse des Quellenmaterial zeigt, stellen die Protokolle des Hakenrevisionen ein sehr zuverlässiges Material dar. Da die Angaben des Hakenrevisionen es gestatten, noch sehr viele Probleme der Agrargeschichte und der historischen Demographie zu behandeln, ist anzunehmen, dass die Forscher in der Zukunft noch wiederholt zu diesem Material zurückkehren werden.

SISUKORD OGLAVLЕНИЕ

K. SIILIVASK. Eesti Töörahva Kommuuni võimu periood Tartus . . .	3
К. Сийливаск. Период власти Эстлянской Трудовой Коммуны в Тарту. <i>Резюме</i>	14
K. Siilivask. Die Machtperiode der Estländischen Arbeitskommune in Tartu, <i>Zusammenfassung</i>	15
Э. ЦОПП. Союз коммун северной области и возникновение Эстляндской Трудовой Коммуны	17
E. Zopp. Der Bund der Kommunen des nördlichen Gebiets und die Entstehung der Estländischen Arbeitskommune. <i>Zusammenfassung</i>	29
Я. РАЙД. Планы гитлеровской Германии в отношении Эстонии и эстонского народа	31
J. Raid. Die Pläne Hitlerdeutschlands hinsichtlich Estlands und des estnischen Volkes. <i>Zusammenfassung</i>	50
M. REINFELT. Teaduslik-pedagoogilise kaadri ettevalmistamisest Tartu Riiklikus Ülikoolis aastail 1944—1950	51
М. Рейнфельт. О подготовке научно-педагогических кадров в Тартуском государственном университете в годы 1944—1950. <i>Резюме</i>	69
M. Reinfelt. Über die Vorbereitung der wissenschaftlich-pädagogischen Kader an der Tartuer Staatlichen Universität von 1944—1950. <i>Zusammenfassung</i>	70
В. ФАЙНШТЕЙН. Сдвиг к плодосмену в прибалтийском помещичьем хозяйстве (на примере помещичьего хозяйства на территории Эстонии)	73
V. Fairstein. Der Umschwung zum Fruchtwechsel in der Gutswirtschaft der Ostseeprovinzen Russlands (and Hand des Beispiels der Gutswirtschaft in Estland). <i>Zusammenfassung</i>	92
H. LIGI. XVIII sajandi Eestimaa adramaarevisjonide andmete usaldusväärsusest	94
Х. Лиги. О достоверности данных Эстляндских гаковых ревизий XVIII века. <i>Резюме</i>	110
H. Ligi. Über die Zuverlässigkeit der Angaben der estländischen Hakenrevisionen. <i>Zusammenfassung</i>	111

Цена ·1 руб. 14 коп.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00286924 8